

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

Т.Н. Медведева

Методические указания по курсу
**«Общее языкознание и история
лингвистических учений»**

Тема: Лингвистическая география. Неолингвистика

Лингвистическая география появилась в 70—80-х гг. XIX в., в связи с распространением «теории волн», когда обнаружили факты несовпадения языковых явлений и сложилось мнение об отсутствии границ между диалектами и языками, о смешанном характере языков и о том, что чистых языков вообще не существует. Развитие лингвистической географии связано с нанесением различий диалектов и созданием диалектологических атласов. Таким образом, лингвистическая география занимается изучением территориального распространения языковых явлений.

Из школьного курса географии известны такие понятия, как «изотерма» (линия, соединяющая области с одинаковой температурой), «изобара» (области с одинаковым давлением) и т.п. По аналогии возникло и понятие «изоглосса», т.е. линия, соединяющая на карте области, в которых наблюдается то или иное языковое явление, например одинаковое произношение звука или одинаковое наименование предмета (явления). Изучение характера распределения изоглосс показало, что их распространение на территории, занимаемой языком, образует сложное переплетение, при этом изоглоссы разных языковых явлений, характерных для данного диалекта, как правило, не совпадают. Проходя близко друг от друга, изоглоссы образуют **пучки**, между которыми выделяются территории, характеризующиеся единством в отношении исследуемого языкового явления. Именно такие пучки изоглосс и образуют территориальные диалекты.

В 1876 г. в Германии **Георг Венкер** (1852—1911) начал собирать материал для составления лингвистического атласа немецкого языка, обращая главное внимание на фонетические и грамматические явления. В 1926 г. часть карт была издана. Во Франции в 1902—1910 гг. **Жюль Жильерон** (1854—1926) и **Эдмон Эдмон** (1848—1926) создали *Лингвистический атлас* Франции, обращая внимание на лексические особенности. Затем лингвистические атласы стали появляться в Италии, Румынии, Испании, Швейцарии.

В России в 1903 г. по инициативе А.А. Шахматова была создана Московская диалектологическая комиссия, которая в 1915 г. выпустила в свет *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе*. Это был первый опыт лингвистического картографирования диалектов восточнославянских языков.

Неолингвистика (или **ареальная лингвистика**) возникла в результате сотрудничества двух ученых, **Маттео Джулио Бартоли** (1873—1946) и **Джулио Бертони** (1878—1942). Оба были романистами и поэтому свои принципы применяли прежде всего к романским языкам. К этому же направлению принадлежат **Джулио Бонфанте** (р. 1904), **Джакомо Девото** (1897-1974), **Витторе Пизани** (р. 1899¹—1991), **Бен-венуто Террачини** (1886—1968). Основные работы:

М. Бартоли, Дж. Бонфанте *Краткий очерк неолингвистики* (1925 г.);

М. Бартоли *Введение в неолингвистику* (1925 г.); Дж. Бонфанте *Позиция неолингвистики* (1947 г.).

По словам В.А. Звегинцева, неолингвистика — это наиболее эклектическое направление, основывающееся на идеях В. Гумбольдта, Г. Гегеля, Дж. Вико, Б. Кроче, И. Шмидта, Г. Шухардта, К. Фосслера, Н.С. Трубецкого, которые соединяются с наблюдениями и выводами лингвистической географии. Больше всего они поработали в области лингвистической географии, ограничившись по существу географическим фактором, преувеличивая его значение. Таким образом, хотя само название «неолингвистика» создано с целью подчеркнуть отличие от младограмматиков (у «них» — **младограмматика**, а у «нас» — **нео-лингвистика**), в целом неолингвистическая доктрина представляет собой не что иное, как продолжение младограмматизма, но с соответствующими модификациями, введенными для того, чтобы оказаться на уровне современ-

ных направлений, прежде всего географических.

Основным понятием является «языковой ареал», т.е. границы распространения отдельных языковых явлений. При этом различают три основные зоны: центральную, маргинальную (латеральную) и переходную, отношения между которыми характеризуются следующим образом:

- 1) в более изолированном из двух ареалов сохраняется более ранняя стадия;
- 2) стадия, засвидетельствованная в латеральных ареалах, является обычно более ранней, при условии, что центральный ареал не является более изолированным;
- 3) больший по величине из двух ареалов сохраняет более раннюю стадию, при условии, что меньший ареал не является более изолированным и не состоит из латеральных ареалов;
- 4) если одна из двух стадий оказывается устаревшей или готовой исчезнуть, то первой исчезает обычно более древняя стадия.

Поскольку распространение языковых явлений происходит не только в пространстве, но и во времени, то можно судить об относительной древности этих явлений.

Неолингвисты считают, что единого языка не существует, а есть совокупность множества диалектальных изоглосс. «Называя изоглоссами элементы, находящиеся в обладании членов данной лингвистической общности в данный момент времени, мы можем определить язык как систему изоглосс, соединяющих индивидуальные лингвистические акты». Реальны только изоглоссы, а не языки или диалекты. Для разных уровней языка употребляются уточняющие термины: изофоны, изолексы, изосемы. При этом, по мнению Бонфанте, «люди говорят при помощи слов, или, скорее, предложений, а не фонем, морфем или синтагмем, которые являются нашими абстракциями и не имеют независимого (реального) существования».

Следовательно, языки не имеют резко определенных границ. Между языками существуют постепенные непрерывные переходы. Таким образом, взамен идеи родства языков предлагается идея сближения и объединения сопредельных языков в один «союз языков».

Понятие и термин «языковой союз» был заимствован у Н.С. Трубецкого, который впервые использовал его в статье *Вавилонская башня и смешение языков* (1923 г.). Он предложил различать языковую семью и языковой союз, понимая под последним группу языков, которые обнаруживают существенное сходство в синтаксисе, морфологии, а иногда и в фонетике. Эти языки обычно обладают общим фондом культурных слов, не связанных системой звуковых соответствий и исконной элементарной лексикой.

Таким образом, предпринимается попытка выйти за пределы одной языковой семьи и установить межсемейные связи. Все языки рассматриваются как смешанные, как результаты взаимодействия нескольких языков:

- французский = латинский + германский;
- испанский = латинский + арабский;
- итальянский = латинский + греческий + оско-умбрский;
- румынский = латинский + славянский;
- чешский = славянский + германский;
- болгарский = славянский + греческий;
- русский = славянский + финно-угорский и т.д.

Именно смешение языков и является основной причиной всех языковых изменений, причем смешение не расовое, а культурное.

Помимо изоглосс другим понятием, вошедшим в широкий лингвистический обиход, стало понятие **субстрата**. Субстрат представляет собой совокупность черт языковой системы, относящейся к языку, который был распространен на данной территории ранее, в период, предшествовавший смешению этого языка с языком пришельцев. Автором теории субстрата считается Грациадно Асколи. Однако историки отмечают, что эта теория впервые была представлена Я. Бредсдорфом (начало XIX в.), а в 1860—1880-

х гг. была развита Г. Асколи и Г. Шухардтом, а позже В. Брендалем, Ю. Покорным, А. Мейе, О. Есперсенем, Б. Террачини.

По аналогии с понятием субстрата появляются также **суперстрат** и **адстрат**. Первое понимается как следы языка пришельцев, ассимилированного исконным населением. Это понятие было введено В. фон Вартбургом в 1936 г. Второе — результат влияния соседнего языка. Оно было введено Маттео Дж. Бартоли в 1939 г. Эти два понятия не получили широкого распространения в лингвистике.

Неолингвисты полагают, что язык не является ни «организмом», ни «общественным плодом», ни какой-либо иной сущностью, отделимой от человека. Именно человек создает язык. Язык — полностью сознательное творение. При этом язык — явление индивидуальное и каждое изменение в нем имеет индивидуальную причину. Они также думают, что язык в первую очередь — духовная деятельность и художественное творчество. Каждый случай языкового изменения является порождением отдельного индивида, которое затем «воссоздается» другими в результате повторений и таким образом распространяется на более или менее протяженном пространстве.

Естественно, что родословное дерево отрицается и вместо него признается «волновая теория». В. Пизани считает, что различные ветви «родословного дерева» являются не независимыми и моноклитными образованиями, а представляют собой результат распространения из одного или нескольких центров отдельных явлений, которые проникают в разные языки. Причем эти языки могут быть как индоевропейскими, так и неиндоевропейскими. По его мнению, язык-основа — это такая стадия развития, которую должны были пройти все языки в то время, когда они находились во взаимосвязи друг с другом. Индоевропейские языки представляют собой языковой союз.

В задачи ареальной лингвистики входят также проблемы языковой интерференции и языковой аттракции.

Одной из больших заслуг неолингвистики является открытие изоглосс в индоевропейском праязыке.

Тема: Социологическое направление. Концепция Ф. де Соссюра. Современный период лингвистики. Ларингальная теория. Языки «сатем» и «кентум». Семантические исследования. Продолжатели Ф. де Соссюра

Фердинанд де Соссюр (1857—1913), швейцарский лингвист, учился в Женеве, Лейпциге, где преподавали Лескин, Бругман, Остгоф, и в Берлине. В 1876 г. 19-летним студентом он написал *Исследование о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках*. В 1878 г., будучи студентом Лейпцигского университета, он написал *Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках* (к этой работе мы вернемся несколько позднее). С 1881 г. он преподавал германские языки, а позднее — сравнительную грамматику индоевропейских языков в Высшей школе в Париже, где у него учились А. Мейе, М. Граммон и др. В 1891 г. преподавал санскрит и сравнительную грамматику индоевропейских языков в Женевском университете. В 1906—1911 гг. три раза прочел свой курс по общей лингвистике. В числе его слушателей были Ш. Балли и А. Сеше, которые после смерти Соссюра в 1913 г. по записям лекций воссоздали *Курс общей лингвистики*. Подробно история создания этой книги представлена во вступительной статье А.А. Холодовича ко второму русскому изданию *Курса*.

Прежде чем начать изложение основных идей *Курса*, вернемся к *Мемуару*, где Соссюром впервые был осуществлен системный подход к анализу языковых фактов.

Исследователи индоевропейского вокализма выявили две системы чередования гласных — одну для кратких (e — o — ø) и другую для долгих (ā — ō — a), которые не могли получить единообразной интерпретации. Соссюр установил в индоевропейском

праязыке наличие сонантов, т.е. звуков, которые могли быть как слоговыми (по соседству с согласными), так и неслоговыми (по соседству с гласными). Далее (мы несколько упрощаем ход рассуждений Соссюра), он допустил, что наличие долгих гласных есть результат стяжения кратких гласных с соседним сонантом, который он условно обозначил как *A* и назвал сонантическим коэффициентом. (С примером стяжения мы знакомы по латинскому языку: *ogna+o = ognō*.) При этом Соссюр не пытался установить артикуляцию *A*. По словам Э. Бенвениста, «Соссюр рассуждает об этом *A* как о фонеме, а не как о каком-то звуке или какой-то артикуляции... Перед нами алгебраическая единица, член системы, то, что он позднее назовет различительной или оппозитивной сущностью».

Сонантический коэффициент *A* обращал гласный корня в гласный заднего ряда, а если в состав корня входил только *A*, он превращался в *a* или *ʔ*. Система чередований долгих гласных представлялась так:

$$e + A = \bar{a}; o + A = \bar{o}; A \rightarrow a (i).$$

Это выводило долгие гласные из первоначальной системы вокализма и давало более простое решение проблемы. А.А. Зализняк пишет, что заслуга Соссюра заключается в том, что «за видимым беспорядочным разнообразием индоевропейских корней и их вариантов скрывается вполне строгая и единообразная структура корня, а выбор вариантов одного и того же корня подчинен единым, сравнительно простым правилам». Тем не менее современники Соссюра не смогли понять этой простоты. Я.В. Лоя отмечает: «Ни Бругман, ни Фортунатов, ни Поржезинский, ни Гирт, ни даже ученик и преемник Соссюра — А. Мейе — предложению Соссюра не приняли». А по словам Э. Бенвениста, «матитые ученые того времени, уверенные в своей правоте, не желали внять его строгим доводам, и уже самая трудность восприятия *Мемуара* была достаточна для того, чтобы оттолкнуть большинство».

То же можно сказать и об основной работе де Соссюра. Ж. Мунен отмечает, что появление *Курса* не прошло незамеченным, но оценки современников были в основном критическими, поскольку они подходили к работе с позиций лингвистических идей того времени, не обратив внимания на новаторскую ценность работы.

Считается, что на концепцию Соссюра оказал определенное влияние Эмиль Дюркгейм (1858—1917), французский социолог и философ. Он полагал, что общество следует изучать как особую духовную реальность, основанную на общезначимых коллективных представлениях, или социальных фактах. Социальный факт существует объективно, независимо от членов общества и имеет принудительный характер: он навязывается человеческому сознанию коллективом, общественной средой.

Уже отмечалось, что Соссюр был знаком с работами Уитни, которого высоко ценил. Он был лично знаком с Бодуэном де Куртенэ, вел с ним переписку и, конечно, имел представление о его работах и работах Крушевского. Естественно, что все это определенным образом повлияло на взгляды швейцарского лингвиста.

Как же понимал Соссюр язык, это «самое парадоксальное в мире» явление? Бенвенист отмечает, что Соссюр — это «прежде всего и всегда человек, ищущий первоосновы... Рассматривая язык как речевую деятельность, в которой соединяется столько факторов — биологических, физических и психических, индивидуальных и социальных, исторических, эстетических, прагматических, — он задается вопросом: где же, собственно, сам язык?» И он показывает, что язык, с какой бы стороны к нему ни подходить, всегда есть объект **двойственный**, состоящий из двух сторон, каждая из которых существует лишь в силу существования другой. Самое простое в языке — звук — имеет две стороны: акустическую и артикуляторную. Но это двустороннее явление обязательно связано со значением. Кроме того, существует двойственность индивида и общества, языка и речи, материального и идеального (несубстанционального), ассоциаций (парадигматики) и синтагматики, системы и эволюции, синхронии и диахронии и т.д. Таким образом, язык предстает как явление многоликое. И в нем весьма затруднительно выделить единый предмет, поскольку это не акустика, не физиология, не психология, не антропология, не

грамматика. Единственный выход заключается в том, что нужно «с самого начала встать на почву **языка** и считать его нормой для всех проявлений речевой деятельности». И в заключение *Курса* Соссюр говорит: «Единственным и истинным объектом языкознания является язык, рассмотренный в самом себе и для себя».

И здесь начинаются все непонимания и недопонимания Соссюра. Для того чтобы определить предмет лингвистики, Соссюр использует три понятия, выражаемые во французском языке словами *langage*, *langue* и *parole*.

В большинстве языков различаются слова *язык* и *речь* ($\gamma\lambda\omega\sigma\sigma\alpha$ и $\lambda\omicron\gamma\omicron\zeta$, *lingua* и *sermo*, *language* и *speech*, *Sprache* и *Rede* и т.д.). Иначе говоря, во всех языках проводится различие между «языком» как системой лингвистических фактов и «речью» как названием определенного действия. То, что акты говорения осуществляются на основании каких-то закономерностей, явилось основой, на которой строились описания языка. Б.А. Серебренников отмечает: «попытки выделить в языке какую-то общую схему, установить некий общий набор каких-либо правил, управляющих многочисленными проявлениями узуса, возникли задолго до постановки проблемы языка и речи в теоретическом плане. Наглядным примером могут служить многочисленные описательные грамматики различных языков». Во французском же языке (как в испанском и итальянском) существуют **два однокоренных синонима** *langage* и *langue*, которые оба могут означать «язык». Соссюр придает этим синонимам **терминологическое различие**, обозначая первым «систему выразительных возможностей данного народа» (Лоя), или «совокупность языковых явлений» (Холодович). Известно, что этот термин переведен на русский язык как «речевая деятельность». Холодович отмечает, что данный перевод плохо отражает существо дела. Однако он прочно укоренился в сознании читателей русского перевода и по существу потерял свою внутреннюю форму; предлагаемый же в качестве конкурента перевод «совокупность языковых явлений» невероятно громоздок, нетерминологичен и просто плохо вмещается почти во все 49 контекстов *Курса*, где встречается *langage*.

Упомянутое терминологическое различие, введенное Соссюром, состоит в том, что понятие «язык» (*langue*) не совпадает с понятием «речевая деятельность» (*langage*). «Речевая деятельность» в целом многообразна и разнородна. Ее нельзя отнести ни к одной категории явлений человеческой жизни. «Язык» есть только **часть**, притом важнейшая, «речевой деятельности». «Язык — это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе». Таким образом, язык — это **не деятельность** говорящего. Это **готовый продукт**, пассивно регистрируемый говорящим.

Итак, язык — это нечто вполне определенное в разнообразии фактов речевой деятельности. Он представляет собой **социальный аспект** речевой деятельности — внешний по отношению к индивиду, который не может ни изменять его, ни создавать. Язык существует лишь благодаря своеобразному **договору**, заключенному между членами сообщества. Чтобы «войти» в язык, нужно ему обучиться. При этом «вхождение» в родной язык происходит непреднамеренно, бессознательно — ребенок овладевает языком.

Наоборот, речь «есть индивидуальный акт воли и разума; в этом акте надлежит различать: 1) комбинации, в которых говорящий использует код языка с целью выражения своей мысли; 2) психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации».

Это противопоставление, или пресловутая дихотомия, и явилось основной мишенью в большинстве нападок на Соссюра. Широко распространенным является утверждение о том, что Соссюр «отделил» (в более резком выражении — «оторвал») язык от речи. По крайней мере именно так начинаются многочисленные комментарии к Соссюру и именно так начинают свои ответы студенты. Для чего же все-таки понадобилось Соссюру «отрывать» язык от речи? Когда мы слышим подобные заявления, мы всегда

представляем себе некоего «злого мальчика», который, поймав муху, начинает отрывать ее лапки и крылышки. Что же все-таки «отрывал» Соссюр?

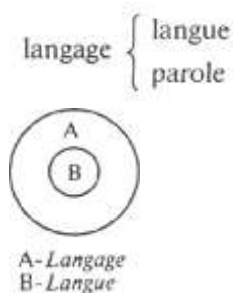
Прежде всего следует отметить, что соссюрская *речь* вовсе не сводится к отдельному *речевому акту*, как считают некоторые: «Речь — сумма всего того, что говорят люди; она включает:

а) индивидуальные комбинации, зависящие от воли говорящих;

б) акты фонации, равным образом зависящие от воли говорящих и необходимые для реализации этих комбинаций... В речи нет ничего коллективного: проявления ее индивидуальны и мгновенны; здесь нет ничего, кроме суммы частных случаев по формуле:

$(1 + 1' + 1'' + 1''' + \dots)$ ».

«Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуально-го; 2) существенное от побочного и более или менее случайного». Это, как и ряд других противопоставлений характера языка и характера речи, и представляет собой основание для многочисленных упреков в адрес Соссюра по поводу «отрыва» языка от речи. Действительно, если рассматривать их в таком плане, то между ними не оказывается ничего общего. Однако большинство критиков не обращают почему-то внимания на небольшую логическую «неувязку»: противопоставляемые *langue* и *parole* суть члены деления **единого общего** понятия *langage*: «Мы прежде всего выделяем внутри общего явления, каким является *речевая деятельность*, две ее составляющих: *язык* и *речь*». Схема соотношения основных понятий представлена Соссюром в таком виде:

В этой схеме явно видно, что мы имеем дело с обычным подчинением понятий: объем понятия *langue* входит в объем понятия *langage*. При этом следует иметь в виду, что $langage = T, parole$. Таким образом, «основополагающее уравнение», по словам Г. Гийома, имеет вид:

$Langage = langue + parole$, т.е.

«Речевая деятельность» = «язык» + «речь»,

и наоборот: «Язык для нас — это речевая деятельность минус речь».

Нужно также помнить, что дихотомия есть деление объема одного **понятия** на два входящих в этот объем противоречащих понятия, т.е. дихотомия — это две части одного целого, и никакого «отрыва» здесь не предполагается. Можно добавить к этому следующее высказывание А.А. Холодовича: «При любой интерпретации, за исключением **безответственных лингвистов** (выделено нами. — Ю.Л., Н.Б.), никто не отрицал наличия той кардинальной дихотомии, на которую расщепляется речевая деятельность человеческого общества».

Таким образом, Соссюр не отделяет («отрывает») язык (*langue*) от речи (*parole*), а **выделяет** язык (*langue*) из речевой деятельности (*langage*), которая представляет собой полную совокупность, сумму всех актов речи (*parole*). Более того, Соссюр отмечает, что язык и речь **тесно связаны**: язык необходим, чтобы речь была понятна и эффективна; речь необходима для того, чтобы сложился язык. Однако, хотя язык является одновременно и орудием, и продуктом речи, это не мешает языку и речи быть совершенно различными вещами.

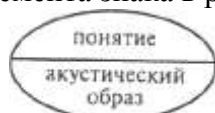
Мы подробно остановились на этом, первом и главном, «отрыве» Соссюра, потому что на нем основываются и из него следуют и все остальные «отрывы», так интенсивно

навязываемые Соссюру. И первый из них — разделение предмета лингвистики, или, точнее, лингвистики, на две различные части: на лингвистику языка и лингвистику речи. Последнюю, по словам Соссюра, нельзя смешивать с лингвистикой в собственном смысле, «с той лингвистикой, единственным объектом которой является язык». Именно этой лингвистике и посвящен *Курс*.

В свою очередь, в лингвистике языка можно выделить два аспекта — внешнюю и внутреннюю лингвистику. Первая рассматривает язык в связи с народом, его культурой и историей, географическим распределением языков, соотношением литературного языка и диалектов — всего того, что представляет собой внешние условия существования языка. Внутренняя лингвистика имеет своим предметом **устройство** языка.

Прежде всего язык — это форма, а не субстанция. Мышление, с одной стороны, и звуковой материал — с другой, представляют собой аморфные, пластичные массы. Язык выступает в качестве посредствующего звена между мыслью и звуком, «притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц... Соотношение "мысль — звук" требует определенных членений, и язык вырабатывает свои единицы, формируясь во взаимодействии этих двух аморфных масс». Таким образом, сфера деятельности лингвиста — это «пограничная область, где сочетаются элементы особого рода; *это сочетание создает форму, а не субстанцию*».

По своему устройству язык представляет собой **систему знаков**, в которой «единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти элемента знака в равной степени психичны»:

Однако поскольку в обычном употреблении термин *знак* используется для обозначения только акустического образа, Соссюр предпочитает сохранить слово *знак* для всего целого, а *понятие* и *акустический образ* заменить соответственно на *означаемое* и *означающее*.

Одним из основных свойств знака является его **произвольность**, т.е. немотивированность. Соединение означающего и означаемого не обусловлено никакими внешними причинами. Однако, образовавшись, языковой знак становится **обязательным** для всех членов данного коллектива. В процессе развития языка может произойти постепенный сдвиг между означаемым и означающим, т.е. знак оказывается изменчивым.

Другим важным свойством языкового знака является линейный характер означающего. От этого зависит «весь механизм языка». Поскольку языковые знаки не единственны в своем роде, Соссюр предлагал выделить особую науку, *семиологию*, которая занималась бы изучением «жизни знаков в рамках жизни общества». Как известно, в настоящее время существует такая наука, называемая *семиотикой*.

Элементы языка не обособлены друг от друга: они образуют систему, где каждый элемент соотносится с другими и его характер определяется этими отношениями. «Взгляд на член языковой системы как на простое соединение некоего звучания с неким понятием является серьезным заблуждением. Определять подобным образом член системы — значит изолировать его от системы, в состав которой он входит. Это ведет к ложной мысли, будто возможно начинать с членов системы и, складывая их, строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до составляющих его элементов».

Системность языковых знаков проявляется в виде **значимости**, которую Соссюр отличает от значения. Значимость слова, в отличие от значения, определяется отношением этого слова с другими. Иными словами, различается абсолютное значение слова, которое определяется положительно, по содержанию, через отношение к обозначаемому предмету; и относительное значение, «корректируемое» применительно к языковой системе, по отношению к другим словам. Это отличие разъясняется на примере французского слова

mouton и соответствующего ему английского слова *mutton*. Дело в том, что французское слово *mouton* может означать как «баранина», так и «баран», тогда как в английском эти значения распределяются между словами *mutton* и *sheep*.

Языковая система характеризуется двумя основными отношениями между элементами: **синтагматическими** и **ассоциативными**. Последние позднее были названы **парадигматическими**.

Еще один «отрыв», приписываемый Соссюру, связан с различием **синхронии** и **диахронии**. Под синхронией понимается состояние языка в некий промежуток времени, а под диахронией — последовательность языковых явлений во времени. В противоположность младограмматикам Соссюр утверждал, что синхронический аспект важнее диахронического, поскольку для говорящих он представляет собой подлинную реальность. Именно в синхронии язык представляет собою систему. Изменения в языке, происходящие в диахронии, по мнению Соссюра, не имеют системного характера, так как они касаются лишь отдельных явлений (например, звуковых изменений). Методы синхронного и диахронного анализа языковых фактов должны быть различными.

В этом увидели «отрыв» состояния языка от процесса его развития, т.е. стали относить соссюровское противопоставление из области метода в область существования (онтологии), чего сам Соссюр никогда не имел в виду. В самом начале своего *Курса*, характеризуя многоаспектность «речевой деятельности», т.е. языка-объекта, он отмечал: «В каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему и эволюцию; в любой момент речевая деятельность есть одновременно и действующее установление и продукт прошлого. На первый взгляд это различие между системой и историей, между тем, что есть, и тем, что было, представляется весьма простым, но в действительности и то и другое так тесно связаны между собой, что разъединить их весьма затруднительно». Как можно усмотреть в этом «отрыв» — непонятно.

Таковы основные положения концепции Фердинанда де Соссюра. Строго говоря, Соссюр «вырос» из классического младограмматизма — его *Мемуар* посвящен фонетической структуре индоевропейского корня и представляет собой описание огромного корпуса известных к тому времени фактов. Однако Соссюр совершил «непростительный» для классического младограмматизма поступок: он свел все рассмотренные факты в **единую систему**, а кроме того, ввел в эту систему гипотетический элемент, которого никто никогда не наблюдал. Очевидно, младограмматические «корни» повлияли на то внимание, которое Соссюр уделил языковой **форме**.

Как уже отмечалось, оценки его работы были весьма разнообразными. Самое главное заключается в том, что, по словам А.А. Холодовича, это, может быть, наиболее критически читаемый лингвист. Поэтому вполне естественно, что, с одной стороны, отмечается: «Возможно, 1916 г. был таким же поворотным пунктом в нашей науке, как 1786 г.», а с другой — полагают, что неправомерно было бы сказать: наконец появился Соссюр. «Соссюр не был единственным. Как бы значительна ни была его теория, как бы глубоко ни было его влияние, но воздвигнуть ему гигантскую одинокую статую в центре пустынного перекрестка 1916 г. значило бы упростить историю». Или, по словам Е.Д. Поливанова, в книге Фердинанда де Соссюра нет никаких новых положений, которые не были бы нам уже известны из учения Бодуэна де Куртенэ.

Критики Соссюра называют его многочисленных предшественников, идеи которых оказали (или могли оказать) влияние на швейцарского лингвиста, однако, как справедливо отмечает Холодович: «Мы не сторонники того, чтобы считать задачу понимания Соссюра решенной, растащив его идеи по частям. Растащить его по частям, разумеется, можно, но из полученных кусков Соссюра не сшить... Сведение Соссюра к другим авторам не дает нам понимания, почему он оказался властителем умов лингвистов XX века и остался им даже тогда, когда его система взглядов стала историей, тогда как все, кто питал его идеями, и даже наиболее близкий ему Бодуэн де Куртенэ, не произвели такого потрясения умов». И.Б. Долинина пишет: «Многие идеи Уитни являются источником идей Ф.

де Соссюра, однако роли творчества Соссюра это нисколько не умаляет, поскольку, основываясь на этих идеях, он дошел до таких обобщений, касающихся природы языка, его устройства и законов функционирования, какие Уитни сделаны не были».

Уже отмечалось, что современники встретили работу Соссюра скептически. Понимание пришло лишь в середине XX в. Приведем несколько высказываний.

«Среди ученых, которые в период с 1875 по 1880 г. обновили сравнительную грамматику индоевропейских языков, никто не дал такого количества новых идей, как Фердинанд де Соссюр, и никто не оказал столь же глубокого влияния на последующие исследования» (Мейе).

«Ни один лингвист, озабоченный принципами и методами своей науки, не может больше работать так, как если бы «Курса» не существовало» (Мальмберг).

«Он дал нам теоретическую основу науки о человеческой речи» (Блумфилд).

«Соссюр, по сути дела, **открыл язык как таковой**; одновременно он показал, что современная ему лингвистика изучала не язык, а речь, и тем самым обходила "свой единственно подлинный предмет"» (Ельмслев).

«Ныне нет лингвиста, который не был бы хоть чем-то ему обязан. Нет такой общей теории, которая не упоминала бы его имени... Роль Соссюра как зачинателя признана всеми течениями, существующими в современной лингвистике, всеми школами, на которые она делится» (Бенвенист).

По словам Г. Хельбига, с Соссюром ведущая роль в языкознании перешла от Германии к другим странам.

После опубликования *Курса* лингвистика вступила в **современный период**.

Современный период истории языкознания отмечен, кроме *Курса общей лингвистики*, расшифровкой памятников хеттского языка, обнаруженных во время раскопок в начале XIX в. недалеко от Анкары. Были найдены развалины столицы хеттского государства, существовавшего в 18-м тысячелетии до нашей эры, с остатками архива, содержащего около 30 тысяч глиняных табличек с клинописными текстами. Расшифровать тексты удалось Бедржиху Грозному (1879—1952), доценту Венского университета. Было установлено, что хеттский язык является индоевропейским, но более архаичным, нежели санскрит. Это дало возможность установить более древние пра-формы. В числе прочих признаков в нем сохранился ларингальный А, которого не было в других индоевропейских языках: *hauas* — *avis* (лат. «овца»), *hulena* — *ulana* (лат. «шерсть») и т.д.

В 1927 г. польский лингвист Ежи Курилович показал, что открытая в хеттском языке фонема *h* соответствует одному из сонантических коэффициентов, установленных Соссюром. Это было блестящим подтверждением открытия Соссюра, которое стали сравнивать с открытием Нептуна астрономом Леверье. Позднее оказалось, что подобные явления имеются и в других языках — греческом, армянском и др. А затем выяснилось, что многие другие индоевропейские языки дают вполне надежный материал для восстановления исчезнувших ларингалов.

Так сформировалась ларингальная теория, возникшая у Соссюра как чисто структурное исследование в рамках теории индоевропейского корня. В последнее время считается, что исчезновение ларингалов произошло достаточно поздно — в период самостоятельного развития отдельных индоевропейских языков.

В связи с тем как сложилась судьба заднеязычных согласных, все индоевропейские языки были разделены на две группы — «сатем» и «кентум». Это обозначение для различия языков было введено в 1888 г. немецким лингвистом Петером фон Брадке (1853—1897). Различие (как и названия) было обусловлено тем, как произносится согласный в слове *сто*: начинается ли оно на шипящий или свистящий либо на велярный. К группе «кентум» относятся германские, кельтские, италийские и греческий языки, к группе «сатем» — индийские, иранские, славянские, балтийские, албанский и армянский. Позднее было установлено, что эти две группы языков различаются и целым рядом морфологических признаков.

Семантические исследования. Прежде чем говорить о продолжении и развитии идей Соссюра, остановимся еще на одном моменте, характеризующем современный период развития лингвистики.

Как уже было показано, лингвистические исследования сосредоточивались главным образом на фонетике и морфологии. Интерес к смысловой стороне слова проявлялся гораздо слабее. Одними из первых проявили интерес к семантике Жам Дармстетер (1849—1894) и Мишель Бреаль (1832—1915), который ввел в лингвистический обиход само наименование *семантика*, а также ряд некоторых других исследователей. В современный период появляется новый метод исследования семантики — *метод семантического поля*. Само понятие «семантическое поле» связывается с учением Гумбольдта о внутренней форме языка, о языковом мировидении. В практическом плане предшественниками теории семантического поля можно, вероятно, считать Гуго Шухардта. Семантическое поле языка в целом представляет собой, по словам Ю.Н. Караулова, «иерархическую систему последовательного членения лексического состава языка сверху донизу, вплоть до отдельного слова, таким образом, чтобы полученная картина без пробелов покрывала сферу человеческого опыта, закрепленную в родном языке».

В 1931 г. вышла первая работа Йоста Трира (1894—1970) *Немецкий словарный состав в аспекте понимания*. Отдельные семантические поля представляют собой тематические группы слов, которые не являются этимологически родственными, но связаны с определенными предметными или понятийными областями — обозначения цвета, названия одежды, мебели, термины родства и т.д., и т.п. Слова как элементы семантического поля взаимно определяют границы друг Друга, т.е., пользуясь терминологией Соссюра, характеризуются своими значимостями. Семантическое поле как совокупность понятий, относящихся к какой-либо определенной области, рассматривается как общечеловеческое (универсальное) явление. Однако состав слов, входящих в это поле для обозначения соответствующих предметов и понятий (структура поля), специфичен в каждом отдельном языке.

В настоящее время существует большое число работ, так или иначе связанных с понятием семантического поля.

Продолжатели идей Ф. де Соссюра. Как уже отмечалось, влияния Идей де Соссюра не избежал ни один современный лингвист. Тем не менее можно назвать ряд исследователей, развивавших его учение в разных аспектах. Развитие социологического подхода к языку продолжается в работах парижских учеников Соссюра — А. Мейе, Ж. Вандриеса и других. Основные идеи общей лингвистической концепции Соссюра развивают его женевские ученики, непосредственные составители *Курса*, Ш. Балли, А. Сеше, а также С.О. Карцевский.

Идеи синхронного и структурного изучения языка получили развитие в структуралистском направлении. И, наконец, можно назвать имена А. Гардинера и К. Бюлера, работавших в области основной дихотомии Соссюра.

Антуан Мейе (1866—1936) — непосредственный ученик Фердинанда де Соссюра, который в целом оставался ученым более традиционного склада, в основном — компаративистом. Он долгое время был секретарем Парижского лингвистического общества, т.е. признанным главой французской лингвистики. Был также членом-корреспондентом русской Академии наук. Мейе занимался исследованиями почти по всем индоевропейским языкам и написал 24 книги и 540 статей. При этом интересно отметить, что на русский язык переведено гораздо больше его работ, нежели трудов каких-либо других лингвистов. По словам М. Сергиевского, «редкий лингвист, работавший в области индоевропейских языков, не ссылаясь в своих работах на труды и мнения Мейе». Его работа *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*, вышедшая в свет в 1903 г., была посвящена двадцатипятилетней годовщине издания соссюровского *Мемуара*. Эта работа Мейе издавалась в русском переводе три раза (с 1911 по 1938 г.). Кроме нее на русский язык были переведены *Общеславянский язык* (1951 г.), *Основные особенности германской группы*

языков (1952 г.) и *Сравнительный метод в историческом языкознании* (1954 г.).

Понятие языкового родства Мейе определяет так: «Два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюции одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше». Однако восстановления этого «раннего» языка нельзя достигнуть в результате сравнения языков-потомков между собой. Единственная реальность, с которой мы можем иметь дело, — это «соответствия между засвидетельствованными языками». Применение сравнительно-исторического метода не поможет восстановить индоевропейский праязык «в том виде, как на нем говорили». «Соответствия предполагают общую основу, но об этой основе можно составить себе представление только путем гипотез, ... которые проверить нельзя, поэтому только одни соответствия и составляют объект науки». Таким образом, по мнению Мейе, то, что называют индоевропейским праязыком, представляет собой систему соответствий.

Мейе не считал индоевропейский праязык существовавшим в ограниченной области, таким, каким считал его Шлейхер, допуская возможность его реконструкции. Наоборот, этот язык должен был состоять из различных диалектов, распространенных на большой территории. По своей структуре этот язык был не более примитивным, нежели, например, древнеегипетский или древневавилонский.

Мейе считается основателем французской социологической школы. В аспекте социологическом он неоднократно повторял, что язык представляет собой социальный факт, что без общества языка быть не может так же, как и общества без языка. Все языковые явления обусловлены социальными факторами. Фонетические законы — это не основная движущая сила языковых изменений, а лишь их результат, и изменения вызваны причинами общественного порядка. Не физиологические или психологические причины, а изменения общественной структуры являются определяющими в языковых изменениях, ибо и физиологические, и психологические условия человеческого существования повсюду одинаковы.

Одним из важнейших факторов языкового развития, наряду с фонетическими изменениями, являются заимствования, обусловленность которых чисто социальна.

Распространение тех или иных языковых инноваций может происходить только в том случае, если они отвечают сложившейся потребности всего коллектива.

Большое значение Мейе придавал процессам языкового смешения.

Вопросы синтаксиса были, как отмечают, за пределами интересов Мейе, тем не менее он впервые дал формальное и структурное определение предложения: «Предложение может быть определено как группа связанных между собою грамматическими отношениями артикуляций, которые, не завися грамматически ни от одной другой группы, довлеют сами по себе». Позднее к этому определению полностью присоединился Л. Блумфилд.

Идеи Антуана Мейе продолжали и развивали его многочисленные ученики: Ж. Вандриес, М. Граммон, М. Коэн, О. Соважо, А. Мартине, Э. Бенвенист и др. Он оказал влияние и на ученых за пределами Франции: Е. Куриловича, А. Соммерфельта, Л. Ельмслева, В. Брендаля.

«Распределяя роли» французских лингвистов, Н.А. Слюсарева считает, что основателем французской лингвистической школы был М. Бреаль, Ф. де Соссюр упрочил интерес к индоевропейской проблематике и заложил основы понимания языка как системы, все члены которой взаимосвязаны и взаимообусловлены, а в XX в. А. Мейе возглавил социологическое направление.

Жозеф Вандриес (1875—1960), непосредственный ученик Антуана Мейе, профессор индоевропейского языкознания, специалист в области классических и кельтских языков. Его работа *Язык. Лингвистическое введение в историю* (1937) представляет собой курс общего языкознания, в котором отражены взгляды французской школы на основные проблемы лингвистики.

Язык — это социальный факт. Он образовался в обществе. «Язык возникает от со-

прикосновения нескольких существ, владеющих органами чувств и пользующихся для своего общения средствами, которые им дает природа». При этом язык понимается достаточно широко: «Мы имеем дело с языком всякий раз, когда два индивидуума условно придают определенный смысл данному действию и совершают это действие с целью взаимного общения». Однако доминирующую роль играет «слуховой» язык.

Языком обладают и животные, но язык животных чисто ситуативен: он предполагает «неразрывное соединение знака и обозначаемой им вещи». Специфика человеческого языка в «разрыве этого соединения».

Вандриес повторяет мысль Гумбольдта о том, что, с одной стороны, существует столько же разных языков, сколько говорящих, а с другой — существует «только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу». Иными словами, различие между языком и языками заключается в том, что «язык — это совокупность психических и физиологических приемов, используемых человеком при говорении; языки же — это практическое применение этих приемов».

Язык — это самая прочная связь, которая соединяет членов группы. У каждого члена такой группы есть ощущение, что он говорит на «своем», правильном, образцовом языке. Однако, отмечает Вандриес, мы нигде не найдем образцового языка, если вздумаем его искать.

В связи с этим представляют интерес предлагаемые Вандриесом функциональные различия в употреблении языка. «Человек говорит не только для того, чтобы выразить мысль. Человек говорит также, чтобы подействовать на других и выразить свои собственные чувства. Таким образом, беря за основу школьное деление на ум, волю и чувство, следует различать друг от друга языки логический, волевой и аффективный».

Фонетические новации могут иметь индивидуальное происхождение, но они получают распространение в том случае, когда соответствуют потребностям языкового коллектива.

Между языком и мышлением, между уровнем развития данного народа и характером его языка нет никакой прямой связи. «Мы не имеем права считать отвлеченный и рассудочный язык более совершенным, чем язык конкретный и мистический». Состав и характер грамматических категорий определяются общественными условиями жизни. Прогресс языка заключается в том, насколько он приспосабливается к потребностям говорящих.

Язык существует «в глубинах индивидуального сознания», которое представляет собой лишь часть коллективного сознания, диктующего свои законы индивидууму.

Для понимания языка следует изучать его в современном состоянии.

В процессе развития языков наблюдаются две противоборствующие тенденции: к дифференциации и к унификации.

Важным фактором в развитии языков является смешение, однако наличие иностранных элементов не препятствует тому, чтобы язык оставался самим собой.

Женевская школа объединяет учеников Фердинанда де Соссюра, прежде всего Ш. Балли и А. Сеше, подготовивших и издавших курс лекций своего учителя. Они, как и их ученики, продолжали и развивали основные идеи *Курса общей лингвистики*.

Шарль Балли (1865—1947) унаследовал чтение курса общего языкознания после ухода Соссюра. Он был не менее популярен, нежели его учитель. Еще в 1909 г. Балли издал солидный труд *Французская стилистика*, в 1913 г. вышла в свет книга *Язык и жизнь*. Третья его большая работа, самая известная, — *Общая лингвистика и вопросы французского языка* (1932 г.). Рассмотрим основные положения последней.

Балли разделяет взгляды своего учителя, тем не менее он дает им несколько иную интерпретацию. Рассматривая язык как систему, Балли показывает, что приводит к постоянному нарушению «равновесия» этой системы. Если Соссюр указывает, что исторически речь предшествует языку, то Балли отмечает, что при употреблении языка происходит обратное — превращение языка в речь. Именно живая речь должна быть основным

предметом синхронного изучения языка. Именно в живой речи берут начало все тенденции к изменениям, к сдвигам между означающим и означаемым и т.д. Иными словами, если в центре внимания Соссюра находится **устройство** языковой системы, то Балли обращается к ее **функционированию**. Отсюда — его теория актуализации, или «превращения языка в речь».

В речи происходит соотнесение понятий, существующих в сознании, с предметами и явлениями реальной действительности, осуществляется конкретизация этих понятий. «Актуализировать понятие — значит отождествить его с **реальным** представлением субъекта». Актуализация понятий осуществляется в процессе человеческой речи, которая по своему содержанию всегда конкретна. Для осуществления актуализации в языке существуют актуализаторы, т.е. «различные приемы, употребляемые для превращения языка в речь, или, иначе говоря, чтобы **связать** виртуальные понятия с соответствующими им в действительности предметами или процессами, чтобы превратить виртуальное понятие в актуальное».

О «речевой», функциональной направленности лингвистики Балли свидетельствует тот факт, что помимо формальных языковых средств к актуализаторам он относит также жесты, мимику и интонацию. В результате актуализации «одно или несколько слов, выражающих какое-либо представление, становится предложением (предложение является по преимуществу актом речи)».

Предложение, по Балли, — это форма **сообщения** мысли. Мыслить же — значит «реагировать на представление, констатируя его наличие, оценивая его или желая... В первом случае выражается суждение о факте, во втором — суждение о ценности факта, в третьем — проявление воли... Таким образом, мысль нельзя свести к простому представлению, исключаяющему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта». «Активное участие» говорящего проявляется в том, что он стремится к экономии средств для выражения сообщаемого. Этому во многом способствует и язык, который «служит потребностям общества в том случае, если он позволяет передавать мысль с максимумом точности и минимумом усилий для говорящего и слушающего».

Минимализация усилий приводит к тому, что в предложении получает выражение далеко не все, что имеет в виду говорящий. В связи с этим Балли рассматривает семантическую структуру «эксплицитного» предложения, т.е. такого предложения, в котором **все выражено**. В этом плане эксплицитное предложение обязательно состоит из двух частей: «Одна из них будет коррелятивна процессу, образующему представление (например, «дождь», «выздоровление»); по примеру логиков мы будем называть ее диктумом. Вторая содержит главную часть предложения, без которой вообще не может быть предложения, а именно выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом. Логическим и аналитическим выражением модальности служит **модальный глагол** (например, *думать, радоваться, желать*), а его субъектом — **модальный субъект**; оба они вместе образуют модус, дополняющий диктум». Очевидно, что Балли, с одной стороны, возвращается к идее Абеяра о делении предложения на модус и диктум, а с другой — продолжает традиционную тему эллипсиса. В работе рассматриваются способы выражения модуса и включения его в состав предложения.

Наряду с указанными проблемами Балли разработал и теорию грамматической **транспозиции**, под которой он понимал формальные переходы одних частей речи в другие и используемые для этого грамматические средства.

Альбер Сеше (1870—1956) — ученик Соссюра, второй создатель *Курса*. Его основная работа — *Исследование логической структуры фразы* (1926 г.). Центральная идея работы заключается в том, что грамматическая форма предложения часто не соответствует процессу мышления, его логической форме. Что касается отношения к идеям Соссюра, то ему посвящена статья *Три соссюровских лингвистики* (1940 г.). В этой работе Сеше, как и Балли в своей, приходит к лингвистике речи. Однако если Балли идет от дихотомии «язык — речь», то исходным пунктом Сеше является дихотомия «синхрония — диа-

хрония».

Прежде всего Сеше останавливается на роли *Курса* как произведения «непреходящей ценности, к которому еще долго будут прибегать». Но, с другой стороны, Сеше отмечает, что работа Соссюра вошла в науку «в форме явно черного наброска» и что сам учитель «никогда бы не согласился на издание своих лекций в таком виде». Поэтому ряд моментов требует уточнения и доработки.

Две соссюрские дихотомии позволяют противопоставлять не четыре, а три лингвистики: лингвистику синхроническую, или статическую, и лингвистику историческую, или эволюционную. «Между ними помещается лингвистика речи, объектом которой служат явления промежуточные между синхроническими и диахроническими факторами». Речь имеет отношение одновременно «и к синхронии, так как она базируется на определенном языковом состоянии, и к диахронии, так как речь уже содержит в зародыше все возможные изменения».

Разделив лингвистику на лингвистику языка и лингвистику речи, Соссюр основное внимание уделил лишь первой. Сеше полагает, что более правильным наименованием для второй было бы «лингвистика организованной речи». Она должна изучать функционирование языка в условиях жизни человеческого общества.

Функционирование языка предполагает наличие говорящего и слушающего. Задача первого — отбор и комбинация языковых и неязыковых средств для выражения сообщения и воздействия на слушающего. Задача слушающего — анализ, классификация и интерпретация. Сеше отмечает два случая, когда исследователь, «сам того не зная», занимается лингвистикой организованной речи. Во-первых, это планомерное исследование стиля того или иного автора, во-вторых, — наблюдение и изучение детской речи. Таким образом, указываются два направления будущей лингвистики организованной речи, понятием которой мы обязаны Соссюру: лингвистика текста и психолингвистика.

«Второе поколение» Женевской школы представлено учениками Балли и Сеше — А. Фреем, С.О. Карцевским и Р. Годелем.

Анри Фрей (1899—1980) разрабатывал функциональный подход к языку. Его работа *Книга двух тысяч предложений* (1953 г.) содержит обоснование необходимости идеографического словаря наиболее употребительных предложений французского языка. Он также предложил термин *монема* для обозначения минимальной, неделимой единицы содержания.

Сергей Осипович Карцевский (1884—1955), русский эмигрант. В статье *Об асимметрическом дуализме языкового знака* (1927 г.) показал, что изменения в языковой системе происходят благодаря тому, что означающее и означаемое языкового знака двигаются независимо друг от друга по двум линиям — омонимии и синонимии.

Роберт Годель (1902—1989) может быть назван «главным архивариусом» Женевской школы. Он много работал над архивами Фердинанда де Соссюра. Его труд *Источники рукописи «Курса общей лингвистики Ф. де Соссюра»* (1957 г.) представляет собой итог колоссальной работы по изучению конспектов и записей Соссюра. *Хрестоматия трудов Женевской лингвистической школы* (1969 г.) является антологией работ представителей этой школы.

Представитель «третьего поколения» **Рудольф Энглер** (р. 1930), ученик Годеля, издал в 1967—1974 гг. *Курс общей лингвистики*. В этом издании каждое предложение сопровождается параллелями из всех записей студентов и автографов Соссюра. В 1968 г. он составил *Словарь терминов Соссюра*.

Тема: Структурализм. Общие положения. Школы структурализма. Пражский лингвистический кружок. Глоссематика

Название *структурализм* было использовано большим количеством различных

лингвистических школ, поэтому следует иметь в виду, что он получает несколько различный смысл в разных контекстах. Удобнее всего предварительно провести сначала различие между европейским и американским структурализмом, а затем рассматривать их по отдельности.

Обычно считается, что начало европейского структурализма датируется 1916 г., когда вышел в свет *Курс общей лингвистики* Ф. де Соссюра. Под языком Соссюр понимал систему, т.е. совокупность правил и моделей образования языковых высказываний; под речью, или языковым поведением, — сами актуальные высказывания.

Общие положения для всех школ структурализма: 1) единственный предмет лингвистики — язык; 2) язык есть система, имеющая собственный порядок; 3) система основана на отношениях; 4) язык — форма, а не субстанция.

«Структурализм» в европейском понимании означает, что существует абстрактная реляционная структура, или система, лежащая в основе всех актуальных высказываний, и ее следует отличать от этих актуальных высказываний. На базе этой системы основывается все актуальное поведение. Система и представляет собой главный предмет исследования для лингвиста.

Отсюда — два важных вывода: первый, что структурный подход в принципе не ограничивается только синхронической лингвистикой; второй, что не только изучение фонологии и грамматики может быть структурным, но и изучение смысла. В обоих случаях «структурализм» противопоставляется «атомизму» в европейской литературе.

Именно Соссюр в *Курсе* провел терминологическое различие между синхронической и диахронической лингвистикой. Однако его учение в этом аспекте не принимается всеми исследователями, и вскоре структурный подход начинает применяться и в диахронических исследованиях.

Основные школы структурной лингвистики в Европе первой половины XX в. — это Пражская и Копенгагенская. Лондонская школа меньше придерживалась взглядов Соссюра, но в общем смысле этого слова ее подход также можно охарактеризовать как структуралистский.

Пражская лингвистическая школа (Пражский лингвистический кружок) основана в 1926 г. **Вилемом Матезиусом** (1882—1945), англистом и специалистом по общему языкознанию, и **Романом Осиповичем Якобсоном** (1896—1982), который работал тогда в Праге. Члены кружка: **Богумил Трнка** (1895—1984), **Богуслав Гавранек** (1893—1978) **Ян Мукаржовский** (1891 — 1975), **Йозеф Вахек** (р. 1909), **Йозеф Мирослав Коржинек** (1899—1945), **Владимир Скаличка** (1908—1991), **Николай Сергеевич Трубецкой** (1890—1938), **Сергей Осипович Карцевский** (1884—1955). Г. Хельбиг считает, что Трубецкой и Якобсон принесли с собой в Прагу некоторые элементы русской интеллектуальной культуры.

Основным изданием были *Труды Пражского лингвистического кружка* (8 сборников), а с 1935 г. — журнал *Слово и словесность*. В работе Пражского кружка (в публикациях и заседаниях) участвовали известные лингвисты многих стран: К. Бюлер (Австрия), Г. Улашин и В. Дорошевский (Польша), Л. Теньер и А. Мартине (Франция), А.Ф. де Гроот (Голландия), Л. Ельмслев (Дания), Д. Джоунз (Англия), Л. Блумфилд (США), Е.Д. Поливанов, Г.О. Винокур, Б.В. Томашевский, Н.Н. Дурново, Ю.Н. Тынянов (Россия).

Пражский структурализм называют также «функциональной лингвистикой». По словам Г. Хельбига, функциональная лингвистика, больше, чем другие школы структурализма, связана с традицией, поскольку функция выявляется через значение. Основные теоретические положения были изложены в *Тезисах Пражского лингвистического кружка*, опубликованных в 1929 г. к первому съезду славистов.

Прежде всего язык понимается как **«система средств выражения, служащая какой-то определенной цели. Ни одно явление в языке не может быть понято без учета системы, к которой этот язык принадлежит»**. Таким образом, понятие «функции», употребляемое в разных школах структурализма, у пражцев используется не в математическом

смысле «зависимость», а означает «задача» или «цель». (В подобном значении употребляет это понятие К. Бюлер, говоря о трех аспектах речевого выражения: коммуникативном, экспрессивном и апеллятивном.)

Соссюровская дихотомия языка и речи получает различные интерпретации, которые можно свести к тому, что речь — это объект **наблюдения**, а язык — результат **анализа**, абстракции, что язык — это **возможность** речи, а речь — **реализация** языка. В целом, очевидно, это никак не противоречит схеме Соссюра.

По поводу противопоставления синхронии и диахронии в *Тезисах* говорится: «Нельзя воздвигать непреодолимые преграды между методом синхроническим и диахроническим, как это делала Женевская школа... Диахроническое изучение не только не исключает понятия системы и функций, но, напротив, без учета этих понятий является неполным... С другой стороны, и синхроническое описание не может целиком исключить понятия эволюции».

«Функционализм» пражцев особенно проявился в разработке вопросов функционального расслоения литературного языка. Развивая идею, высказанную еще В. фон Гумбольдтом, они сформулировали и разработали теорию «функциональных стилей». Мы заключили этот термин в кавычки, поскольку он представляется нам не вполне понятным. Прежде всего в силу беспредельной многозначности самого слова *стиль*, которое фактически может означать все что угодно. Кроме того, если стиль вообще представляет собой какой-то характерный способ, манеру какой-либо деятельности, то он уже сам по себе функционален. Таким образом, «функциональный стиль» представляет собой «функциональность в квадрате». Недаром Я. Мукаржовский отмечает, что для него противопоставление «стиль — язык» представляется неясным, а Б. Гавранек предлагает использовать название «функциональный диалект» — термин более однозначный. Следует отметить, что в настоящее время используются понятия «функциональный язык», или просто — «подъязык». Тем не менее, говоря о Пражской школе, мы используем общепринятую терминологию ее представителей.

Итак, различным функциям, или сферам употребления, литературного языка (коммуникативной, практически-специальной, теоретически-специальной, эстетической) соответствуют следующие «функциональные стили»: 1) разговорный, 2) деловой, 3) научный, 4) поэтический.

Собственно структурный подход к языку в наиболее четкой и строгой форме представлен в аспекте фонологии, разработанной Н.С. Трубецким (по словам А. Мейе, «самым сильным умом современной лингвистики») в его *Основах фонологии* (1939 г.). Фундаментом для работы послужил анализ огромного языкового материала — около 200 языков.

Соссюровское противопоставление языка и речи Трубецкой переносит в область фонетики, проводя различие между фонетикой и фонологией: «Мы будем называть учение о звуках речи фонетикой, а учение о звуках языка — фонологией». При установлении понятия **фонемы** Трубецкой отмечает, что, во-первых, фонема — языковое, а не психологическое понятие, во-вторых, фонема — это не звуковой тип. «Фонема не может получить удовлетворительного определения, если исходить из ее психологической природы или из ее отношения к фонетическим вариантам; фонему можно определить только исходя из ее функции в языке». Таковой является **смыслоразличительная** функция.

Будучи абстрактными единицами, фонемы реально **непроизносимы**. Они реализуются в речи в виде произносимых **вариантов**. «Конкретные звуки, слышимые в речи, являются скорее лишь материальными символами фонем... Звуки никогда не являются самими фонемами, поскольку фонема не может содержать ни одной фонологически несущественной черты, что для звука речи фактически неизбежно».

Помимо теории фонемы, Трубецкой устанавливает ряд практических правил, во-первых, различения фонем и вариантов, а во-вторых, различения фонемы и сочетания фонем.

Главное в понятии фонемы — ее **смыслоразличительный** характер, основываю-

щийся на системе противопоставлений фонем, или их **оппозиций**. Оппозиция представляет собой «такое противоположение звуков, которое в данном языке может дифференцировать интеллектуальное значение. Каждый член такой оппозиции мы называем фонологической (или смысловоразличительной) единицей».

По отношению ко всей системе в целом оппозиции подразделяются на одномерные и многомерные; по отношению между членами оппозиции — на **привативные, градуальные** (ступенчатые) и **эквиполентные** (равнозначные); по объему смысловоразличительной силы — на **постоянные** и **нейтрализуемые**. Поскольку с понятием фонемы студенты знакомятся в курсе «Введение в языкознание», мы не будем детально рассматривать все типы оппозиций, а остановимся лишь на важном при дальнейшем изложении материала понятии привативной оппозиции и ее особой роли.

Сущность привативной оппозиции заключается в том, что из двух составляющих ее членов один («маркированный») характеризуется наличием какого-то различительного («дифференциального») признака, а второй («немаркированный») — отсутствием его. Так, в оппозиции «[g] — [k]» [g] имеет по сравнению с [k] дополнительный признак «звонкость», который у [k] отсутствует. Однако в позиции нейтрализации выступает [k], и различие утрачивается: *луг — лук, но лука, луком — луга, лугом*. «В позиции нейтрализации один из членов оппозиции становится, таким образом, представителем "архифонемы" этой оппозиции». **Архифонема** представляет собой совокупность смысловоразличительных признаков, общих для двух фонем. Очевидно, что в качестве архифонемы выступает немаркированный член оппозиции.

Системность фонемного состава заключается в том, что каждая фонема характеризуется своим специфичным набором смысловоразличительных, или дифференциальных, признаков, представляя собой набор, или «пучок», дифференциальных признаков.

Г. Хельбиг отмечает, что теория оппозиций, выявляющая структуру языка, была первым шагом в создании структурной лингвистики, хотя обращение к фонеме как элементу внешней языковой формы является своеобразным мостиком от младограмматизма, основные постулаты которого отрицались прагматиками.

Понятие оппозиции и дифференциальных признаков прагматики применили и при анализе грамматических категорий. Так, например, привативные оппозиции образуют пары *учитель — учительница, дворник — дворничиха* и т.п. Первый член пары оказывается немаркированным в отношении рода, второй — маркированным. Ср.:

Мой отец — учитель, Моя мать — учитель, но: Моя мать — учительница, *Мой отец — учительница.

Р. Якобсон описал с помощью дифференциальных признаков систему русских падежей. Он выделил три дифференциальных семантических признака, которые назвал направленностью, объемностью и периферийностью. По первому признаку винительный и дательный падежи («направленные») противопоставлены именительному и творительному; по второму признаку родительный падеж («объемный») противопоставлен именительному и винительному, а предложный — творительному и дательному; по третьему признаку творительный, дательный и предложный падежи («периферийные») противопоставлены именительному, винительному и родительному. Таким образом, именительный падеж оказывается полностью беспризнаковым, винительный, родительный и творительный — однопризнаковыми, а дательный и предложный — двухпризнаковыми.

Разработкой функциональной грамматики занимался В. Матезиус. Его подход изложен в ряде работ, в частности в *Попытке создания теории структурной грамматики* (1936 г.), *Язык и стиль* (1942 г.), *О системном грамматическом анализе* (1947 г.) и др. Основная идея работ заключается в том, что язык создан главным образом для общения и любое реальное высказывание состоит из двух актов. Первый акт представляет собой сегментирование окружающей действительности и наименование полученных отрезков средствами языка. Второй — объединение этих средств в рамках высказывания. В связи с этим

выделяются два аспекта описания грамматики языка: **функциональная ономотология** и **функциональный синтаксис**. Первый раздел посвящен инвентаризации языковых наименований (слов, словообразования, словосочетаний), второй — способам сочетания этих наименований в предложении.

В области синтаксиса широкое признание получило учение Матезиуса об **актуальном членении предложения** (АЧП), изложенное в его работе *О так называемом актуальном членении предложения* (1947 г.). В англоязычной литературе АЧП получило наименование **функциональной перспективы предложения** (functional sentence perspective — FSP). В каждом предложении следует различать два членения: формальное и актуальное (или смысловое). Первое — это известное формально-грамматическое разделение предложения на его члены. АЧП связано с использованием предложения в коммуникации. В этом плане в нем выделяется основа высказывания, т.е. исходная точка сообщения, то, что в данной ситуации является известным для слушающего, и ядро высказывания — то, что говорящий сообщает об исходной точке. Это напоминает деление предложения на психологический субъект и психологический предикат (см., например, Г. Пауля), но в данном случае Матезиус использует не психологические, а сугубо лингвистические категории. Теория АЧП стала одной из отправных точек в разработке грамматики текста.

В полном виде все изложенные положения функциональной грамматики В. Матезиуса представлены в его работе *Содержательный обзор современного английского языка с позиций общей лингвистики* (1961 г.).

В. Скаличка в статье *О грамматике венгерского языка* (1935 г.) рассматривает проблемы структурной грамматики с позиции типологического подхода. Он отмечает, что мельчайшей неделимой далее языковой единицей считается морфема. Однако будучи неделимой в плане **формы**, морфема может содержать более одной единицы плана **содержания**: англ. *foot* — *feet*, *tooth* — *teeth*. Скаличка предлагает сохранить термин **морфема** для обозначения формальной неделимости, т.е. последовательности фонем, а для минимальной неделимой единицы содержания ввести термин **сема**. Именно различные комбинации морфем и сем образуют слова. Эти различия в сочетаниях сем и морфем лежат в основе типологической классификации языков.

Типологические исследования пращев развивались по нескольким направлениям. Прежде всего можно выделить **характерологическое** направление, основанное В. Матезиусом. Задача характерологии — выявление специфических особенностей структуры описываемого языка по сравнению с другими языками. Другое направление характеризуется выявлением «отдельных явлений языка по определенным признакам». Так, А. Исаченко предлагает классификацию славянских языков в зависимости от количества гласных и согласных, выделяя в этих языках две крайние группы — «консонантические» (польский и русский) и «вокалические» (сербскохорватский и словенский). Остальные языки располагаются между этими группами. И, наконец, исследования в области **языковых союзов**, т.е. групп географически близких, но не родственных (или не близкородственных) языков, обладающих общими типологическими чертами. Такое сходство, в отличие от **родства** внутри языковой семьи, получило название «сродства». Классическим примером такого союза является **Балканский языковой союз** (греческий, албанский, болгарский, македонский и румынский языки). Другим примером может служить **Балтийский языковой союз** (литовский, латышский, кашубский, эстонский, шведский, датский и норвежский, а также некоторые северонемецкие диалекты) и **Евразийский языковой союз** (большинство алтайских и уральских языков, восточнославянские и польский).

Общность внутри языкового союза может возникнуть в результате массовых заимствований одним языком у другого. Н.С. Трубецкой считает, что нет «никакого основания, заставляющего предполагать единый индоевропейский праязык, из которого якобы развились все индоевропейские языки. С таким же основанием можно предполагать и обратную картину развития, т.е. предполагать, что предки индоевропейских ветвей первоначально были не похожи друг на друга и только с течением времени благодаря постоянно-

му контакту, взаимным влияниям и заимствованиям значительно сблизились друг с другом, однако без того, чтобы вполне совпасть друг с другом». Эта идея получила свое развитие в работах многих компаративистов XX в.

Таковы, в общих чертах, достижения Пражского лингвистического кружка.

Датский структурализм (глоссематика) — наиболее последовательное проявление структурализма. Копенгагенское лингвистическое общество, или Копенгагенский кружок, было основано в 1931 г. Его основателем был **Луи Ельмслев** (1899—1965), директор института лингвистики и философии при философском факультете Копенгагенского университета. Его основные работы: *Принципы всеобщей грамматики* (1928 г.), статьи *Категория надежды* (1937 г.), *Понятие управления* (1939 г.), *Язык и речь* (1942 г.), *Основы теории языка* (1943 г.) (в английском переводе слово «основы» было переведено как «пролегомены», этот термин был использован и в ряде переводов на другие языки, в том числе и на русский, поэтому работа обычно называется *Пролегомены к теории языка*).

Кроме Ельмслева в состав Кружка входили **Вигго Брендаль** (1887—1942), автор *Структурной лингвистики* (1939 г.), и **Ханс Йёрген Ульдалль** (1907—1957), написавший *Основы глоссематики* (1957 г.).

С 1939 г. Кружок издает журнал *Acta linguistica*.

Ельмслев характеризовал свою теорию как развитие и продолжение идей Соссюра в наиболее строгой и научной форме. Однако основные идеи глоссематики восходят не только к Ф. де Соссюру, но и к логической теории языка Альфреда Норта Уайтхеда, Рудольфа Карнапа, Бертрана Рассела, а также к символической логике.

Само название «глоссематика» (от греч. *γλῶσσα* — «язык») было принято, чтобы подчеркнуть принципиальное отличие нового направления от традиционной лингвистики, которая рассматривалась как наука **трансцендентная**, т.е. выходящая за пределы собственно языка. По словам Ульдалля, в лингвистике «мы должны мириться с пестрой мешаниной исторических, физиологических, физических, биологических, логических, психологических, философских, статистических и даже иногда теологических идей. Самостоятельная наука может быть построена только благодаря самоограничению». Он также ссылается на Блумфилда, который отмечает: «Общепризнанным расположением пользуется обсуждение литературных ценностей — то есть художественного использования языка, особенно одаренными личностями — но отнюдь не наблюдение над языком». Чтобы стать точной наукой, лингвистика должна стать **имманентной**, т.е. внутренне присущей самому языку.

В противоположность гуманитарным, точные науки имеют дело не со всей массой трудно обозримых явлений, а только с одной их стороной, а именно с функциями. Поэтому глоссематика как точная наука должна основываться на теории неколичественных функций. Иными словами, глоссематика должна представлять собой некую алгебру языка, представляющую собой способ описания гуманитарного материала в виде целостной структуры, состоящей из неколичественных функций, т.е., по словам Ульдалля, структуры законченной и не нуждающейся в привнесении определений, заимствованных из других наук.

Рассмотрим основные особенности предлагаемой теории. Прежде всего следует отметить ее **дедуктивный** характер, типа математического исчисления. Традиционная лингвистика полностью индуктивна: описание начинается с минимальных единиц — звуков, а затем переходит к фонемам и классам фонем; от индивидуальных значений — к общим, от них — к категориям. Индукция ведет к выявлению общих понятий и категорий, специфичных для каждого отдельного языка, т.е. ведет не к общему, а к случайному.

Путь дедукции — обратный: от класса — к его элементам, от текста — к его конечным единицам. Цель анализа: исследуя процесс (текст), получить знание о системе, которая лежит за этим текстом, составляет его основу. Это даст возможность получить информацию, позволяющую строить любые теоретически возможные тексты на любом

языке, даже еще не существующем.

Вторая особенность — эмпирический принцип, в соответствии с которым научное описание должно удовлетворять трем условиям: а) непротиворечивости, б) полноты (т.е. охватывать все элементы без остатка) и в) простоты (число исходных элементов должно быть минимальным).

Хотя принцип и называется эмпирическим, он предполагает независимость теории от опыта. Главное в теории — ее непротиворечивый характер, а опытные данные могут либо соответствовать ей, либо нет. Это вовсе не означает неправильности теории.

Дедуктивная теория строится в виде исчисления. Пример такого исчисления Ельмслев приводит при описании системы падежей. В статье *Категория падежа* он показывает, что все значения известных падежей представляют собой комбинации 3 абстрактных признаков: 1) направления, 2) контакта, 3) субъективности. Каждый признак может принимать 6 различных значений. Таким образом, общее число комбинаций (т.е. возможных падежей) составляет: $6 \times 6 \times 6 = 216$ (минимум — 2). Это вовсе не означает, что в каком-то конкретном языке можно обнаружить **все** 216 падежей. Они могут встречаться в разных языках.

Третья особенность теории — ее имманентность: она должна использовать только формальные определения, избегая реальных дефиниций, преобладающих в гуманитарных науках. Формальные определения не отражают внутренней природы объектов и не описывают их внешне. Они лишь связывают их с уже определенными объектами. Примером такой теории может служить геометрия, где все понятия основываются на трех исходных понятиях: точки, линии и плоскости. В *Пролегоменах* — около 100 понятий, сводящихся к 4—5 основным, исходным.

Что касается отношений синхронии и диахронии, то Ельмслев считает, что главный интерес теории должен быть обращен на инвариантные черты структуры. Структура представляет собой вневременную сущность, по отношению к которой отдельные языки являются лишь частными случаями ее реализации. «Как бы язык ни изменялся в устах отдельных лиц, пользующихся им, его основа остается все той же». Следовательно, в центре внимания должны быть не изменения, а то «постоянное, что лежит в основе изменений», т.е. система. Поэтому речь должна идти не о синхронии ил и диахронии, а о **панхронии**.

Рассматривая сосюрское понятие «язык», Ельмслев показывает, что в *Курсе* оно получает три интерпретации: 1) как чистая форма, «независимо от ее социального осуществления и материальной манифестации»; 2) как материальная форма, «определяемая в данной социальной реальности, но независимо от деталей манифестации»; 3) как «совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе». В связи с этим предлагается различать **схему** — как чистую форму, **норму** — как материальную форму и **узус** — как совокупность навыков. Так, французское /r/ с точки зрения схемы характеризуется только через его оппозиции и сочетаемости; с позиции нормы — как звук, допускающий два варианта (вibrant и щелевой); с позиции узуса — в плане его артикуляций. При этом, если по Сосюру все эти интерпретации относятся к «языку» в его противопоставлении речи, реализации, то Ельмслев полагает, что наиболее соответствующим толкованием понятия «язык» будет интерпретация его как схемы.

Анализ текста проводится в двух планах: плане содержания и плане выражения. В каждом следует различать **форму** и **субстанцию**. При этом главное в языке — это форма. Будучи аморфной массой, субстанция не поддается никакому анализу и, следовательно, не имеет научного существования. Неоформленный материал по-разному членится, формируется в разных языках: «Это похоже на одну и ту же горсть песка, которая принимает совершенно различные формы, или на облако в небе, с каждой минутой меняющее свои очертания на глазах Гамлета. Подобно тому, как песок может принимать различные формы, а облако вновь и вновь менять свои очертания, принимает различную форму или различную структуру в разных языках и исследуемый нами материал».

Звуковая субстанция для всех языков одна. Каждый язык накладывает на нее свою

форму:

в русском *семь, сел, шесть, шест* — одна фонема;

во французском *mais, mes* — две фонемы.

В плане содержания то же: одна субстанция (смысловой материал), но форма, способ упорядочивания, организации — у каждого языка свой:

русский: *Не знаю* — две единицы содержания;

английский: *I do not know* — четыре;

немецкий: *Ich weiß es nicht* — четыре;

французский: *Je ne sais pas* — четыре;

финский: *En tiedä* — две.

Оба плана взаимосвязаны: единицы выражения и содержания **коммутируют** друг с другом. Язык представляет собой сетку отношений, которая набрасывается на действительность, на субстанции. Именно **абстрагирование** от субстанции — звуковой и концептуальной — позволяет лингвистической теории (глоссематике) стать точной наукой. Фундаментальным принципом глоссематической имманентной алгебры Хельбиг считает детерминацию субстанции при помощи формы и рассмотрение языка как системы зависимостей (функций) между понятиями, которые характеризуются только этими зависимостями.

Минимальные единицы плана выражения Ельмслев назвал **кенемами**, т.е. «пустыми». Он считал, что название «фонема» ассоциируется с понятием звуковой субстанции. Точно так же вместо традиционных «морфем» он использовал наименования **плеремы**, т.е. «полные». Соответствующие разделы глоссематики получили названия **кенематика** и **плерематика**:

Основной метод анализа — последовательное членение (сегментация) текста, который предварительно должен быть подвергнут операции **катализа** — восстановлению всех опущенных отрезков. Иными словами, текст должен быть «правильным», не эллиптическим.

План выражения и план содержания анализируются (сегментируются) по отдельности. По выявлении конечных единиц устанавливаются зависимости, в которых эти единицы могут находиться по отношению друг к другу. Зависимость интерпретируется как **функция** одного элемента по отношению к другому. Всего установлено три типа зависимости:

1) **интердепенденция** (двусторонняя зависимость) $x \leftrightarrow y$;

2) **детерминация** (односторонняя зависимость) $x \rightarrow y$;

3) **констелляция** (свободная связь) $x - y$.

Помимо этого различаются **коммутация** и **субституция**. «Между вариантами всегда имеет место субституция, между инвариантами — коммутация».

Ф. де Соссюр определил язык как систему знаков. Но знаковый характер, считает Ельмслев, имеет только текст. При анализе текста как в плане выражения, так и в плане содержания (по отдельности) мы не имеем дела со знаками. Анализ каждого из планов дает возможность выделить определенное число сущностей, или единиц, которые вовсе не обязательно соотнесены с единицами противоположного плана. Так, если возьмем словоформу *столы*, то «ы» является и единицей плана выражения (фонемой), и единицей плана содержания (морфемой). Если же взять «ы» в составе слова *корыто*, то это только фонема, и никакого соответствия в плане содержания она не имеет.

В связи с этим вводится понятие **фигуры**, т.е. **односторонней** сущности. Из фигур строятся знаки. При этом язык организован так, что «с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков. Если бы язык не был таковым, он был бы орудием, негодным для своей задачи». Возможность построения множества знаков из ограниченного числа фигур представляет собой существенную особенность человеческого языка, его отличие от других знаковых систем.

Итак, язык по своей цели есть знаковая система, а по своей внутренней структуре — система фигур, которая используется для построения знаков. Ельмслев вводит понятие **знаковой функции**, имеющей место между двумя сущностями — выражением и содержанием. Выражение и содержание понимаются как **функтивы**, включающиеся в знаковую функцию. Знаковая функция немислима при наличии только одного из функтивов — она реализуется именно в тексте, а не в системе.

Знак — это единица, состоящая из формы содержания и формы выражения на основе их взаимозависимости. Для анализа знака используется метод **коммутации**: если перемена единиц плана выражения приводит к изменению плана содержания, то такие единицы считаются существенными компонентами формы, т.е. фигурами.

Учение о фигурах связано с выделением вариантов и инвариантов в обоих планах, ср.: *ноль* — *нуль*, *рукой* — *рукою*.

Фигуры плана выражения, т.е. инварианты, были названы, как уже отмечалось, кенемами.

Г. Хельбиг считает, что главной заслугой Копенгагенской школы является перенесение «фонологических» методов, а именно использование оппозиций, на описание содержательной стороны языка. Так, сравнивая слова *девочка* — *мальчик*, *девочка* — *женщина*, *коза* — *девочка*, мы выявляем следующие фигуры плана содержания: 1) «пол» («мужской» — «женский»), 2) «возраст» («юный» — «зрелый»), 3) «человек» — «животное». Эти фигуры входят в состав содержания множества слов:

«муж.»: *отец, баран, бык, петух...*

«жен.»: *мать, овца, корова, курица...*

«юн.»: *ребенок, ягненок, цыпленок...*

«зрел.»: *взрослый, баран, курица...*

«чел.»: *мать, отец, ребенок...*

«жив.»: *овца, баран, ягненок...*

Учение о знаках и фигурах должно послужить основой для разработки методики анализа любого текста на любом языке.

Работа Л. Ельмслева *Пролегомены к теории языка* вызвала множество самых разнообразных откликов и дискуссий. Одни ее превозносят и восхищаются изящностью и целостностью этой «постройки», которую нельзя разрушить, не возведя аналогичной «постройки». Другие же резко ее критикуют, прежде всего за неприменимость изложенной теории к анализу конкретного языкового материала. Однако в этом случае упускают из вида такой «незаметный» момент, что Ельмслев, по словам Т.А. Амировой, «говорит не об английском, немецком, французском, русском, латинском и т.п. языках, а о языке вообще, как некоей человеческой способности, т.е. он высказывает положения, которые должны подходить и к европейским, и к африканским и т.п. языкам». В этом плане Ельмслев продолжает традицию универсальных грамматик, начатую Франсиско Санчесом.

В заключение следует отметить, что вряд ли можно найти более простое и всеобъемлющее описание языковой системы: всего две «горстки фигур» (в плане выражения и в плане содержания), два типа отношений между этими «горстками» и три типа однородных зависимостей, как в парадигматике, так и в синтагматике, внутри каждой «горстки».

Тема: Американский структурализм. Американистика. Дескриптивная лингвистика. Грамматика непосредственно составляющих. Недостатки грамматик непосредственно составляющих. Трансформационная грамматика

Американский и европейский структурализм имеют много общего. Представители и того, и другого направления в рассматриваемый период стремились подчеркнуть и даже преувеличить структурную уникальность каждого отдельного языка. Однако между двумя направлениями можно обнаружить и существенные различия.

Европейский, точнее, западноевропейский структурализм возник как продолжение идей Ф. де Соссюра и характеризуется прежде всего отказом от идей сравнительно-исторического языкознания, от историзма в целом, переходом к синхронному описанию языка, его структуры. Однако объектом исследования остаются в основном индоевропейские языки. Иная ситуация сложилась в США и в Советском Союзе, где подход к принципам описания языков никак не связывается с идеями Соссюра. Для этого были свои причины, прежде всего языкового характера.

На территории США в конце XIX в. существовали сотни племенных языков американских индейцев, которые никогда ранее не были описаны. На многих из них говорило незначительное число людей, и если бы эти языки не были записаны, то они могли просто исчезнуть. Именно практическими потребностями изучения таких языков и обусловлено появление американской лингвистики. Американские лингвисты меньше всего стремились к созданию общей теории структуры языка, а главную свою цель видели в разработке хороших методологических принципов анализа незнакомых языков.

Американская лингвистика, или американистика, явилась предшественницей и одной из основ американского структурализма, особенность которого в том, что он имеет индуктивный, описательный характер. Кроме того, американская дескриптивная лингвистика тесно связана с методикой преподавания языков.

Основоположником американистики был **Франц Боас** (1858—1942). Образование он получил в Европе (в Германии). В Америке, участвуя в этнографических экспедициях, он заинтересовался изучением языков коренного населения этой страны: эскимосов и индейцев. Систему своих теоретических взглядов Боас изложил в труде *Руководство по языкам американских индейцев* (1911 — 1912 гг.). Он полагал, что изучение этих языков должно быть тесно связано с изучением образа жизни их носителей, их культуры. «Теоретическое изучение языков индейцев не менее важно, чем практическое владение ими; чисто лингвистическое исследование является неотъемлемой частью глубокого изучения психологии народов мира... Язык представляет собой одну из наиболее благодарных областей при изучении формирования основных этнических представлений. Большим преимуществом лингвистики в этом отношении является тот факт, что лингвистические категории формируются бессознательно и поэтому можно проследить процессы, ведущие к их формированию, не прибегая к помощи дополнительных объяснений, которые часто дезорганизуют и лишь мешают пониманию».

К этому следует добавить, что известный в Европе метод сравнительно-исторического анализа индоевропейских языков оказался неприменимым к описанию индейских языков в силу, во-первых, специфики этих языков, их абсолютной непохожести на индоевропейские языки, а во-вторых, отсутствия письменности, письменных памятников, и, следовательно, невозможности сравнительно-исторической интерпретации.

Боас считал необходимой разработку объективных методов описания языка, его внешних, формальных признаков. Отсюда все внимание должно быть направлено на звучащую речь, которая и представляет собой предмет описания. Само описание должно включать «три момента: во-первых, составляющие язык фонетические элементы; во-вторых, группы понятий, выражаемых фонетическими группами, и, в третьих, способы образования и модификации фонетических групп».

После Боаса двумя наиболее влиятельными американскими лингвистами были Эдуард Сепир и Леонард Блумфилд. Они продолжали работу Боаса в двух разных направлениях. Как отмечает В.А. Звегинцев, их называют иногда Лейбницем и Ньютоном американской лингвистики.

Эдуард Сепир (1884—1939), профессор Чикагского университета, — ученик Ф. Боаса, после которого был самым видным специалистом по индейским языкам Америки. Как и его учитель, Сепир одинаково хорошо разбирался и в антропологии, и в лингвистике. По словам А.Е. Кибрика, «большую часть своей академической карьеры Сепир занимал должности по отделению антропологии, и это наложило особый отпечаток на все его

научное мировоззрение. Но главным делом его жизни был, несомненно, язык. Такая двойственность научной деятельности Сепира обернулась в конечном счете великим благом... Открытый, незашоренный взгляд Сепира на язык естественно приводил его к размышлениям, сближавшим его концепцию с идеями, находящимися на стыке смежных наук о человеке — этнологии, психологии, социологии, психиатрии, фольклористики, теории религии». Следует отметить, что сочетание этих двух основных предметов — антропологии и лингвистики — до сих пор сохраняется во многих американских университетах.

Работа Сепира *Язык* (1921 г.) представляет собой один из 5—6 основополагающих трактатов о языке первой половины XX в. По своему содержанию она сходна с работой Вандриеса. Однако если у последнего многие положения относятся еще к XIX в., то Сепир уже полностью принадлежит XX в.

В работах Сепира рассматривается ряд вопросов, имеющих большое значение и в наше время. Прежде всего это генетическая классификация языков Северной Америки. Кроме того, Сепир предложил свою типологическую классификацию языков. Подробнее об этой классификации речь пойдет позднее, когда мы будем знакомиться с развитием типологических исследований. В данный момент лишь обратим внимание на идею Сепира о том, что при построении типологии языковых значений следует опираться не на слова, а на корневые и грамматические элементы языка, т.е. морфемы. Следствием этой идеи является использование в американской дескриптивной лингвистике в качестве основного понятия не слова, а морфемы.

Лингвистика для Сепира — это прежде всего изучение формы, под которой он понимает систему моделирующих средств. При этом «в основе каждого языка лежит как бы некоторая базисная схема... у каждого языка есть свой особый покров. Этот тип, или базисная схема, или "гений" языковой структуры, есть нечто гораздо более фундаментальное, нечто гораздо глубже проникающее в язык, чем та или другая нами в нем обнаруживаемая черта». Поскольку у каждого языка «своя схема», не может быть единой универсальной системы частей речи. Однако различие имени и глагола остается фундаментальным, поскольку оно необходимо для выражения противопоставления субъекта и предиката.

Независимо от Бодуэна и Соссюра Сепир пришел к пониманию фонемы: «Отдельно взятый звук никоим образом не тождествен артикуляции или восприятию артикуляции. Он является, скорее, элементом структуры».

Как и Боас, Сепир разделял взгляды Гумбольдта на соотношение языка и мышления. Сепир является одним из основателей гипотезы лингвистической относительности.

Говоря о функциях языка, Сепир отмечал, что «коммуникативный аспект речи преувеличен». Главной он считал **символическую** функцию: «Язык в основе своей есть система фонетических символов для выражения поддающихся передаче мыслей и чувств».

Помимо символической Сепир называет также экспрессивную функцию, функцию социальной солидарности, функцию установления контакта, функцию хранения и накопления культуры и функцию воздействия.

Учениками Сепира являются такие американские лингвисты, как Кеннет Ли Пайк, Моррис Сводеш и Бенджамин Ли Уорф.

Леонард Блумфилд (1887—1949), профессор германской филологии Чикагского университета, знаток многих языков: санскрита, языков американских индейцев, малайско-полинезийских языков. Он является основоположником собственно дескриптивной лингвистики. Его характеризует сочетание теоретических исследований с их применением на практике.

Получив филологическое образование в Европе (у младограмматиков), он начинал свой лингвистический путь в рамках традиционного языкознания. Его первая работа *Введение в изучение языка* (1914 г.) обнаруживает значительное влияние младограмматических традиций, а также психолого-лингвистической концепции В. Вундта. Однако изучение языков североамериканских индейцев привело его к отказу от традиционных методов

описания языков. Блумфилду не были чужды идеи структурализма: он публиковался в изданиях Пражского кружка, был знаком с работами Соссюра и Трубецкого. Его концепция впервые была изложена в статье *Ряд постулатов для науки о языке* (1926), которую по ее четкости и строгости Ж. Мунен сопоставляет с работой Ельмслева. Основной же работой Блумфилда является книга *Язык* (1933), занимающая, по словам М.М. Гухман, в истории американского языкознания XX в. место, аналогичное тому, какое занимает известная работа Ф. де Соссюра в истории европейского языкознания. Идеи этой книги были основополагающими в течение последующих 30 лет. Р. Робинз отмечает, что большинство языковедов США считают себя в каком-то смысле учениками Л. Блумфилда независимо от того, учились они у него или нет.

Итак, *Язык* представляет собой учебное пособие, рассматривающее все основные разделы языкознания. В теоретических главах книги представлена оригинальная концепция Блумфилда: язык есть внешнее по отношению к исследователю явление, для изучения которого требуются методы объективного наблюдения и анализа.

В работе не столько изложена теория языка, сколько представлен набор предписаний по технике обработки первичных данных, напоминающих методы дешифровки. Таким образом, излагаются основополагающие принципы лингвистического **описания**. Отсюда и название — дескриптивная лингвистика.

Л. Блумфилд был фактически первым языковедом, который реализовал выдвинутое Ф. Боасом требование использования строгих объективных методов описания языка, рассматривая это как основную задачу языкознания. Эту строгость и объективность описания Блумфилд видел в отказе от классической психологии и в ориентации на положения бихевиоризма, или «поведенческой» психологии, обосновывая принципы так называемой «механистической» лингвистики. Свою теорию языка Л. Блумфилд называет материалистической, или механистической, и противопоставляет ее менталистским концепциям европейской психологии XIX в. «Для менталиста... язык является *выражением мыслей, ощущений или желаний*. Механист такого объяснения не принимает. Он полагает, что *мыслительные образы, ощущения и т.п.* — это всего лишь общепринятые названия для разнообразных телесных движений».

Во имя научной объективности Блумфилд избегает каких бы то ни было упоминаний о ментальных, или концептуальных, категориях, полагая, что лингвист недостаточно компетентен, чтобы заниматься «невидимыми» механизмами. «Любое высказывание может быть точно описано в терминах лексических и грамматических; необходимо помнить, что значение не может быть определено в терминах нашей науки». Однако это вовсе не свидетельствует о том, что Блумфилд «изгнал» значение из процесса лингвистического анализа. По словам Ж. Мунена, «антиментализм, или бихевиоризм, Блумфилда — это научная гигиена, необходимая в его время... Блумфилдовское отрицание психологии есть отрицание методическое, а не эпистемологическое».

С позиции бихевиоризма все психические процессы являются ненаблюдаемыми. Единственно, что доступно наблюдению, — это внешние стимулы и внешние реакции на эти стимулы. Это можно представить в виде формулы:

$$S \rightarrow R.$$

Отсюда известный пример: Джилл видит яблоко (стимул). Она срывает его с ветки, чтобы съесть (реакция). Однако этот же стимул может привести к языковой (замещенной) реакции: она говорит Джеку, что хочет съесть яблоко. Ее слова являются языковым (замещенным) стимулом для Джека, который срывает яблоко и дает его Джилл (реакция). В данном случае формула принимает вид:

$$S \rightarrow r \dots s \rightarrow R.$$

Лингвист, как уже отмечалось, не может судить о том, что происходит «внутри» Джека, но он способен наблюдать как языковой стимул, так и реакцию на этот стимул. Таким образом, процесс речевого общения расчленяется на ряд физиологических в своей основе стимулов и реакций. Именно в этом заключены источники формализации методов

лингвистического описания, и представители дескриптивной лингвистики сосредотачивают свое внимание на описании «внешних» формальных элементов структуры языка, игнорируя его смысловую сторону, — все то, что имеет отношение к логике или психологии. Следовательно, предметом лингвистики являются не звуки и значения сами по себе, а сочетание определенных звуков с определенным значением, и задача лингвиста заключается в том, чтобы выявить соответствие определенных звуков определенным значениям. Для выявления этого соответствия следует прибегать к помощи **информанта**, человека, для которого исследуемый язык является родным. Информант может дать ответ на вопросы: 1) является ли данное высказывание правильным или нет; 2) являются ли два высказывания (два отрезка высказывания) тождественными или нет.

Язык определяется как «совокупность высказываний, которые могут быть сделаны в данной языковой группе». Для наблюдателя язык состоит из **форм**. Языковые формы могут быть **связанными** и **свободными**, **сложными** и **простыми**. Сложные формы состоят из **компонентов**. Общая часть нескольких форм представляет собой **конституент**, или **непосредственно составляющую** (НС). Любое высказывание может быть разложено на НС. Так, в высказывании *poor/John//ran/away* две НС: *poor/John // ran/away*, каждая из них, в свою очередь, разлагается еще на две: *poor* и *John*, *ran* и *away*. Если деление (разложение) на этом заканчивается, то мы имеем дело с **конечными составляющими**, или морфемами.

«Морфема может быть описана фонетически, поскольку она состоит из одной или более фонем, но ее значение не может быть проанализировано в пределах самой нашей науки». Весь запас морфем языка может быть описан в терминах фонем и их последовательностей. Значение морфемы обозначается как **семема**.

Некоторые значения в языке выражаются **аранжировкой** (расположением) его форм. «Значимые аранжировки форм составляют **грамматику** языка». Простейший признак грамматической аранжировки называется **грамматическим признаком**, или **таксемой**. Наименьшую значащую единицу грамматической формы Блумфилд называет **таг-мемой**, а ее значение — **эписемой**. Синтаксис рассматривается как аранжировка морфем.

Языковая форма, ни один из компонентов которой не является связанной формой, есть **синтаксическая конструкция**. Конструкции могут быть либо **эндоцентрическими** (*poor John, John and Mary*), либо **экзоцентрическими** (*John ran, beside John*).

Итак, «любое высказывание может быть исчерпывающе описано в терминах лексических и грамматических форм; следует только помнить при этом, что значения не могут быть определены в терминах нашей науки».

Описание структуры языка предполагает выполнение следующих задач:

- 1) установление элементарных единиц на всех уровнях;
- 2) установление классов элементарных единиц;
- 3) установление законов сочетаемости элементов разных классов.

Установление элементарных единиц проводится путем **сегментации**, т.е. расчленения высказывания на минимальные отрезки. Правильность разбиения проверяется путем замены единицы в одинаковых окружениях:

кто — хто — что.

Затем следует установление классов этих единиц на основании выявления их **дистрибуции** (распределения) в составе более крупных отрезков. Различаются следующие типы дистрибуции:

- дополнительная: как — кит — кот — кнут — куб;
- контрастная: как — гак — так;
- свободное варьирование: город — уород.

Звуки, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции, рассматриваются как **аллофоны** (варианты), а класс (множество) аллофонов объединяется в **фонему**.

Аналогичный анализ проводится и на морфемном уровне, где выделяются **алло-**

морфы, объединяемые в морфему:

дополнительная дистрибуция: *хоч-у, хоч-ешь, хоч-ет;*

хот-еть, хот-ите, хот-ят;

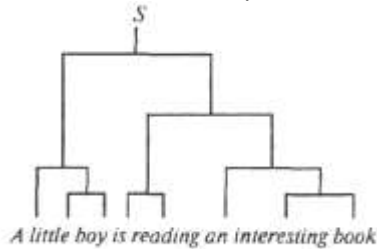
контрастная: *чита-ю — чита-л;*

свободное варьирование: *води-ю — води-й.*

Таким образом, лингвистическое описание представляет собой набор независимых от строя конкретного языка процедур. При этом различаются два уровня описания: фонологический и морфологический. Единицы языка определяются как классы дистрибутивно-эквивалентных единиц текста.

В результате описания на уровне фонем выявляется фонемный состав языка и законы сочетаемости фонем — **фонотактика**; на уровне морфем — морфемный состав языка, **морфотактика** и **морфонология** (характер чередования фонем в составе морфем).

Требование Блумфилда проводить анализ языковых единиц в чисто формальном плане распространялось и на синтаксис. Он считал, что недостатком большинства традиционных исследований в области синтаксиса было использование не формальных, а философских определений. В качестве метода формального анализа был предложен метод непосредственно составляющих (НС), сущность которого заключается в том, как уже отмечалось, что любое высказывание рассматривается как бинарное и делится на две НС. Последние снова делятся на НС, пока процесс не заканчивается выделением морфем. Так, предложение (S) *A little boy is reading an interesting book* членится так:

Следует еще раз отметить, что Блумфилд не игнорировал значения в процессе лингвистического анализа. По его словам, даже установить фонологическую систему какого-либо языка можно только при учете значения, поскольку изучение звуков речи безотносительно к значению — это абстракция. Он лишь отвергал значение в качестве **базы** научного описания. Ж. Мунен считает: «Вопреки тому, что говорят, Блумфилд стоит у истоков самых современных теорий в области семантики... Блумфилд раньше, чем Ельмслев, выдвинул идею о методе анализа означаемых, которая предваряет компонентный анализ». Упрекая последователей Блумфилда, которые считали непеременимым условием объективного описания исключение семантики из анализа языка, в недостаточно внимательном прочтении его работы, Мунен утверждает, что последователи Блумфилда взяли у него наименее удачные формулировки и упростили его концепцию. Лингвистический анализ Блумфилда не мог быть сведен к рассмотрению простой истории о Джилл, Джеке и яблоке. Последователи Блумфилда исказили его идеи, используя только некоторые компоненты его анализа.

Продолжатели Л. Блумфилда разделились по двум основным направлениям: менталистов и механицистов. Сторонники первого направления сгруппировались в Энн-Арборской школе (Мичиганский университет), куда входили **Чарлз Фриз, Кеннет Ли Панк, Юджин Найда**. В своих исследованиях они сочетали технику Блумфилда и идеи Сепира, занимаясь изучением значений отдельных форм — структурным значением — при помощи дескриптивных методов.

Широкую известность приобрела работа **Чарлза Фриза (1887— 1967) Структура английского языка (1952)**. В ней грамматика английского языка представлена в несколько непривычном для нас, нетрадиционном виде. Обычно «классические» грамматики начинаются с классификации частей речи, после чего анализируются их формы и грамматические категории, а затем следует синтаксис. Грамматика Фриза начинается с анализа пред-

ложения по НС, после чего устанавливается, какие слова занимают те или иные позиции в предложении. По сугубо позиционному признаку Фриз выделяет четыре класса полнозначных слов и шестнадцать групп служебных слов. Интересно отметить, что после Фриза все англоязычные грамматики строятся по этому же принципу.

Второе направление — Йельская школа (Нью-Хэйвен, штат Коннектикут), куда входили **Зелиг Хэррис, Бернард Блок, Джордж Леонард Грейджер** — полностью вывели значение из лингвистики, осуществляя наиболее последовательную формализацию описания. Представители этого направления пошли еще дальше в попытках разработки методики лингвистического анализа без всякого обращения к значению, почти полностью пренебрегая семантикой.

Одним из самых талантливых представителей второго поколения школы Блумфилда был **Зелиг Хэррис** (1909—1992). Именно он стремился к тому, чтобы придать теоретическую цельность методам Йельской школы. Он видел главную цель дескриптивной лингвистики в изучении отношения распределения (дистрибуции), или порядка расположения (аранжировки) отдельных форм относительно друг друга в процессе речи. Основной целью грамматического анализа он считал создание полностью формализованного описания содержательного аспекта языка. Разработка дескриптивной теории считается наиболее важным вкладом Хэрриса в науку.

Г. Хельбиг отмечает, что с дистрибуционализмом Хэрриса эра Блумфилда в американском языкознании подошла к концу и структурная лингвистика вступила во вторую фазу: сегментация и классификация фонем и морфем путем дистрибуции стали главной задачей дескриптивной (таксономической) лингвистики. Однако отказ от значения привел к тому, что теория стала такой сложной, что ее достаточно трудно применить для полного описания языка. Тем не менее теория Хэрриса отличается глубиной, цельностью, серьезностью, но «его больше цитируют, чем читают».

Основные идеи концепции Хэрриса изложены в работе *Метод в структуральной лингвистике* (1951 г.). Дальнейшее развитие его теория получила в работе *Грамматика английского языка на математических принципах* (1982 г.). В этой грамматике вхождение того или иного слова в предложение рассматривается в зависимости от наличия в этом предложении других слов, от которых это слово может зависеть. При этом, несмотря на требования чисто формального анализа, Хэррис пользуется знанием семантической стороны языка.

Достоинство дистрибутивного анализа в том, что он исключает субъективный фактор и позволяет описывать языковые явления на основе объективных, измеримых имманентных отношений в пределах любого уровня языка.

Грамматика НС весьма проста. В каждом словосочетании (за исключением сочинительных) различаются два компонента: главный и зависимый. Отсутствуют такие понятия, как согласование и управление, тем более — сильное или слабое управление. В любом высказывании выделяются две НС — именная группа (noun phrase — NP) и глагольная группа (verb phrase — VP). В состав полной именной группы входят определитель, прилагательное и существительное (T, A, N), в состав глагольной — глагол и другая именная группа (V+ NP).

Если правила анализа предложения по НС «перевернуть», то получатся правила порождения предложения по НС, которые можно задать компьютеру:

- 1) S = NP + VP
- 2) NP = T A N
- 3) VP = V + NP

Следуя этим правилам, компьютер будет выдавать правильные грамматические предложения, среди которых окажутся и такие:

У него есть четыре блестящих песчаных купола.

Пар делает свой пар и свисток большими и гордыми.

Когда инженер Смит смазан, вода в звонках подогревается.

Чтобы сделать данные предложения правильными в отношении не только грамматики, но и смысла, потребуется значительно усложнить грамматическое описание за счет введения в него многочисленных правил, к созданию дробных категорий и подкатегорий. В результате вместо теории языка получится, по словам С. К. Шаумяна, эмпирическая коллекция правил «на случай». Это — первый основной недостаток грамматики НС.

Следующий — модель НС не обладает достаточной силой для решения проблемы инвариантности. Так, предложения *Он купил пальто на меху* и *Он купил пальто на улице* имеют одну и ту же модель. Точно также одну модель имеют следующие словосочетания: *пение птиц, изучение языка, приглашение писателя*, хотя в первом случае речь идет о субъекте действия, во втором — об объекте, а третье словосочетание допускает двоякую интерпретацию.

Кроме того, метод НС не дает никаких формальных критериев для разграничения повествовательных и вопросительных предложений, а также для установления тождественности предложений *Мальчик читает книгу* и *Книга читается мальчиком*.

При дистрибутивном анализе языка определяется элементарная единица на каждом уровне. Каждая единица представляет собой класс дистрибутивно-эквивалентных единиц текста, ее вариантов. Такие единицы выделяются на фонологическом и морфологическом уровнях. Однако вопрос об элементарной единице на синтаксическом уровне остается нерешенным, поскольку оказывается невозможным описать дистрибуцию предложения. Кроме того, некоторые изолированные предложения не поддаются дистрибутивному анализу, который также нельзя применить к отрезкам большим, чем предложение. В результате Хэррис приходит к выводу о недостаточности дистрибутивного анализа для описания предложения.

Все это и послужило причиной разработки трансформационного метода. Иначе говоря, недостатки дистрибуционного метода побудили Хэрриса заняться трансформационным анализом и тем самым наметить пути для третьего этапа американского структурализма. Намечается поворот в сторону трансформационной грамматики (ТГ)

Хэррис предположил, что основной, элементарной единицей синтаксического уровня является некий тип простого предложения, который может представлять собой класс вариантов, "получающих реализацию в тексте. Отличие же предложения от единиц других уровней состоит в том, что оно **не допускает дистрибуционного определения**: на окружение предложений не существует никаких ограничений, т.е. все предложения имеют одну и ту же дистрибуцию.

Для отождествления предложений и их типов Хэррис предпринял попытку использовать их трансформационные признаки. Трансформационные правила впервые появились в работах З. Хэрриса, однако обоснование необходимости использования этих правил в грамматике и построение собственно трансформационной грамматики принадлежит его ученику Н. Хомскому.

Основные понятия трансформационного метода впервые были сформулированы в статьях Хэрриса *Анализ речи* (1952) и *Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре* (1957). По словам Хэрриса, «трансформационный анализ устраняет значительную часть сложностей анализа по непосредственно составляющим». Он «представляет собой в большей степени алгебраический метод анализа языковой структуры, чем другие общепринятые лингвистические методы».

Трансформацию Хэррис определяет как формальное отношение между двумя структурами, имеющими одинаковую дистрибуцию, или одинаковый набор индивидуальных окружений. Иными словами, трансформация — это отношение эквивалентности между двумя структурами с одинаковым окружением. Такие структуры должны иметь одинаковое значение, поскольку области окружений соответствуют значению. «Если две или более конструкции (или последовательности конструкций), содержащие одни и те же n классов, встречаются с одним и тем же набором из n членов этих классов в одном и том же окружении в предложении, мы говорим, что эти конструкции являются **трансформа-**

ми одна другой и что каждая из них может быть получена из другой посредством определенной **трансформации**».

Стержнем ТГ, по словам Шаумяна, является идея о ядре языка, состоящем из простейших лингвистических структур, из которых могут быть выведены все остальные лингвистические структуры большей или меньшей степени сложности. Таким образом, трансформации — это формальные операции, которые могут производиться над простейшими, или **ядерными**, предложениями для получения более сложных предложений, или **трансформ**. Хэррис отмечает, что «трансформации играют особую роль в общей структуре языка. Благодаря неограниченной повторяемости различных трансформаций становится возможным построение разнообразных предложений неограниченной длины из набора ядерных предложений». Иными словами, любую последовательность предложений можно свести к ядерным конструкциям и их трансформам.

Всю синтаксическую систему языка можно представить как состоящую из двух подсистем: подсистемы ядерных (исходных, элементарных) типов и подсистемы их трансформ — производных типов. Под ядерным предложением понимается простое нераспространенное утвердительное предложение. Такие предложения, как *Сократ был мудрый афинянин, Я хочу пить, Я велел ему прийти* и т.п., являются производными. (Ср. приведенный ранее пример из грамматики Пор-Рояля: *Невидимый Бог создал видимый мир*.) Понятие ядерного предложения сходно с понятием основной формы слова, отсюда можно говорить о **парадигме предложения** (трансформационной парадигме). Ядерные предложения связаны с элементарными ситуациями, представляя собой их обозначения. Разные языки обнаруживают гораздо больше сходства в области таких простейших предложений, тогда как трансформы могут характеризовать специфику отдельного языка. Таким образом, трансформации могут найти применение в типологии языков — для сравнения языков разной структуры. Ядерные предложения первыми усваиваются детьми и дольше сохраняются в сознании человека.

Дальнейшее развитие ТГ связано с именем **Ноама Хомского** (р. 1928 г.), который после выхода работы *Синтаксические структуры* (1957) становится лидером американской лингвистики, восставшей против блумфилдовских идей. В 1965 г. появляется его работа *Аспекты теории синтаксиса*, в 1968 г. — *Язык и мышление*.

Хомский рассматривает ТГ как одну из **порождающих грамматик**. «Порождающая грамматика... есть результат попытки изобразить точным образом некоторые аспекты гумбольдтовской формы языка; та или иная теория порождающей грамматики есть результат попытки выяснить, какие именно аспекты этой формы являются общим человеческим достоянием». Грамматика есть «своего рода механизм, порождающий все грамматически правильные последовательности языка и не порождающий ни одной грамматически неправильной». А поскольку, по Хомскому, язык есть совокупность предложений, то весь язык в целом представляет собой некое порождающее устройство.

Хомский проводит различие между понятиями компетенции (competence) и употребления (performance), которые, согласно Дж. Лайонзу, соответствуют сосюрровским *langue* и *parole*, и между понятиями поверхностной и глубинной структур.

Сам Хомский неоднократно в своих работах, начиная с первой, отмечает, что ТГ является не моделью порождения текста (употребления), а моделью компетенции (знания).

Трансформационная грамматика включает правила трех видов:

- 1) правила модели НС;
- 2) правила трансформационной модели;
- 3) морфофонемные правила.

По правилам модели НС происходит порождение ядерных предложений; правила трансформационной модели описывают типы преобразований, применяемых к ядерным предложениям; морфофонемные правила задают типы чередований при словообразовании и словоизменении.

Основные типы трансформаций:

- 1) $S \rightarrow S$
- 2) $S \rightarrow NP$
- 3) $S_1 + S_2 \rightarrow S_3$.

Трансформации первого типа связаны с преобразованиями внутри предложения: превращение утвердительного в отрицательное, вопросительное, изменение формы залога и т.п. Трансформации третьего типа — способы объединения простых предложений в сложные. Особенно следует остановиться на трансформации второго типа — **номинализации**, т.е. превращении предложения в именную группу. Номинализация позволяет свести семантически сложное предложение к набору ядерных предложений. Именные группы, полученные в результате номинализации так называемых **интродуктивных** предложений, вводятся в соответствующие позиции **базового** предложения. Эти позиции обычно отмечаются семантически «пустыми» словами. Так, предложение Содействие друзей помогло ему достичь успеха может быть интерпретировано как результат объединения следующих предложений: базового *Нечто помогло ему сделать что-то*; и двух номинализованных интродуктивных предложений: *Друзья содействовали ему — содействие друзей (ему)* и *Он достиг успеха — (его) достижение успеха — (ему) достичь успеха*.

Очевидно, что ТГ Хомского имеет интерпретирующий характер.

Итак, говоря о ТГ в целом, следует отметить, что трансформационные правила представляют собой естественное продолжение правил порождения по НС. При помощи этих правил ядерные предложения, порожденные по модели НС, преобразуются в новые предложения. Следовательно, ТГ не отменяет грамматики НС, но вводит ее в рамки более широкой грамматической системы — системы ТГ.

Если грамматика НС объясняет, каким образом составлено предложение, из каких частей оно состоит, то ТГ показывает, из какого предложения или предложений и с помощью каких преобразований выведено данное конкретное предложение.

Если же сравнивать грамматики Хомского и Хэрриса, то в первой рассматриваются структура и преобразования предложения, тогда как во второй анализ выходит за рамки предложения. Ж. Мунен отмечает, что ТГ Хэрриса не направлена на построение гигантской гипотетико-дедуктивной конструкции, которая объясняла бы порождение всех структур языка. Его анализ ограничивается уровнем текста. Если теорию Хомского можно расценивать как «типично математическую», то теорию Хэрриса как «типично лингвистическую». Теория Хэрриса с самого начала индуктивна, а не дедуктивна.

По словам Ж. Мунена, распространение теории Хомского сопровождалось снобизмом и агрессивностью. Однако вряд ли следует обвинять в этом самого Хомского. Тот же Мунен отмечает, что теория Хомского была принята традиционными грамматистами, потому что она создавала впечатление революционного переворота, а на самом деле спасала традиционную грамматику, одевая ее по моде. Далее Мунен упрекает Хомского в плохом знании европейской лингвистики; в эпизодическом, спорадическом, неорганическом подборе примеров, которые, если их собрать вместе, «даже не составляют начала методического и цельного описания хотя бы английского языка». То, что читатели Хомского принимали за **теорию**, есть лишь набор гипотез, не формализованных, излишне интуитивных. (Кстати, В.А. Звегинцев считает, что грамматика Хомского — это не теория языка, а теория предложения.) И, наконец, в плане синтагматики можно сказать, что его работа — шаг назад по сравнению с *Постулатами* Блумфилда и *Пролегоменами* Ельмслева.

С большим восторгом теория Хомского была встречена и в России, где повсеместно стали говорить о «хомскианской революции». На наш взгляд, «магия» Хомского объясняется тем, что идеи *порождающей* грамматики были восприняты почти повсеместно как ключ к решению проблемы *порождения* высказывания (вот что значит этимология!). Правда, Хомский неоднократно отмечал, что его грамматика предназначена для описания языковой компетенции человека (языка), а ни в коем случае не употребления (речи, рече-

вой деятельности): «Под порождающей грамматикой я понимаю просто систему правил, которая некоторым эксплицитным и хорошо определенным образом приписывает предложениям структурные описания... Порождающая грамматика не является моделью для говорящего или слушающего. Она стремится охарактеризовать в наиболее нейтральных терминах знание языка, которое дает основу для действительного использования языка говорящим-слушающим». Однако на эти утверждения автора его эпигоны почему-то не обратили внимания. С течением времени лингвисты, и не в последнюю очередь — психолингвисты, пришли к пониманию того, что для описания речевой деятельности теория Н. Хомского не пригодна, поскольку в процессе реального порождения речи никакого преобразования одной конструкции в другую не происходит.

Дж. Бейлин в обзоре истории порождающей грамматики (1997) отмечает: «Суть трансформационной теории остается неизменной в 1980-е и 1990-е годы».

Тема: Английский структурализм. Французский структурализм. Российская лингвистика начала XX в. «Новое учение о языке»

Идеи **английского структурализма** (Лондонской школы) в определенной степени сходны с идеями американского дескриптивизма, поскольку в основу положен языковой контекст. Однако в отличие от американцев английскими исследователями контекст рассматривается не изолированно, а **в условиях ситуации**. Язык определяется ими как часть социального процесса. Основными понятиями представители Лондонской школы считают **функцию** и **значение**, которые идентифицируются и объясняются ими через употребление языковой формы в контексте.

Британская лингвистика начинает складываться с середины XIX в. Основное внимание направлено на исследование живых языков разнообразных типов. Концепция английского структурализма складывается в 1930—1940 гг. В состав школы входят **Джон Руперт Фёрс, Фрэнк Роберт Палмер, Майкл Александр Кервуд Хэллидей**. Их совместная деятельность началась в 1944 г., когда руководителем кафедры общего языкознания Лондонского университета стал **Джон Руперт Фёрс** (1890—1960). Его основные работы: *Техника семантики* (1935), *Синопсис лингвистической теории* (1930—1955).

Основное направление исследований — функциональная теория значения с использованием формальных методов анализа. Исходными постулатами являются, как и в глоссематической теории, принципы непротиворечивости, полноты и простоты. Однако в отличие от глоссематиков, использующих дедуктивный подход, лондонцы считают, что наука не должна навязывать своих систем языку. Она должна **обнаруживать** их в речевой деятельности, исходя из особенностей данного языка.

В основу исследовательской работы положены идеи английского этнографа и антрополога **Бронислава Малиновского** (1884—1942), который считал, что язык и культура обладают **общими** свойствами. Если общие свойства организации социума могут быть выявлены на материале отдельных социальных структур, то общие свойства языка можно обнаружить при изучении материалов отдельных языков. Как в культуре, так и в языке проявляются основные побуждения, желания, потребности и т.д., обусловленные природой человека. Общество, личность и язык оказываются тесно взаимосвязанными, и для того чтобы понять сущность любого из них, необходимо принимать во внимание все три указанных компонента. Языковое поведение человека — это всегда **значимое** поведение во всех его связях с жизнью общества. Поскольку состав общества неоднороден во всех отношениях, важно изучать языковые особенности различных социальных и профессиональных групп, местных диалектов и т.д. При этом следует помнить, что во всех проявлениях языка сохраняется нечто общее: грамматическая структура, основной словарный фонд, тождество фонологической структуры.

Разговор человека всегда представляет собой некий заданный ритуал, в рамках ко-

того можно выделить ряд типовых ситуаций: отрицание, утверждение, вопрос, приветствие, прощание, вступление в контакт, развитие отношений и т.д., и т.п.

По своему устройству язык многоструктурен, это система систем. При этом по вертикали он образует **систему**, или парадигматику, а по горизонтали — **структуру**, или синтагматику.

Задача общего языкознания заключается в том, чтобы на основе фактического употребления раскрыть значение во всем его многообразии. При этом отмечается, что изучение семантики невозможно без обращения к морфологии, исследованию значения должен предшествовать формальный анализ. Прежде чем выявить значения слов и предложений, нужно предварительно описать их формальные особенности.

Под значением каждого языкового элемента, каждой языковой единицы понимается не его содержание, а функция его формы. Языковая единица — это любая часть языка, которая выполняет функцию в составе целого. Процесс анализа значения подробно описан в работе *Техника семантики*.

Значение состоит из отдельных элементов, выделить которые можно в результате **поуровневого членения** значения как целого, т.е. в процессе анализа устанавливается каждое отдельное смысловое значение. В составе значения как целого выделяется ряд его составляющих, компонентов, которые представлены как функции: 1) фонетическая функция, 2) лексическая функция, 3) морфологическая функция, 4) синтаксическая функция, 5) семантическая функция. Общее значение языковой формы представляет собой взаимодействующую совокупность всех функций.

Все языковые элементы можно выделить и определить методом подстановки. Слово — это лексическая единица подстановки, а звук — единица фонетической или морфологической подстановки.

В **фонетическом контексте** начального b и конечного d мы обнаружим возможность 16 подстановок разных гласных: bid, bi:d, bed, bæd, bo:d...

Фонетическая функция каждой из 16 гласных в этом контексте сводится к ее употреблению, которое противопоставляется употреблению 15 остальных. Таким образом, фонетическая функция данного звука сводится к употреблению **именно этого** звука и противопоставлению его другим звукам.

Если я прошу вас употребить форму bo:d в контексте вашего опыта, то в ответ вы можете создать словесный контекст типа: Which "bo:d", "bo:d" of studies, or "bo:d" to death? или спросить, как слово пишется.

Теперь можно объединить разные формы в парадигматические ряды:

- 1) bo:d, bo:dz;
- 2) bo:d, bo:dz, bo:did, bo:diŋ;
- 3) bo:, bo:z, bo:d, bo:riŋ.

Поместив формы в эти ряды, мы определяем, что это

- 1) существительное в форме ед. ч.;
- 2) простая форма глагола;
- 3) форма с окончанием -d от основы bo:.

Но без дальнейшей конкретизации невозможно поместить выделенные формы в определенные морфологические части речи.

Если же я скажу: Not on the board — форма будет выступать в **словесном контексте**, и тогда станет ясно ее морфологическое значение, или функция: это — существительное.

Но и теперь его **семантическая** функция не ясна. Можно сказать Not on the board! Или Not on the board?, т.е. использовать два типа предложений: утверждение и вопрос. Здесь мы вводим **синтаксические** категории, синтаксический компонент значения.

Помещая bo:d в реальный контекст, можно спросить: Bored? Ответом может быть: Not really. В таком **контексте ситуации** мы имеем дело с **семантической функцией**.

Формальное значение — это связи форм в тексте между собой. Контекстное значе-

ние — это связи форм текста с ситуацией употребления.

Таким образом, полный анализ текста проводится по уровням членения языка:

- 1) контекст ситуации — определяется тип языка (стиль);
- 2) грамматика — основная и центральная часть языкового анализа;
- 3) фонология — вспомогательное средство для связи грамматики и фонетики;
- 4) фонетика — конечное подтверждение для грамматики и фонологии, так как она связывается с доступным наблюдению фактическим материалом.

Мы рассмотрели четыре направления структурализма, которые объединяются общим подходом к языку как предмету лингвистики, к выявлению отношений между языковыми единицами. Различия между ними заключаются в направлении исследований. Для Пражского кружка — это установление прежде всего функциональной дифференциации литературного языка. Собственно структурализм проявился в области фонологии. Для представителей глоссематики задача состоит в создании общей дедуктивной (универсальной) теории языка. Представители дескриптивной лингвистики видят свою цель в обосновании метода и выработке объективных процедур формального анализа конкретного языка. Лондонский структурализм стремится создать общую теорию языка, но, в отличие от глоссематики, — теорию, применимую к каждому конкретному языку, а в отличие от дескриптивизма занимается формальным анализом значения.

В целом между английской и американской школами много общего, и в 1960-е гг. начинается сближение их позиций, осуществляемое некоторыми учениками Блумфилда и Фёрса. Такое сближение можно увидеть в работе представителя английской лингвистики **Джона Лайонза** (р. 1932) *Введение в теоретическую лингвистику* (1968).

Французская лингвистика в течение всего XX в. продолжала оставаться одной из ведущих в мировой науке о языке. Как структуралистов здесь можно в той или иной степени охарактеризовать Г. Гийома и Л. Теньера.

Гюстав Гийом (1883—1960), выдающийся лингвист-теоретик, значение работ которого, как отмечает Ю.С. Степанов, только сейчас начинает осознаваться во всей полноте, с 1938 г. до самой смерти преподавал в школе Высшего образования. По словам М. Вильме, за последние десятилетия не появилось теории, которая обладала бы такой же объяснительной силой, какой обладает теория Г. Гийома. Л.М. Скрелина указывает, что множество новых понятий, которые разрабатываются в таких современных направлениях, как лингвистика текста и теория высказывания, и приписываются Ш. Балли, Б. Малиновскому, Э. Бенвенисту и др., были выдвинуты и раскрыты в ранних публикациях Г. Гийома. Гийом говорил, что слово *актуализация* было им предложено и постоянно употреблялось задолго до его использования Балли.

Г. Гийом знал древнегреческий, латинский и русский языки, изучал философию и математику. Малую «популярность» работ Гийома хорошо объясняют слова А. Мейе, который долго «опекал» его: «Он слишком умен, а его книги слишком сложны, чтобы лингвисты их поняли». Сам Гийом указывал: «Подводным камнем для теоретика моего типа явится необходимость (для понимания того, что я сделал) повторить за мной все логические построения, весь сорит (сорит – сложный силлогизм с опущенной средней частью) условий структуры языка, а это, пока все не станет ясным, занимает много времени».

Прижизненные издания работ Г. Гийома немногочисленны. Это *Проблема артикля и ее решение во французском языке* (1919), *Время и глагол* (1929). Обобщающие работы *Язык и наука о языке* (1964) и *Принципы теоретической лингвистики* (1973) были изданы посмертно его коллегами и друзьями.

Русское издание (1992) было подготовлено и осуществлено активным пропагандистом идей Г. Гийома Л.М. Скрелиной, которая еще в 1971 г. опубликовала в журнале *Филологические науки* (№ 2) статью *Об одном направлении во французской лингвистике (школа Гийома)*. Нельзя не назвать и работу Е.А. Реферовской *Философия лингвистики Гюста-ва Гийома* (1997).

Л.М. Скредина отмечает, что, называя себя структуралистом, Гийом строит свою теорию в стороне от европейского и американского структурализма. Сам Гийом говорит об этом так: «Копенгагенский структурализм считает язык объектом внешнего наблюдения, путь к познанию которого лежит через построение теории, как это имеет место во всех науках, где объектом наблюдения является объективный мир "вне меня". Копенгагенская школа приписывает языку ложную объективность как вне-субъективность, а между тем язык не имеет иной объективности, которая устанавливается в самых глубинах субъективного».

Лингвистику он охарактеризовал как науку, интересующуюся совершенно особым объектом, не имеющим аналога в мире, а цель своей работы видел в том, чтобы «раскрыть систему, каковой является язык, и план ее построения».

Гийом считает, что, назвав язык социальным явлением, мы не вскрываем его природы. «Признавать в языке социальное явление, каким он является в силу его использования людьми в качестве средства экстерииоризации и передачи своих мыслей и чувств, и не видеть в нем собственно человеческого явления, т.е. внесоциального, заключенного в самом человеке, говорящем или не говорящем, но думающем, — это значит лишить себя всякой возможности познания его структуры, возникшей не из встречи человека с человеком, а из вечного противостояния человека и вселенной, универсума, из специфически человеческих условий этого столкновения, определенным зеркалом которых и стала структура языка... В истоках языка — и прозорливые философы это понимали — лежит не маленькое противопоставление *Человек / Человек*, но великое противопоставление *Универсум / Человек*... Самая глубинная часть языка в гораздо большей мере зависит от постоянного глубокого раздумья человеческого мышления, чем от непосредственного упражнения в речи».

Характер отношения языка и мышления он объясняет следующим образом: «Мышление свободно, совершенно свободно и безгранично в своем движении к активной свободе, но средства, которыми оно пользуется для своего собственного перехвата, это средства систематизации и организации, ограниченные по своему количеству, и в своей структуре язык дает их верное отображение. То, что внимательный наблюдатель открывает в самом языке, в собственно языковом плане, — это и есть механизмы перехвата, остановки, которые действуют в мышлении. Эти механизмы принадлежат систематике, исследование которой представляет новую область лингвистики и которую мы назвали *психосистематикой языка*».

Иными словами, наше мышление протекает свободно, «само собою», в какой-то степени независимо от наших усилий и намерений. Но если вдруг мы пожелаем «узнать», о **чем именно** мы в данный момент думаем, нам необходимо «перехватить» процесс нашего мышления, остановиться на нем, осуществить «самослежение». Именно для этого «перехвата» и создается язык. Человеческое мышление «существует само по себе только в том случае, если оно способно контролировать (перехватить) себя и тем самым различать в себе отдельные моменты деятельности. Эти перехваты отождествляются с представлением; это то, что является представлением». Именно благодаря представлению происходит «рассмотрение», упорядочение мыслимого. Представление делит это мыслимое, «подразделяет, внутренне организует, систематизирует, чтобы высказать все, и результатом этих систематизирующих операций является язык». С момента, когда переживаемый человеком **опыт** превращается в **представление**, и начинает свое существование человеческий язык.

Таким образом, психосистематика исследует не отношение языка и мышления, а «определенные и готовые механизмы, которыми располагает мышление для перехвата самого себя, механизмы, которым язык дает точное отображение».

По своему устройству язык, считает Г. Гийом, представляет собой не просто систему, а систему систем, в которую входят, например, система имени, система глагола и т.п. Для того чтобы понять, как устроена эта система систем, Гийом задает ряд «простых»

вопросов: «Для чего языку артикль? Для чего языку система времен?» А также ряд других подобных вопросов, которых никто языку не задавал, за исключением, вероятно, модистов. Именно по этой причине его называют «последним и величайшим из модистов». Ответы Гийома на указанные два вопроса изложены в его первых двух работах.

Язык и речь он рассматривает как две формы: «Речь — это форма, принятая обдуманной стороной для выражения (*expression*); язык — это форма, принятая мыслимой стороной для представления (*representation*)». Речь, или говорение, имеет временную природу, а язык существует постоянно, непрерывно. Следует также указать на то, что Гийом использует противопоставление не *langue/parole*, а *langue/discours*. Различие заключается в том, что *parole* он понимает как «говорение», а *discours* — как «построение речи». При этом все, что происходит в речи, «определяется *проблемами*, поставленными языком, виртуальностью языка».

Самый общий психомеханизм языка заключается в движении от общего к частному (индивидуализация) и от частного к общему (генерализация). «Мысль находится в движении, которое свидетельствует о ее существовании, в нем она черпает свою силу. Два наиболее важные движения — создатели творческой способности мысли — это восхождение к частному, от полного объема объекта, и нисхождение от общего к частному, от полного объема объекта — к ограниченному объему. Всякое движение мысли вписывается в две эти границы, принимая характер перемещения от генерализации к индивидуализации и обратно» (Е.А. Реферовская). В качестве средства выражения этих движений в языке существует артикль, который представляет собой знак перехода имени существительного из плана потенции в план реализации.

Что касается системы языкового (грамматического) времени, то в ней отражен способ структурирования языком времени по аналогии с тем, как он структурирует пространство: «время построено по образцу пространства с *n*-измерениями».

Таковы, в самых общих чертах, основные моменты концепции Гюстава Гийома.

Люсьен Тендер (1893—1954) учился у Мейе и Вандриеса, слушал лекции Бругмана и Лескина. Много занимался славистикой. Несколько раз был в СССР и хорошо знаком с работами российских синтаксистов. Его интересы не распространяются на весь язык в целом, а сосредоточены на синтаксисе. Главный труд Теньера *Основы структурного синтаксиса* вышел уже после его смерти, в 1959 г., причем в этот период появились работы по порождающей грамматике и главным образом работы Н. Хомского, распространение которых не только в США, но и во всем мире прошло с действительно американским размахом. Можно сказать, что Теньер вступил в своеобразное соревнование с Хомским, причем сначала «счет» был явно не в пользу Теньера. Появление *Основ структурного синтаксиса* прошло незамеченным, так как все в то время были увлечены грамматикой НС, по сравнению с которой работа Теньера выглядела слишком «несовременной». Тем не менее она несколько раз переиздавалась и переводилась на другие языки, в том числе и на русский. Интересно отметить, что *Синтаксические структуры* Хомского (1957) на русский язык были переведены в 1962 г., а работа Теньера — лишь в 1988 г.

Предложение Теньер рассматривает с точки зрения собственно синтаксических закономерностей. Большинство морфологических явлений он интерпретирует «через синтаксис». Кроме того, синтаксис Л. Теньера не формальный, а семантический. Каждое предложение описывает некую «драму», в которой задействованы лица и обстоятельства — **актанты** (существительные и эквиваленты существительных) и **сирконстанты** (наречия и их эквиваленты). Таким образом, актанты — не формально-синтаксические члены, а участники небольших «драм», которые описываются предложениями.

Одним из основных понятий является понятие **связи**. Теньер отмечает, что во фразе *Alfred parle* следует выделять не два элемента: 1) *Alfred* и 2) *parle*, а три: 1) *Alfred*, 2) *parle*, 3) **связь**.

Каждое предложение складывается из **ядер** — конституирующих атомов предло-

жения, содержащих определенную идею и выполняющих **семантическую функцию**, а также **отношений** между ядрами, выполняющих **структурную функцию**. Таким образом, следует различать линейный порядок и структурный порядок. Для синтаксиса НС несущественно, которая из составляющих является главной, а которая — зависимой. Важен лишь **линейный** порядок: составляющие должны быть непрерывными. В грамматике Теньера структурные и семантические функции четко различаются. Структурные функции связаны с отношениями между компонентами предложения, семантические — с содержанием. Структурные отношения понимаются как отношения **зависимости**, а все предложение представляет собой **иерархию** зависимостей.

Линейная речевая цепочка, которую мы наблюдаем при говорении, не отражает внутренних, структурных зависимостей, которые образуют иерархию. При говорении структурный порядок преобразуется в линейный. Следовательно, говорить — это значит уметь преобразовывать структурный порядок в линейный, а понимать — быть в состоянии преобразовать линейный порядок в структурный.

Структурный порядок может быть представлен в виде **дерева** (стеммы), центром (вершиной) которого является **глагол**, семантический и структурный центр предложения, который и выражает то или иное действие («драму»). В отличие от традиционной грамматики, где основу предложения составляют подлежащее и сказуемое, у Теньера подлежащее — лишь один из актантов глагола.

Теньер вводит понятие **валентности** (число актантов, которые может присоединять к себе глагол) и делит глаголы в зависимости от валентности на четыре группы: безактантные («безличные»), одноактантные, двухактантные и трехактантные.

Большое место в его работе занимает анализ системы синтаксических связей, их формальное (грамматическое) воплощение и способы изменения. В этом плане существенное значение имеет **«трансляция»** («транспозиция», по Балли) — способ перевода слова из одного функционального класса в другой.

Теория валентности Л. Теньера быстро получила признание и нашла последователей за пределами Франции, прежде всего — в Германии, а затем и в России. При этом понятие валентности было распространено и на другие части речи.

Что касается оценки работы Теньера, то мы считаем возможным привести два высказывания. Первое принадлежит Б.А. Абрамову, автору обзора по грамматике зависимостей (1985): «Развитие современной лингвистики на протяжении последних двадцати пяти лет показало, что теория Л. Теньера заняла в ней заметное место, послужив в качестве отправного пункта и для грамматики зависимостей в ее интерпретативном и порождающем варианте, и для теории валентности, в рамках которой все эти годы продолжают множественные теоретические и практические разыскания. Подход Л. Теньера к синтаксису, безусловно, не лишен оригинальности в осмыслении и синтезировании ряда существовавших и до него представлений».

Второе сделано В.Ю. Копровым, написавшим работу по типологии простого предложения (1999). «Бесспорный приоритет в разработке проблем семантического устройства предложения принадлежит Л. Теньеру. Общий подход автора к типологии предложения за истекшие десятилетия не только не устарел, но, напротив, стал еще актуальнее. Можно сказать, что ученый своей работой как бы задал на многие годы вперед основные направления и приемы типологического и контрастивного изучения языков. В своих изысканиях Л. Теньер использовал доступные ему работы по грамматике русского языка, написанные в 20-е годы русскими лингвистами, особенно разделы, относящиеся к глагольному управлению и разбору предложения по его членам. Не случайно поэтому идеи Л. Теньера были наиболее органично восприняты и развиты в трудах отечественных исследователей — В.Г. Гака, Т.П. Ломтева, Н.Д. Арутюновой и др. Основным вкладом Л. Теньера в науку считается, как известно, разработанная им **теория актантов**. Эта теория дала толчок для разработки модели предложения А.Ж. Греймаса и падежной грамматики Ч. Филлмора».

Отказ от концепций индоевропеизма характеризует не только американскую, но и **советскую лингвистику**. Для этого были причины как языкового, так и неязыкового характера. Первые заключались в том, что на территории молодого Советского Союза, как и на территории Соединенных Штатов, существовало множество разнообразных языков, подавляющее большинство которых не относилось к индоевропейской семье. Многие из них были бесписьменными. В рамках культурного строительства необходимо было решить проблемы создания письменности для этих языков и кодификации для литературных. Прежде всего нужно было составить описания языков, для чего принципы сравнительно-исторического языкознания оказывались явно непригодными.

В результате интенсивной работы отечественных языковедов за период нескольких десятилетий литературные языки получили 50 народов страны. В этой сложной и трудоемкой работе участвовали известнейшие лингвисты. Так, исследованиями в области тюркских языков занимался **Евгений Дмитриевич Поливанов** (1890—1937) — ученик Бодуэна де Куртенэ и Щербы, лингвист-теоретик с большим запасом знаний в области японистики, китаистики и тюркологии, хорошо знакомый с достижениями западноевропейской, дальневосточной и арабской науки о языке. Его основные работы — *Лекции по введению в языкознание и общей фонетике* (1928), *Введение в языкознание для востоковедческих вузов* (1928), *За марксистское языкознание* (1931). Особое значение имеют его работы в области фонологии. Он впервые в мировой науке описал фонетику японских диалектов, подготовил очерк японской фонологии.

Проблемами арабистики занимались **Игнатий Юлианович Крачковский** (1882—1951) и **Николай Владимирович Юшманов** (1896—1946). Основателем советского финно-угроведения был **Дмитрий Владимирович Бубрих** (1890—1949). Специалистом по балтийским языкам был **Ян Эндзелин** (1873—1961).

Николай Феофанович Яковлев (1892—1974) был специалистом по кавказским языкам, особенно в области фонологии. Он возглавлял комиссию Всесоюзного центрального комитета нового алфавита. Большую известность получила его статья *Математическая формула построения алфавита* (1938 г.).

Сергей Петрович Обнорский (1888—1962), ученик Шахматова, был инициатором создания в Москве Института русского языка в 1944 г.

Большое внимание уделялось проблемам соотношения языка и общества. В этом плане известна работа **Розалии Осиповны Шор** (1894—1939) *Язык и общество* (1926). Она же подготовила материалы одного из первых советских учебников по введению в языкознание. Работа была завершена и издана в 1945 г. **Николаем Сергеевичем Чемодановым** (1903—1989), ставшим соавтором учебника. Социолингвистике посвящены работы **Бориса Александровича Ларина** (1893—1964) *Очерки по языку* (1932), **Виктора Максимовича Жирмунского** (1891—1971) *Национальный язык и социальные диалекты* (1936) и ряд других.

Помимо собственно языковых причин отказа от достижений сравнительно-исторического языкознания ситуация в немалой степени осложнялась идеологическими установками: вся западноевропейская наука была объявлена «буржуазной», «идеалистической», несовместимой с принципами «пролетарской», «материалистической» науки. Поэтому в Советском Союзе не только разрабатывается методика полевого описания языков, но и создается теоретическая база «марксистского» языкознания, так называемое **новое учение о языке**.

Основателем «нового учения» был **Николай Яковлевич Марр** (1864—1934), возглавивший работу по пересмотру теоретических основ языкознания и по изучению и описанию неиндоевропейских языков народов СССР.

Марр окончил факультет восточных языков Петербургского университета, где изучал грузинский, армянский, семитские и кавказские языки. С 1901 г. он стал профессором Петербургского университета, а с 1912 г. — членом Академии наук. Естественно, что в период обучения Марр познакомился с идеями В. фон Гумбольдта, А. Шлейхера, Г. Шу-

хардта и младограмматиков. Свою научную деятельность он начинал как компаративист, положив начало сравнительно-историческому изучению картвельских языков. Таким образом, он признавал достижения индоевропеистики, но позднее пришел к выводу, что они относятся к прошлому. На современном же этапе «буржуазное» языкознание зашло в тупик, прежде всего потому, что занималось изучением никогда не существовавшего праязыка. Именно на базе индоевропейского языкознания возникли теории расового неравенства народов и разной степени ценности языков.

В 1924 г. Марр выступил с «новым учением о языке», суть которого сводится к ряду основных положений. Прежде всего он обратил внимание на влияние кавказских языков на армянский, т.е. индоевропейский язык. Этот кавказский субстрат он назвал яфетическим и пришел к выводу о том, что изучение яфетических (кавказских) языков может дать материал для понимания не только процессов в различных языковых семьях, имевших контакты с кавказскими языками, но и процесса развития человеческого языка в целом.

По словам Марра, его яфетическая теория «в области лингвистики делает то же самое, что материализм сделал в области философии и социологии: она ставит лингвистику с идеалистической головы на материалистические ноги».

В процессе развития человеческого языка, по мнению Марра, основную роль играло скрещивание отдельных языков. Именно в процессе схождения, скрещивания и смешения первоначально разнородных языков возникает их родство. Таким образом, общее направления языкового развития представляет собой переход не от единства к множеству, а от множества к единству. Марр приходит к выводу, что яфетические языки — это особая стадия в развитии всех языков мира. На основании этого он стал искать яфетические элементы во всех языках.

В качестве основы своего учения Марр выдвинул идею о непосредственной связи языка не только с мышлением народа, но «и его общественным строем и хозяйством». В этом плане язык «есть надстроечная категория на базе производства и производственных отношений, предполагающих наличие трудового коллектива». А поскольку всякая идеологическая надстройка имеет классовую сущность, то и язык тоже является классовым.

По мнению Марра, до возникновения звукового языка существовал язык жестов (ручной язык), а звуковой язык появился уже в классовом обществе, в среде магов, выполняя сначала магические функции.

Развитие языка, как и развитие общества, проходит через определенные **стадии**. «Так называемые семьи языков... представляют различные системы, отвечающие различным типам хозяйства и общественности, и в процессе смены одной культуры другой одна система языков преобразалась в другую». Таким образом, учение о **стадиальности** развития языка связывает переход общества из одной формации в другую с обязательным переходом языка из одной стадии в другую. При этом переходе происходит коренное изменение одной структуры языка, в результате чего появляется новая, качественно отличная языковая система, в которой сохраняются элементы старой. Соответствие типа языка типу общественной формации заключается в том, что языки изолирующего строя являются отражением первобытной формации, агглютинирующего строя — родовой организации общества, а флективные языки — формации классового общества. Итогом языкового развития должен стать единый язык человечества, как считал Марр, язык коммунистического общества.

В связи с этим Марр считал, что развитие всех языков происходит по «единому» плану, или, в его терминологии, мы имеем дело с единым **глоттогоническим процессом**, поскольку в развитии языков и в развитии общества наблюдаются одни и те же закономерности.

В качестве метода лингвистического исследования Марр предлагает **четырёхэлементный анализ**. Этот метод основан на том, что все языки мира ведут свое происхождение от четырех первоначальных элементов: *сал*, *бен*, *йон*, *рош*, которые можно найти во

всех современных языках. Очевидно, что Марр пренебрегал фонетическими законами и морфологическими различиями языков и пытался найти доказательства стадильных изменений в семантике слов.

У «нового учения» были и сторонники, и противники, критиковавшие его основные постулаты (Е.Д. Поливанов и другие). Однако в 1920—1940 гг. оно было объявлено «единственно правильным», и отказ от него означал либо добровольный, либо принудительный уход из официальной науки. Правда, были и такие случаи, когда внешне сохранялась «верность заветам» Марра, а на самом деле исследователь не был достаточно догматичным, чтобы в точности следовать установленным постулатам. Примером такого исследователя был И.И. Мещанинов.

Академик **Иван Иванович Мещанинов** (1883—1967) — один из учеников Н.Я. Марра, директор Института языка и мышления им. Н.Я. Марра, — занимался сравнительно-типологическим изучением грамматических форм в разносистемных языках. Его идеи изложены в работах: *Новое учение о языке. Стадильная типология* (1936), *Общее языкознание. К проблеме стадильности в развитии слова и предложения* (1940), *Члены предложения и части речи* (1945), *Глагол* (1949). Работа 1940 г. с рядом дополнений вошла в книгу *Проблемы развития языка* (1975).

На базе идеи Марра о единстве глоттогонического процесса Мещанинов разработал теорию стадильного развития синтаксиса. Сущность теории заключается в том, что в своем развитии синтаксическая структура предложения проходит ряд стадий, различающихся способом грамматического оформления подлежащего. При этом отмечается, что не следует считать наличие той или иной конструкции в языке обязательным свидетельством его принадлежности к соответствующей стадии развития, поскольку, будучи разновременными по происхождению, разные конструкции могут сосуществовать в одном языке одновременно, образуя одно целое, единую систему.

Инкорпорация характеризуется тем, что комплекс «формально представляет собой слово, но по содержанию является предложением. Это — словопредложение». Если буквально перевести такие комплексы на русский язык (что мы и будем делать в дальнейшем, чтобы избежать обращения к совершенно незнакомым языкам), то получатся «словосочетания» типа *человеко-олене-видение* («человек увидел оленя») или *волко-олене-убивание* («волк убил оленя»). Однако элементы *волк*, *олень*, *человек*, *увидеть* в подобных языках никогда отдельно не употребляются: приведенные комплексы не являются ни существительными, ни глаголами, так как по содержанию они выражают «и то и другое, не будучи в то же время ни одним из них... Имеется одно целое, разлагаемое на составные части по нормам особой типологии». Иными словами, здесь еще нет ни подлежащего, ни сказуемого, ни имени, ни глагола.

Специфика **посессивных** конструкций заключается в том, что мы имеем дело опять-таки не с привычным нам предложением, а со своеобразной именной группой, в которой указывается, что обозначаемое в ней действие «принадлежит определенному лицу, которое воспринимается не как действующее лицо, а как то, которому принадлежит указанное в предикате действие... : *ада-м ула* «отца дом его» (= дом отца); *ада-м суну* «отца взятие его» (= отец берет). При этом в обоих случаях возможно использование формальных показателей времени.

В конструкциях **эргативного** строя уже не только различаются имя и глагол, но типы глаголов и формы имени. Форма имени-подлежащего определяется типом глагола: подлежащее при непереходном глаголе имеет форму общего падежа, а при переходном глаголе — форму **эргативного** падежа, тогда как дополнение употребляется в форме общего (абсолютного) падежа. Ср., например:

Камень (абс.) *лежит*,

Мальчик (абс.) *лежит*,

Мальчик (абс.) *бежит*,

Мальчи́ком (эрг.) *брошен камень* (абс.).

В конструкциях **аффективного** строя подлежащее не является действующим лицом. «Ему не принадлежит действие и не через него оно совершается. Наоборот, субъект воспринимает на себя действие, совершаемое независимо от него. Он ощущает на себе результаты того, что происходит вне его активной воли». Ср., например:

Отцу любим сын («Отец любит сына»).

И, наконец, в предложениях **номинативного** строя подлежащее имеет единственную форму — именительного падежа, независимо от его семантики:

Я убил волка; Волк убит мною; Я иду; Я болею.

Форма именительного падежа выступает как средоточие всех возможных предикатов, согласуемых с ним. Это грамматически главенствующий член предложения, даже тогда, когда он обозначает предмет, претерпевающий действие.

Таковы основные идеи концепции Мещанинова. Как видим, Мещанинов мог позволить себе определенные отступления от постулатов своего учителя. Возможно, имело значение и положение, которое он занимал. Что же касается рядовых ученых, то нападки на них по поводу их «отступничества» продолжались еще долгое время. И это положение сохранялось до 1950 г., когда профессор Тбилисского университета **Арнольд Степанович Чикобава** (1898—1985) опубликовал в газете *Правда* статью, обвинявшую Марра в «вульгаризации марксизма» в идее классового характера языка, его стадийного развития, четырехэлементного анализа. Завязалась оживленная дискуссия, в которой приняли участие обе заинтересованные стороны. Однако после публикации статьи И.В. Сталина *Относительно марксизма в языкознании* дискуссия прекратилась.

Вскоре появилось «классическое произведение творческого марксизма — труд И.В. Сталина *Марксизм и вопросы языкознания*», который совершил «коренной переворот в развитии советской науки о языке». Работа Сталина стала настольной книгой для лингвистов: не появлялось ни одной публикации по лингвистике (и не только по лингвистике) без ссылок на эту работу. Сравнительно-историческое языкознание было «реабилитировано, но многие вопросы, рассматривавшиеся Марром, оказались «ошибочными» — такие, как проблемы соотношения языка и мышления, типологии языков, семантики, социолингвистики и ряд других.

Таким образом, из одной крайности отечественная лингвистика попала в другую. Однако не следует полагать, что никаких серьезных исследований не проводилось. Прежде всего была проведена большая организационная работа. Так, в 1930 г. был создан Институт востоковедения; в 1938 г. в составе АН СССР было организовано отделение языка и литературы, в состав которого входил и Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра; в 1944 г. — Институт русского языка; в 1947 г. — Институт славяноведения и балканистики. В 1950 г. — на базе Института языка и мышления и Института русского языка создается единый Институт языкознания.

В рамках Московской лингвистической школы создается Московская фонологическая школа, к которой принадлежали **Рубен Иванович Аванесов** (1902-1982), **Петр Саввич Кузнецов** (1899-1968), **Александр Александрович Реформатский** (1900—1978), **Владимир Николаевич Сидоров** (1903—1968), **Алексей Михайлович Сухотин** (1888-1942).

Идеи Казанской школы нашли продолжение в Ленинградской фонологической школе, основоположником которой был Л.В. Щерба и куда входили его ученики: **Сергей Игнатьевич Бернштейн** (1892—1970), **Лев Рафаилович Зиндер** (1910—1985), **Маргарита Ивановна Матусевич** (1895—1979).

Свободное развитие советского языкознания, его «воссоединение» с мировой наукой начинается с конца 1950-х гг. Большую роль в этом процессе сыграл профессор МГУ **Владимир Андреевич Звегинцев** (1910—1988), организовавший издание цикла сборников *Новое в лингвистике*, первый выпуск которого вышел в свет в 1960 г. (с 1978 г. — *Новое в зарубежной лингвистике*).

Традиции Московской школы успешно продолжали и продолжают уже названные

А.А. Реформатский, В.А. Звегинцев, а также **Юрий Сергеевич Степанов** (р. 1930) и **Юрий Владимирович Рождественский** (1926—1999), которых знают по их общетеоретическим трудам и учебникам по введению в языкознание, общему языкознанию и общей филологии. На этих учебниках воспитывалось не одно поколение студентов, а большинство известных ученых, ныне работающих в области лингвистики, с гордостью называют себя учениками Реформатского, Звегинцева, Степанова и Рождественского.

Тема: Вне школ и направлений. О. Есперсен, Л.В. Щерба, А. Гардинер, К. Бюлер, Е. Курилович, Э. Бенвенист, Р.О. Якобсон

К лингвистам, стоящим **вне каких-либо школ и направлений** первой половины XX в., следует отнести О. Есперсена, Л.В. Щербу, А. Гардинера, К. Бюлера, Е. Куриловича, Э. Бенвениста и Р.О. Якобсона.

Датский лингвист **Йене Отто Харри Есперсен** (1860—1943) — выдающийся авторитет в области английской грамматики, лингвистической теории, истории английского языка, общей фонетики. Его *Фонетика* (1897—1899) долгое время оставалась лучшим изложением основ общей фонетики. Он способствовал реформированию обучения иностранным языкам в Европе, а также явился создателем международного языка «новиньаль».

Есперсен по образованию считается автодидактом, что в лингвистике встречается не так уж часто. Еще в детстве он увлекся работами известного датского лингвиста Рasmus Раска, по грамматикам которого он изучал исландский, итальянский и испанский языки. Свою первую серьезную работу, посвященную фонетическим законам, он опубликовал в 1886 г., за год до получения магистерской степени по французскому языку в Копенгагенском университете. Будучи профессором английского языка Копенгагенского университета (1893—1925 гг.), он возглавлял движение в пользу преподавания иностранных языков на базе разговорной речи, а не изучения грамматик и словарей и создал ряд учебников, которые использовались не только в Дании, но и в других странах. Свои теоретические взгляды на проблемы обучения иностранным языкам он изложил в работе *Как обучать иностранному языку* (1901 г.). Серьезное внимание он уделял процессу овладения языком детьми.

Большая часть работ Есперсена посвящена английскому языку. Главная его работа в этой области — энциклопедический труд *Грамматика современного английского языка* в 7 томах (1909—1949). Работа 1905 г. *Рост и структура английского языка* была переиздана в 1969 г.

Проблема прогресса в языке рассматривалась под влиянием эволюционной теории Дарвина и впервые нашла отражение в работах *Прогресс в языке в специальном применении к английскому языку* (1894) и *Язык: его природа, развитие и происхождение* (1922). Общетеоретические взгляды Есперсена представлены в трудах *Логика языка* (1913) и *Философия грамматики* (1924). Последняя переведена на русский язык в 1958 г. Рассмотрим наиболее общие положения этой работы.

Есперсен отмечает, что явления языка можно рассматривать с двух позиций — описательной и исторической. Обе позиции одинаково важны для исследования. Первая может объяснить многие неправильности, но «объяснение не устраняет их: для говорящих на современном языке они остаются столь же неправильными, как если бы их происхождение не было объяснено. Историческая лингвистика не может сделать ненужной описательную, поскольку историческая лингвистика всегда должна основываться на описании тех этапов в развитии языка, которые нам непосредственно доступны».

Различие между грамматикой и лексикой автор видит в следующем: первая имеет дело с общими фактами языка, а вторая — с единичными.

При изучении языка «можно начинать либо извне, либо изнутри. В первой части (Ф → З) мы исходим из формы как данной величины, а затем устанавливаем ее значение,

или функцию; во второй ($\exists \rightarrow \Phi$), наоборот, мы исходим из значения, или функции, и устанавливаем, как они выражаются в форме». Однако в любом случае исследователь всегда должен помнить о том, что «форма и функция в жизни языка неотделимы; и когда языковедческая наука говорила об одной из сторон, игнорируя другую, и таким образом, упускала из вида их постоянную взаимосвязь, — это наносило ей ущерб». Поэтому задача лингвиста заключается в том, чтобы постоянно держать в поле зрения обе стороны: звучание и значение. Автор добавляет, что указанные две точки зрения в действительности отражают позиции говорящего и слушающего.

Позиция Есперсена в отношении значений, точнее — грамматических значений, или категорий, напоминает позицию Блумфилда. Он считает, что грамматические понятия и категории можно установить, «не выходя ни на мгновение за пределы грамматики. Однако как только мы задаем вопрос, что эти понятия и категории отображают, мы сейчас же из области языка попадаем в область внешнего мира или в область мышления». При этом соответствия между «внешними» и грамматическими категориями никогда не бывают полными: «повсюду мы находим самые странные и неожиданные перекрещивания и взаимопересечения».

Есперсен пытается выяснить, какие категории мышления находят отражение в грамматических категориях и в какой степени они соответствуют друг другу или расходятся друг с другом. В этом плане интересен анализ грамматической категории времени (*tense*) и ее взаимоотношения с категорией реального времени (*time*).

Помимо грамматических категорий, определяемых структурой того или иного языка, можно обнаружить еще и внеязыковые категории, которые от языка не зависят. «Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в языках ясным и недвусмысленным образом. Некоторые из них относятся к таким фактам внешнего мира, как пол, другие — к умственной деятельности или к логике. За отсутствием лучшего термина я буду называть эти категории понятийными категориями. Задача грамматиста состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае разобраться в соотношении, существующем между понятийной и синтаксической категориями». Таким образом, любой анализ грамматических явлений предполагает тройное подразделение, три ступени, или троякий подход: (А) форма, (Б) функция и (В) понятие. При этом грамматика должна устанавливать факты, а не пожелания.

Проводя различие между подлежащим и сказуемым, Есперсен показывает, что первое обычно обозначает нечто данное, известное, тогда как второе — нечто новое, сообщающее о подлежащем. Однако в сказуемом не обязательно содержится новое, но оно «всегда заключается в связи подлежащего и сказуемого, т.е. в самом факте соединения этих двух компонентов».

И еще один момент концепции Есперсена — это его теория трех рангов подчинения, которая дополняет традиционную классификацию слов по частям речи. Согласно этой теории, следует различать слова первичные (абсолютно определяемые); слова вторичные (**адьюнкты**), определяющие слова первого ранга; и слова третичные (**субьюнкты**), определяющие слова второго ранга. К первым относятся существительные, ко вторым — прилагательные и глаголы, различие между которыми проявляется в характере их связи с существительными, а к третьим — наречия.

Характеризовать академика **Льва Владимировича Щербу** (1880—1944), известного российского ученого, непосредственного ученика И.А. Бодуэна де Куртенэ, как стоящего вне школ и направлений было бы несколько некорректно, однако, по словам В.А. Звегинцева, он был настолько самобытным, что относить его к Казанской школе можно только условно.

Л.В. Щерба преподавал в Ленинградском, затем в Московском университете, с 1943 г. — академик.

К его основным исследовательским интересам относятся фонетика и фонология. Он был виднейшим специалистом в области экспериментальной фонетики. Кроме того,

он занимался разнообразными проблемами общего языкознания — морфологии и лексики, взаимоотношения грамматических и лексических категорий, словообразования, синтаксиса, лексикографии, французского языка, а также методики преподавания иностранных языков. В этом плане следует отметить, что Щерба был блестящим методистом, поскольку одновременно являлся выдающимся лингвистом. К сожалению, по нашим наблюдениям, подавляющее большинство современных преподавателей методики имеют смутное представление о лингвистике, в лучшем случае знают о ней понаслышке.

В статье *О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании* (1931 г.) Щерба выделяет, как это и следует из заглавия, три следующих аспекта языка:

- 1) **речевую деятельность** — «процессы говорения и понимания»;
- 2) **языковую систему** — «создаваемые в результате умозаключений словарь и грамматику языка»;
- 3) **языковой материал** — «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы».

Следует сразу же отметить, что, рассуждая о «процессах говорения и понимания», автор имеет в виду «**индивидуальный** речевой процесс, обусловленный психофизической организацией индивида, хотя и тот и другой являются социальным продуктом». Таким образом, речевая деятельность, по Щербе, представляет собой индивидуальное проявление языковой системы. «В идеале» речевая деятельность может совпадать с языковой системой, но «на практике организации отдельных индивидов могут чем-либо да отличаться от нее и друг от друга». Языковая же система выводится из языкового материала, «это есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах», возникающих под влиянием этого языкового материала. Следовательно, в языковом материале «и надо искать источник единства языка внутри данной общественной группы».

В этой же работе говорится о важности эксперимента при изучении живых языков: «только с его помощью мы можем действительно надеяться подойти в будущем к созданию вполне адекватных действительности грамматики и словаря».

В статье *О частях речи в русском языке* (1928) Щерба проводит различие между лексикой и грамматикой. Первая «представляет собой систему слов, из которых по правилам грамматики и самой лексики строится наша речь». Вторая «представляет собою репертуар средств, посредством которых... по определенным правилам выражаются отношения между самостоятельными предметами мыслей и... образуются новые слова».

В книге *Фонетика французского языка* (1937) дается определение фонемы как звукового типа, который способен дифференцировать слова и их формы. В речи фонема реализуется в виде **оттенков фонемы** — реально произносимых звуков.

В синтаксисе основным понятием для Щербы является не предложение, а **синтагма** — «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять из слова, словосочетания и даже группы словосочетаний». Объединение синтагм образует **фразу**, представляющую собой «законченное целое, которое может состоять из группы синтагм, но может состоять и из одной синтагмы, и которое нормально характеризуется конечным понижением тона». Независимо от внутреннего членения все синтагмы разделяются на два основных типа: **одночленные** (*Пожар; Это безобразие; Он пошел в театр; Я приехал домой, когда уже было темно*) и **двучленные** (*Ленинград — большой город; Наш милейший дядюшка был большой чудак*).

Большой интерес представляет незаконченная работа *Очередные проблемы языковедения*, в которой даны наброски по разнообразным общетеоретическим вопросам языкознания. Так, рассматривая проблему двуязычия, Щерба различает чистое и смешанное двуязычие. При этом отмечается, что нормальным случаем, более интересным для лингвиста, является второй, так как при смешанном двуязычии вновь усваиваемый язык всегда претерпевает то или другое влияние первого языка.

Обращаясь к определению слова, он задается вопросом, а что такое «слово», полагая, что в разных языках оно будет объясняться по-разному. Таким образом, понятия «слово вообще», считает он, не существует.

Большую важность для теоретических исследований, по мнению Щербы, представляет изучение трех типов языков: 1) языки племен, стоящих на низком уровне развития (при этом следует «разбить предрассудок, будто языки примитивных племен структурно являются сравнительно простыми»); 2) языки жестов; 3) языки «всевозможных афатиков».

Щерба предлагает различать активный и пассивный синтаксис. Предметом изучения пассивного синтаксиса является синтаксическое значение форм слов, синтаксические выразительные средства языка — порядок слов, сочетания слов, фразовое ударение и фразовая интонация. В активном синтаксисе «рассматриваются вопросы о том, как выражается та или иная мысль. Например, какими языковыми средствами выражается предикативность вообще? Как выражается описание того или иного куска действительности? Как выражается логическое суждение с его S и P? Как выражается независимость действия от воли какого-либо лица действующего?.. Активный аспект синтаксиса самый неразработанный в грамматике любых языков».

Алана Гардинера и Карла Бюлера иногда считают структуралистами. Очевидно, это связано с тем, что оба исследователя в своих работах проводят различие между языком и речью. Однако, как уже отмечалось, после Соссюра не было ни одного лингвиста, который не признавал бы этого различия, но нельзя считать исследователя структуралистом на основании только одного этого признания.

Алан Гардинер (1879—1963), известный английский египтолог, опубликовавший по теории языка две работы: *Теория речи и языка* (1932) и *Теория имен собственных* (1940 г.). Вторая работа имеет больше философскую направленность, а первая посвящена собственно лингвистическим вопросам. В ней Гардинер рассматривает различие между языком и речью, отмечая, что они образуют основную дихотомию в грамматических явлениях. «Фердинанду де Соссюру принадлежит заслуга в привлечении внимания к различию между "речью" и "языком", различию настолько важному по своим последствиям, что, по моему мнению, оно рано или поздно станет неизбежной основой всякого научного рассмотрения грамматики». Это основное различие Гардинер интерпретирует следующим образом: «Язык представляет собой основной капитал лингвистического материала, которым владеет каждый, когда осуществляет деятельность речи... Речь... есть кратковременная, исторически неповторимая деятельность, использующая слова. Речь имеет место, когда человек делает замечание или записывает предложение. Акт неповторим, закончен в себе, происходит только однажды и в силу этого диаметрально противоположен любому языку, любому собранию лингвистического материала», Гардинер считает, что в своем конкретном смысле слово *речь* эквивалентно слову *текст*, т.е. оно обозначает «все, что написано или сказано».

Под языком следует понимать все то, «что является традиционным и органическим в словах и сочетаниях слов», а под речью — все то в них, «что обуславливается конкретными условиями и соответствует "значению" или "намерению" говорящего».

Язык функционирует в речи, и именно «для этой цели он и существует». Различие между языком и речью заключается в том, что «терминами языка и грамматики, относящимися к фактам "языка", являются такие, которые имеют дело с постоянным строением слов, и соответственно терминами "речи" являются такие, которые относятся ad hoc к функциям слов, обусловленным причудой каждого говорящего в отдельности».

Итак, языку принадлежит все, что является достоянием миллионов людей, а речь — это индивидуальное творение каждого говорящего. В связи с этим Гардинер полагает, что основной единицей языка является слово, тогда как **предложение** — это единица речи: предложение *Дождь!* — это факт индивидуального, речевого употребления слова *дождь*, которое принадлежит миллионам говорящих. «Предложение управляется намерением как

в количественном, так и в качественном отношении, и если возникает необходимость в его количественном определении, то можно принять следующее: предложение — это высказывание настолько длинное по коммуникации, насколько это входит в намерение говорящего, прежде чем он сделает паузу».

Немецкого психолога, уделявшего большое внимание изучению языка, **Карла Бюлера** (1879—1963) тоже никак нельзя назвать структуралистом. Скорее это предшественник психолингвистов. Как отмечают Т.В. Булыгина и А.А. Леонтьев, авторы вступительной статьи к переводу работы Бюлера, «книги Бюлера, как и многие работы его коллег по Вюрцбургской школе, представляют интерес как попытка синтеза психологии и лингвистики в единую науку, которая через двадцать лет получит название "психолингвистики"».

Бюлер принимал участие в работе Пражского лингвистического кружка и опубликовал в его *Трудах* ряд статей. Его основная работа, посвященная проблемам языка, — *Теория языка* (1934).

В статье *Критическое рассмотрение новых теорий предложения* (1920) Бюлер впервые говорит о том, что человеческий язык имеет три функции — извещение, побуждение и сообщение. В *Теории языка* он уточняет терминологию и использует названия **выражение, обращение и сообщение**. Каждая из этих функций имеет в языке свои средства выражения. Н.С. Трубецкой писал: «Большая заслуга Карла Бюлера состоит в том, что он в правильном свете представил этот, очевидно, простой и тем не менее столь долго остававшийся незамеченным факт». Т.В. Булыгина и А.А. Леонтьев определяют концепцию трех функций языка как «наиболее популярный в мировой науке компонент теории языка Бюлера». Эта идея получила развитие в работе Р. Якобсона *Лингвистика и поэтика* (1960).

Специфика языковой системы заключается в наличии в ней двух коррелятивных классов единиц: слов и предложений. Этим человеческий, «двухклассный» язык отличается от искусственных, «од-ноклассных» знаковых систем.

Бюлер ввел понятие поля в лингвистику, считая, что оно «станет для лингвистов столь же необходимым, как и для нас, психологов». При этом важно, что он предложил различать в языке два поля — **символическое**, в которое входят ситуационно независимые полнозначные, «назывные» слова, и **поле указания**, объединяющее дейктические слова. Последние разделяются на указатели лица («я» и «ты») и указатели ситуации («здесь», «сейчас», «это»). Эти два поля представляют собой «два источника, питающих в каждом конкретном случае точную интерпретацию языковых высказываний».

Е. Курилович, Р. Якобсон и Э. Бенвенист известны не только и не столько по монографиям, сколько по их многочисленным статьям, касающимся разнообразных проблем теоретической лингвистики.

Ежи Курилович (1895—1978) — выдающийся польский лингвист, профессор Краковского университета — индоевропеист и специалист в области общего языкознания. Он не принадлежит ни к какой школе, но по своим взглядам занимает некое промежуточное положение между представителями Пражского кружка и глоссематики. Он автор ряда монографий: *Индоевропейские этюды* (1935), *Апфония в индоевропейских языках* (1956), *Акцентуация индоевропейских языков* (1958). Статьи Куриловича по вопросам общего характера изданы в сборнике *Лингвистические этюды* (1960), который вышел в России под названием *Очерки по лингвистике* (1962). При этом редактор отмечает, что рассмотреть во вступительной статье всю совокупность проблем, которых автор касается в своих статьях, оказывается затруднительным: «Для этого понадобилась бы работа по объему не меньшая, чем сама его книга». В связи с этим мы остановимся лишь на некоторых из обсуждаемых Куриловичем проблем.

В статье *Основные структуры языка: словосочетание и предложение* он определяет различие между этими единицами следующим образом: «Предложением в грамматическом смысле термина является двучленный комплекс, сущность которого состоит в про-

тивопоставлении сказуемого подлежащему или, в более сложных случаях, в противопоставлении группы сказуемого группе подлежащего. В словосочетании имеет место детерминация (определение), которую можно назвать атрибутивным (в широком значении этого термина) отношением в противоположность предикативному отношению, характеризующему предложение».

Выступая в составе предложения, словосочетание выполняет в нем функцию того или иного синтаксического члена. Эта функция «выполняется его определяемым (конституирующим) членом независимо от того, каким членом — определяющим или определяемым — является это словосочетание внутри большого предложения».

Курилович считает, что подчинительные союзы по своему статусу ближе к предложениям, а не к сочинительным союзам. «Связь между придаточным предложением и союзом напоминает связь между словосочетанием (существительное+прилагательное) и предложением, который им управляет». Подчинительный союз вступает в связь прежде всего со сказуемым придаточного предложения, вызывая в нем определенные формальные изменения (форм времени, наклонения, и/или позиции глагола). Таким образом, внешние связи предложения представлены в сказуемом, которое является определяющим членом по отношению к подлежащему. Внешние связи словосочетания представлены определяемым членом.

В статье *Проблема классификации падежей* рассматривается вопрос о первичных и вторичных функциях падежей. Так, для аккузатива первичной функцией является роль прямого дополнения, другие же его функции (аккузатив цели, протяженности, цены и т.п.) являются вторичными. Употребление формы аккузатива во вторичной функции «всегда сопровождается **ограничением** условий, в которых выступает падежная форма». Используя терминологию Бюлера, Курилович отмечает, что первичная функция «обусловлена в системе», тогда как вторичная «обусловлена в поле».

В индоевропейских языках падежная система представлена тремя основными падежами: именительным, винительным и родительным. К вопросу о вторичных функциях Курилович возвращается в статье *Деривация лексическая и деривация синтаксическая*, где указывается, что первичная функция слова определяется его лексическим значением, а всякое вторичное употребление является «с формальной точки зрения **мотивированным** и отмеченным употреблением».

В статьях *Понятие изоморфизма* и *Лингвистика и теория знака* проводится аналогия между структурой предложения и структурой слога: подлежащее предложения уподобляется начальной группе согласных слога, сказуемое — гласной, обстоятельство — конечной группе согласных.

Содержание любого языкового элемента «обусловлено сферой употребления, а не наоборот».

Согласно постулатам логики, понятие рассматривается как нечто существующее до суждений, а следовательно, и предложения строятся просто из слов. «Однако, — замечает Курилович, — тот факт, что семантические классы определяются синтаксическими функциями, и теорема о том, что сокращенные структуры основаны на полных, говорят в пользу обратной точки зрения».

Формулируя закон «Чем уже сфера употребления, тем богаче содержание (смысл) понятия; чем шире употребление, тем беднее содержание понятия», Курилович подчеркивает роль **социального** фактора, «который с первого взгляда кажется внешним по отношению к системе языка, в действительности органически связан с ней. Расширение употребления знака внутри системы является лишь отражением расширения его употребления в языковом коллективе. Это отношение характеризуется не только динамической стороной, но и статическим аспектом. Сфера употребления знака внутри системы соответствует сфере его употребления в языковом коллективе. Иначе говоря, чем обобщеннее (беднее) содержание знака, тем шире сфера его употребления говорящими; чем специальное (богаче) содержание, тем уже сфера употребления не только внутреннего

(внутри системы), но и внешнего (в языковом коллективе)».

Эмиль Бенвенист (1902—1976), по словам Ю.С. Степанова, не является лидером какого-либо лингвистического кружка или направления. И вместе с тем, а может быть, благодаря этому имя французского лингвиста наилучшим образом представляет современный этап науки о языке — лингвистику 70-х годов прошлого века.

Бенвенист — ученик А. Мейе, который передал ему в 1928 г. свою кафедру в Коллеж-де-Франс. Большинство его книг посвящены индоевропеистике. Главная из них — *Индоевропейское именное словообразование* (1935). Теоретические проблемы языкознания рассматриваются в ряде кратких статей, сборник которых был издан в 1966 г. Ряд статей и публикаций переведены на русский язык и вошли в сборник *Общая лингвистика* (1974).

Вводная статья к сборнику написана Ю.С. Степановым, который, характеризуя метод работы Бенвениста, отмечает, что он обычно выбирает узловое место системы, а затем двигается от него в своем исследовании в разных направлениях. В результате получается описание не «иерархическое», а «радиальное». При этом указываются «три опорных положения лингвистической концепции Бенвениста, а вместе с тем и всего рассматриваемого течения лингвистической мысли: 1) генетический способ работы с материалом и объяснения категорий языка; 2) генетический способ введения и определения теоретических понятий лингвистики; 3) глубокая связь с филологической и лингвистической традицией».

Еще один существенный момент концепции Бенвениста — **антропоцентрический принцип** в лингвистике, который заключается в том, что язык рассматривается как «семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотносены с говорящим индивидом», или, иными словами: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка».

Рассмотрим некоторые из основных положений Бенвениста, представленные в *Общей лингвистике*. Прежде всего автор отмечает, что лингвистика по существу имеет два объекта: с одной стороны, это наука о языке, а с другой — наука о **языках**. «Язык как человеческая способность, как универсальная и неизменная характеристика человека, не то же самое, что отдельные, постоянно изменяющиеся языки, в которых она реализуется».

В развитии лингвистики Бенвенист выделяет три этапа: философский (от античности до конца XVIII в.), эволюционный — с начала XIX в. и современный.

Основной функцией языка автор считает символическую: «язык представляет собой наивысшую форму способности, неотъемлемой от самой сущности человека, — способности к *символизации*... Нет естественного и прямого отношения ни между человеком и миром, ни между одним человеком и другим. Необходим посредник — тот символический аппарат, который сделал возможным мышление и язык. За пределами биологической сферы способность к символизации — самая характерная способность человеческого существа».

Что касается образования языкового знака, то Бенвенист не преувеличивает роли произвольности, которая проявляется лишь в процессе наименования, создания «звукового символа реальности и затрагивает отношение этого символа к реальности». Знак же как единство, как целое, как первичный элемент системы «содержит означающее и означаемое, соединение между которыми следует признать *необходимым*, поскольку, существуя друг через друга, они совпадают в одной субстанции».

Отношение между языком, мышлением и действительностью интерпретируется следующим образом: «Язык воспроизводит мир, но подчиняя его при этом своей собственной организации... Передаваемое содержание (или, если угодно, "мысль") расчленяется в соответствии с языковой схемой. "Форма" мысли придается ей структурой языка... Мы видим мир таким, каким его нам оформил сначала наш язык».

Анализируя отношение языковых и логических категорий, начиная с «истоков», от категорий Аристотеля, Бенвенист приходит к выводу, что выведенные Аристотелем логи-

ческие категории оказываются грамматическими, языковыми категориями, специфичными для древнегреческого языка. Таким образом, «под видом таблицы всеобщих и постоянных свойств Аристотель дает нам лишь понятийное отражение одного состояния языка».

Отдельная глава сборника *Общая лингвистика* озаглавлена *Человек в языке*. Мы не будем останавливаться на всех деталях, отметим лишь главное: «Язык устроен таким образом, что позволяет каждому говорящему, когда тот обозначает себя как я, как бы присваивать себе язык целиком», конституируя себя как *субъекта*. Но осознать себя можно только в противопоставлении: «Я могу употребить я только при обращении к кому-то, кто в моем обращении предстанет как ты... Язык без выражения лица невыносим».

Но «присвоить себе язык» может каждый, владеющий этим языком, поэтому естественно, что «нельзя представить себе язык и общество друг без друга... Именно в языке и через язык индивид и общество детерминируют друг друга».

Уточняя соссоровский тезис о том, что языковая система держится на различиях, Бенвенист добавляет: «Язык характеризуется не столько тем, что он выражает, сколько тем, что он различает на всех уровнях... Это и делает язык системой, в которой ничто ничего не значит само по себе и по своему природному свойству, но в которой все имеет значение вследствие зависимости от целого; структура придает частям их "смысл", или их функцию».

Ведущая роль в языке принадлежит его форме, без которой невозможна ни передача мысли, ни ее реализация. Однако при анализе языка не следует ограничиваться лишь анализом формы. Необходимо также «параллельно рассматривать и функцию языка». Понятию функции Бенвенист уделяет особое внимание, поскольку именно она определяет статус того или иного слова в системе языка, а не формальное, морфологическое различие. Так, рассматривая традиционное противопоставление имени и глагола, он показывает, что морфологическое различие между ними оказывается вторичным по отношению к различию синтаксическому. Главная функция глагола — это его обязательное участие в построении законченного утвердительного высказывания, и эта функция «не нуждается в специфически глагольной форме».

Целый ряд работ Бенвениста посвящен анализу индоевропейских социальных терминов. Можно полагать, что именно эти работы послужили основанием для исследования того, что в настоящее время получило наименование «концептов культуры».

Роман Осипович Яковсон (1896— 1982) не похож на таких лингвистов, как Уитни, Есперсен, Блумфилд, Сепир и ряд других, которые системно изложили свои взгляды в одном большом труде. Библиография его работ, многие из которых написаны в соавторстве, составляет 475 названий. Его называли «лингвистом № 1».

Р.О. Яковсон окончил Московский университет. В 1916 г. он стал одним из основателей Общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ). В 1920 г. Р. Яковсон уехал в Чехословакию, где вместе с В. Матезиусом создал Пражский лингвистический кружок и был одним из авторов его *Тезисов*. Кроме того, он принимал участие и в работе Копенгагенского кружка. В 1941 г. он переехал в США, где работал в ведущих университетах.

Результаты научной деятельности Яковсона отражены в многочисленных и разносторонних публикациях, поэтому, вероятно, гораздо проще перечислить те проблемы, по поводу которых он не писал, чем те, которые им освещены. Попробуем отметить лишь самые общие моменты.

Пражский период деятельности Р. Яковсона можно охарактеризовать как структурно-функциональный. Ранее уже отмечалась его работа о шести функциях языка. Правда, Ж. Мунен, который скептически относится ко многим лингвистическим теориям и не забывает влить свою «ложечку дегтя», замечает, что указанные функции объясняют все факты языка только нелингвистам, поскольку они не имеют собственно формальных лингвистических критериев. Это лишь частные случаи употребления языка.

Более бесспорными оказались идеи, связанные со структурой языка. В 1938 г. Jakobson докладывал на Кружке о том, что все фонемы можно свести к ряду комбинаций двоичных дифференциальных признаков. Позднее эта идея получила воплощение в совместной с Г. Фантом и М. Халле работе *Введение в анализ речи: Различительные признаки и их корреляты* (1952 г.). В работе описываются двенадцать пар двоичных признаков, основанных на акустических характеристиках звуков — частоте (высоте), распределению формантов, силе и т.п. Считается, что с помощью этих признаков можно описать фонологическую систему любого языка. При этом вовсе не обязательно, что в характеристике какой-то конкретной системы должны быть использованы все-признаки.

Бинарный принцип был перенесен и на описание грамматических категорий. В разделе о пражском структурализме уже упоминалась работа Jakobsona о русском падеже.

В 1959 г. Jakobson выступил на международном симпозиуме в Эрфурте с докладом *Знак и система языка*, в котором остановился на некоторых положениях де Соссюра. Так, уточняя принцип произвольности знака, Jakobson указывает: «Связь между определенным означающим и определенным означаемым, которую Соссюр называет произвольной, является в действительности заученной и закрепленной обычаем связью по смежности, которая обязательна для всех членов данного языкового коллектива». Что же подлежит «уточнению» или «исправлению»? Обратимся к словам *Курса*: «Слово произвольный... требует пояснения. Оно не должно пониматься в том смысле, что означающее может свободно выбираться говорящим (как мы увидим ниже, человек не властен внести даже малейшее изменение в знак, уже принятый определенным языковым коллективом); мы хотим лишь сказать, что означающее *немотивированно*, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи». Иначе говоря, о произвольности языкового знака Соссюр говорил, имея в виду момент создания знака, наименования, а не употребления уже готового знака.

Сомнение Jakobsona по поводу другого принципа — «линейности означающего» — представляется более оправданным, поскольку уже в фонологии приходится «говорить о двух измерениях, о следовании и одновременности; здесь уместна аналогия с аккордами в музыке».

Говоря о противопоставлении синхронии и диахронии, Jakobson показывает, что не следует отождествлять его с противопоставлением «статика — динамика», поскольку в действительности «синхрония отнюдь не статична: изменения совершаются непрерывно и входят составной частью в синхронию».

Далее, Jakobson считает, что с помощью дистрибутивного анализа можно решать и семантические проблемы языка.

При анализе языковых явлений нельзя исходить лишь из позиции только говорящего или только слушающего; следует обязательно всегда иметь в виду обе позиции.

Тема: Лингвистика второй половины XX в.: от формальной структуры — к семантике. Неогумбольтианство. Этнолингвистика. Порождающая семантика. Падежная грамматика. Типология. Лингвистика универсалий

Структурализм возник как своеобразная реакция на младограмматизм, как результат поиска выхода из тупика. Основным направлением исследований был всесторонний анализ языковой формы. Однако одновременно с этим развивалось и другое направление, правда, гораздо менее массовое, представители которого ставили своей целью исследование внутренней формы языка, его содержательной стороны. Это направление получило наименование этнолингвистики, поскольку изучение языка было тесно связано

с изучением культуры данного народа, или **неогумбольдтианства**, так как в его основе лежат идеи В. фон Гумбольдта.

Известны две разновидности этнолингвистики — европейская и американская. Первая возникла в 1920-х гг. в Германии. Американскую этнолингвистику, которая появилась примерно в это же время, вряд ли можно считать непосредственным продолжением учения Гумбольдта. Она возникла на «своей» почве и имеет своих предшественников.

Европейское неогумбольдтианство называют также «грамматикой, ориентированной на содержание» (*Inhaltsbezogene Grammatik*). Одним из основоположников этого учения является **Лео Вайсгербер**, профессор Боннского университета. Его взгляды и идеи разделяют также **Йост Трир**, **Ханс Глинц** и др.

Концепция Вайсгербера изложена в его четырехтомном труде *О силах немецкого языка* (1949—1950) и представляет собой развитие трех идей Гумбольдта: 1) язык является действующей силой; 2) язык заключает в себе определенное мировоззрение; 3) язык представляет собой внутреннюю форму.

Действующая сила языка проявляется в том, что он является своего рода посредником между действительностью, внешним миром, и человеком, народом, говорящем на данном языке. Именно через посредство языка складываются и формируются представления народа об окружающем мире, происходит его языковое членение и наименование его объектов. Однако результаты такого членения могут оказаться неверными, ошибочными, а поскольку человек в своих действиях идет на поводу у своего языка, то его мышление и поведение могут оказаться также неверными, ошибочными. Л. Вайсгербер приводит следующий пример. В немецком языке существует слово *Unkraut* («сорняк», «сорная трава»), тогда как в действительности среди растений имеются *Hahnefuss* («лютик»), *Gansedistel* («чертополох») и т.п., а никакой такой "Unkraut" нет. "Unkraut" — это не факт действительности, а результат интерпретации этой действительности человеком. То же самое можно сказать и в отношении слов *Obst* («фрукты»), *Gemuese* («овощи»), *Getreide* («злаки»), которые не имеют никакого соответствия в реальной классификации растительного мира. В древневерхненемецком языке «неверно» классифицируется животный мир — все животные подразделяются на две основные группы: домашние животные — *Vieh* и четыре типа диких животных: *Tier* (бегающие), *Vogel* (летающие), *Wurm* (ползающие) и *Fisch* (плавающие).

Таким образом, с помощью языка и при его посредстве человеческое сознание создает более или менее целостную картину мира (*Weltbild*), своеобразное «мировидение», или «мировоззрение», промежуточный мир между действительностью и человеком. А поскольку разные языки «видят» мир по-разному, отдельные картины мира не совпадают друг с другом, что приводит к так называемому лингвистическому агностицизму. Сущность этого заключается в том, что познавательные возможности человека ограничены специфическими свойствами того языка, с помощью которого он создает картину мира. Иными словами, язык не только обуславливает познавательные возможности человека, но в то же время и ограничивает их,

Люди, говорящие на разных языках и создающие различные картины мира, создают и различные культуры, и различные нормы общественного поведения, а также различные типы мышления.

Внутренняя форма языка трактуется как система его понятийных и грамматических категорий. Именно эти категории и представляют собой «ключ» к миропониманию, основу различий в содержании мышления людей, говорящих на разных языках.

С понятием внутренней формы языка связано и понимание роли грамматики в концепции Вайсгербера. Грамматика представляет собой промежуточную ступень в исследовании языка, «неизбежное зло», так как именно на этой стадии возможно рассмотрение языка только как эргона. В отличие от «одномерной» грамматики, исследующей лишь формальную сторону, Вайсгербер считает необходимым совершить переход к

трехмерной науке о языке за счет включения в сферу исследования как языкового содержания, так и языкового воздействия.

С идеей промежуточного мира связано понятие **языкового содержания**. С помощью содержания строится языковая модель, которая в отличие от сосюрговской является не двухкомпонентной, включающей язык и внешний мир, а трехкомпонентной, состоящей из звуковой формы, содержания и действительности (предметов и явлений внешнего мира).

В исследовании языка Вайсгербер различает два аспекта, каждый из которых подразделяется еще на два. Статическое рассмотрение языка, или грамматика, осуществляется с двух сторон: внешней, звуковой, и содержательной, или понятийной. Динамическое рассмотрение языка (собственно лингвистика) также имеет две стороны. С одной стороны, рассматривается роль языка в процессе познания, в процессе обозначения словами всех явлений и предметов действительности. Этот аспект считается ведущим. С другой стороны, рассматривается влияние языка на поступки человека и на жизнь языкового коллектива в целом.

В разделе о философии языка В. фон Гумбольдта мы отмечали, что его последователи часто подменяли диалектические, антиномические идеи Гумбольдта односторонним рассмотрением. Не избежал этого и Вайсгербер. Преувеличивая активную роль языка в процессах мышления и познания, он «забыл» об утверждении Гумбольдта о том, что круг понятий того или иного народа не следует выводить из его словаря.

Американскую этнолингвистику можно рассматривать как вариант неогумбольдтианства. Однако она сложилась независимо от гумбольдтианских традиций. В центре внимания этого направления — проблема «язык и культура», обращение к контрастивному сопоставлению языков американских индейцев с языками «среднеевропейского стандарта».

У истоков направления стоят Ф. Боас, Э. Сепир и ученик последнего **Бенджамин Ли Уорф** (1897—1941). Уорф не был профессиональным лингвистом. Он работал инженером по технике пожарной безопасности в страховой компании, а изучением языков и культуры индейцев занимался в свободное время. Прослушав курс лекций Э. Сепира по индейскому языкознанию в Йельском университете, он сам позднее читал в этом университете лекции. После издания наиболее важных работ Уорфа в 1956 г. тезис о том, что язык определяет восприятие и мышление, стал известен как гипотеза Сепира—Уорфа. В основе гипотезы лежит следующее высказывание Сепира: «Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общего мышления. На самом же деле "реальный мир" в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения».

Основные идеи Б.Л. Уорфа изложены в его статьях *Отношение норм обыденного мышления и поведения к языку* (1939 г.; в русском переводе слово «обыденный», «обычный» — *habitual* — пропущено), *Естественная наука и языкознание: о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление* (1940 г.; в русском переводе — *Наука и языкознание*), *Языки и логика* (1941 г.; в русском переводе — *Лингвистика и логика*).

Расследуя причины возникновения пожаров, Б. Уорф пришел к выводу, что чаще всего эти причины — языковые. Люди неправильно реагировали на разного рода предупреждающие надписи, и в результате их поступки приводили к пожарам. Так, на одном из складов висела табличка: *Пустые бочки из-под бензина*. Естественно, что слово *пустой*

каждый понимает как «не содержащий ничего», а следовательно, и нечто, не представляющее никакой опасности. И люди беззаботно курили вблизи этих бочек и бросали окурки. Они считали, что в этих бочках **нет бензина**, который, как известно, очень хорошо горит (и это **всем понятно**). Однако они могли не понимать, что в этих бочках могут содержаться пары бензина, которые в смеси с воздухом представляют собой **взрывоопасную субстанцию**. Отсюда — и случайные взрывы, ведущие к пожарам. Остальные примеры имеют аналогичный характер.

Итак, язык «подсказывает» человеку определенную норму поведения. Но то же можно обнаружить и в отношении человеческого мышления вообще. Занимаясь языками индейцев, Уорф установил, что они настолько отличаются от известных европейских языков, что различиями между последними можно пренебречь и рассматривать их как языки «среднеевропейского стандарта» (Standard Average European — SAE). В языках SAE имеются неисчисляемые существительные — названия вещества, массы: *вода, снег, растение* и т.п. В языках индейцев таких слов нет, а есть отдельные названия воды в реке, в озере, дождя, названия разных «сортов» снега и т.д. Уорф приходит к выводу, что в этих языках не выражаются такие общие понятия, как «вещество», «масса», «время», а следовательно, нет соответствующих категорий мышления. Поэтому, если бы Ньютон говорил, например, на языке индейцев хопи, он не смог бы написать своей *Механики*.

Таким образом, разные языки не только «видят» мир по-разному, но они по-разному и мыслят об этом мире, т.е. они различаются не только языковыми категориями, но и категориями мышления. В этом и заключается основная идея гипотезы Сепира—Уорфа.

Порождающая семантика возникла в США как реакция на приоритет формального аспекта при анализе языка. Основными представителями этого направления являются **Джеймс Мак-Коли** (р. 1938), автор работы *О месте семантики в грамматике языка* (1968); **Джордж Лакофф** (р. 1941), написавший работу *О порождающей семантике* (1971), и ряд других исследователей.

Сущность порождающей семантики (по аналогии с порождающей грамматикой) заключается в том, что не только формальная структура высказывания может быть представлена в виде дерева. Семантика тоже имеет свою структуру, которую можно также представить в виде дерева НС. При этом следует иметь в виду, что одна и та же мысль может быть выражена разнообразными способами:

Это заставляет меня уйти.

Я вынужден уйти из-за этого.

Это — причина моего ухода.

Подобным же образом можно представить семантическую структуру любого высказывания, точнее — группы синонимических высказываний, например таких, как: *У меня нет уверенности на этот счет; Это не внушает мне уверенности; Это не кажется мне бесспорным; Я не уверен в этом; Вряд ли это так; Это, наверное, не так; Я испытываю сомнения на этот счет; Это вызывает у меня сомнения; Это внушает мне сомнения; Это кажется мне сомнительным; Я сомневаюсь в этом.*

Следовательно, запоминание **мысли** не требует запоминания **слов**. Нужно лишь правильно изобразить семантическую структуру высказывания, а затем заменить элементарные смыслы и их комбинации словами конкретного языка. Таким образом, задача порождающей семантики заключается в выявлении элементарных смыслов и построении семантического языка — языка мысли.

Слово **не является элементарной семантической единицей**. Как известно, эта мысль, высказанная еще Томасом Гоббсом, была разработана в глоссематике, где был предложен оппозитивный метод выявления элементарных семантических единиц. Представители порождающей семантики понимали семантический язык как язык мысли, язык элементарных **смыслов**. Для обозначения этих смыслов предлагалось использовать простые слова типа *сам, кто-то, что-то, быть, иметь* и т.п. Кроме того, в состав семантической

структуры слова могли входить так называемые **операторы** типа *начинать, переставать, каузировать*. Семантическая структура слова интерпретировалась следующим образом:

владеть, обладать = «иметь»;

брать = «каузировать себя иметь»;

давать = «каузировать кого-то иметь»;

приобретать = «начинать иметь»;

утрачивать, терять = «переставать иметь»;

лишать = «каузировать кого-то переставать иметь».

Сложность интерпретации семантической структуры слов должна была компенсироваться тем, что аналогичным образом предполагалось описывать значения слов **любого языка**. Место двуязычных словарей должны были занять, например, русско-семантический и семантически-русский словарь, англо-семантический и семантически-английский и т.д. (Подобную мысль в свое время высказывал Исаак Ньютон.)

Идея представлялась достаточно простой, однако при ее реализации возник ряд трудностей. Во-первых, сам метод описания оказался недостаточно гибким и нуждался в постоянной переработке выведенных правил. Во-вторых, по нашему убеждению, идея оказалась трудно реализуемой вследствие того, что «чистую» семантику выявить достаточно сложно. Обозначения элементарных смыслов неизбежно требуют использования слов какого-то конкретного языка, которые далеко не свободны от всякого рода побочных смыслов и коннотаций, как бы исследователь ни старался их «очистить». В любом случае приходится иметь дело не с «чистой» семантикой, а «пропущенной через язык», имеющей свою специфическую внутреннюю форму. Поэтому говорить об универсальных смыслах оказывается весьма затруднительным — как и об универсальных фонемах.

Интенсивные исследования в области семантики в отечественной лингвистике связаны с **Московской семантической школой**, созданной в рамках Лаборатории машинного перевода МГПИИЯ в 1960-е гг. В ее состав входили **Юрий Дереникович Апресян** (р. 1930), **Игорь Александрович Мельчук** (р. 1932), **Александр Константинович Жолковский** (р. 1937), **Юрий Семенович Мартемьянов** (р. 1930), **Зоя Михайловна Шаляпина** (р. 1946). и ряд других.

Падежная грамматика представляет собой своего рода семантический вариант трансформационной грамматики. Это одно из немногих направлений американской лингвистики, которое открыто признает свою преемственность в отношении европейского языкознания. **Чарлз Филлмор** (р. 1929) в своей работе *Дело о падеже* (1967) отмечает, что его концепция «согласуется с идеями Л. Теньера».

Один из первых вопросов падежной грамматики — интерпретация понятия «падеж». Известно, что со времен античности падеж рассматривался как категория морфологическая. По словам Джона Лайонза, в античной грамматике падеж считался самой важной из словоизменительных категорий существительного, подобно тому как время считалось самой важной словоизменительной категорией глагола. Однако при сопоставлении языков выяснилось, что, с одной стороны, падежные системы разных языков не одинаковы по своему количественному составу, а во-вторых, даже одноименные падежи в разных языках нельзя поставить в прямое, однозначное соответствие друг с другом.

Кроме того, оказалось весьма затруднительным обнаружить **общее значение** того или иного падежа. Так, еще А.А. Потемня отмечал, что в русском языке, с точки зрения семантики, существует не один творительный падеж, а «несколько падежей, обозначаемых именем творительного», значения которых невозможно свести к «общему знаменателю», — ср.: *Пишу пером, создано человеком, летит стрелой, шел лесом* и т.п.

К этому следует добавить также параллелизм значений падежей и предлогов и зависимость падежных форм от определенных предлогов.

По мнению Филлмора, при интерпретации термина *падеж* следует учитывать различия между поверхностными и глубинными структурами. Рассмотрение падежа с позиции поверхностной структуры должно быть признано неправильным, тогда как система

глубинных падежей должна быть пригодна для любого языка. Падежи традиционной грамматики предлагается рассматривать как результат морфологической реализации глубинного падежа. При этом один и тот же глубинный падеж может получить разные воплощения в поверхностной структуре, и наоборот.

Таким образом, Филлмор предлагает построить такую теорию глубинных падежей, в рамках которой можно было бы объяснить, почему, с одной стороны, одни и те же функции могут выполняться разными поверхностными падежами, а с другой — один и тот же поверхностный падеж может быть использован для выражения разных значений.

Естественно, что глагол (как и у Теньера), его способность сочетаться с определенными семантическими падежами, приобретает в концепции Филлмора ведущую роль. По мнению У. Чейфа, глагол становится ключевым элементом, открывающим процесс порождения высказывания, смысл которого предопределяется принадлежностью глагола к тому или иному семантическому классу.

Одним из самых сложных вопросов падежной грамматики является количество и состав падежей, а также критерии их выделения.

В работе 1968 г. Филлмор выделяет шесть падежей: **агентив** — падеж, который представляет некое действующее лицо; **датив** — живое существо, затронутое выражаемым глаголом действием или ситуацией (*Петр лечит Ивана; Иван выздоравливает*); **инструмент** — непосредственная физическая причина события; **фактив** — то, что создается действием; **локатив** — место, в котором происходит событие; **объектив** — неимеющий общей ролевой интерпретации. В работе *Дело о падеже открывается вновь* (1977) он изменил некоторые названия: то, что называлось дативом, он стал именовать экспериенцем (испытывающим воздействие), а вместо фактива появилась **цель**.

Уоллес Чейф (р. 1927) в работе *Значение и структура языка* (1971) предлагает семь падежей. У. Кук в *Падежной грамматике* (1979) выделяет пять падежей.

Особенно «постарались» в увеличении количества падежей наши отечественные исследователи. Так, В. Г. Гак в работе *К проблеме синтаксической семантики* (1971 г.), как и Чейф, выделяет семь падежей; Т.Б. Алисова в *Очерках синтаксиса итальянского языка* (1971) — четырнадцать падежей; столько же предлагает различать и В.В. Богданов (*Семантико-синтаксическая организация предложения* — 1977); Ю.Д. Апресян (*Лексическая семантика* — 1974) — целых двадцать пять. Однако никому еще не удалось (по крайней мере по нашим данным) «сочинить» названия для всех двухсот шестнадцати падежей, которые исчислил Л. Ельмслев.

Наши зарубежные коллеги оказались в этом отношении гораздо «экономнее». Так, Дж. Андерсон (*Грамматика падежа* — 1971, *О падежной грамматике* — 1977) считает, что все падежные отношения могут быть сведены к двум исходным понятиям — «место» и «источник». Четыре комбинации этих понятий дают возможность вычленивать четыре падежных отношения: **абсолютив** (- -), **локатив** («место» -), **эргатив** (- «источник»), **аблатив** («место», «источник»). Роберт Д. Ван Валин и Уильям А. Фолли (*Референциально-ролевая грамматика* — 1980) устанавливают лишь одно универсальное семантическое противопоставление **актора** и **претерпевающего**, а все остальные семантические падежи являются лишь производными. Такого же мнения придерживается и Т.П. Кшешовский (*Контрастивная генеративная грамматика* — 1979).

Все рассмотренные падежи определяются семантическими валентностями глагола и являются обязательными, или **пропозициональными** (у Теньера — «актанты»). У. Кук кроме этих падежей выделяет также **модальные** падежи, которые часто являются факультативными («сирконстанты»). К ним он относит **время**, **инструмент**, **способ**, **причину**, **цель**, **результат**, **внешний локатив**, **внешний бенефактив**. По мнению Е.С. Кубряковой и Ю.Г. Панкраца, состав глубинных падежей У. Кука представляется одним из наиболее удачных. Деление падежей на пропозициональные и модальные, обязательные и факультативные привело к значительному сокращению их числа.

У. Кук устанавливает пять требований, которые он считает необходимыми и

достаточными для определения падежных рамок глагола:

- 1) каждую падежную рамку образует глагол;
- 2) ни один падеж, кроме объектного, не может быть употреблен в падежной рамке больше одного раза;
- 3) наличие объектного падежа обязательно;
- 4) все падежи, кроме агенса и объекта, взаимоисключаемы;
- 5) падежи приводятся слева направо в иерархическом порядке выбора субъекта.

Особый интерес представляет введение понятия частично или полностью скрытых ролей в состав глубинной структуры. Существование таких ролей постулировали еще средневековые синтаксисты. Под частично скрытыми ролями понимаются те, которые обязательно присутствуют в глубинной структуре, но могут отсутствовать в поверхностной. Ср.: *Mary is cooking (dinner)*.

Типология языков и лингвистика универсалий. Исследования в рамках трансформационной и падежной грамматик проводились на материале разнообразных языков, в результате чего были выявлены определенные черты сходства как в плане формы, так и в плане семантики между языками, относящимися к совершенно различным семьям. Это не могло не привести к своеобразному «возрождению» интереса к проблемам типологии языков.

В статье *О современном состоянии типологии* (1958) Владимир Скаличка отмечал, что типология является одним из самых древних и вместе с тем наименее разработанных разделов языкознания. Уже античные грамматисты, которые занимались вопросами аналогии и аномалии, опираясь на материал только одного или двух весьма сходных языков, по существу исследовали проблемы, связанные с типологией. Правда, «не вполне ясно — даже самим типологам, — что именно является предметом типологии».

Автор показывает, какие существуют подходы к типологии. «Прежде всего типология начинается с классификации: языки в этом случае группируются в отдельные типы. Другая концепция — характерологическая — отмечает существенные черты языков. Третья концепция основывается на группировке отдельных явлений. Четвертая — создает ступенчатую типологию. Наконец, пятая — стремится установить отношения между отдельными явлениями». Попытаемся кратко рассмотреть указанные «типы типологий».

Как уже отмечалось ранее, первая типология языков принадлежит Гвильельму Постелиусу. Она представлена в работе *О родстве языков* (1538 г.), в которой автор противопоставляет языки «грамматические» (греческий и латинский) и языки «натуральные», или «природные» (древнееврейский и другие семитские). Он считал, что из этих «природных» языков греческий и латинский заимствовали флексии. Библиандер, знакомый с древнееврейским и польским языками, полагал, что они грамматически так же организованы, как и греческий, и латинский. Он, как и Постелиус, отрицательно относился к мнению о том, что некоторые языки не имеют никакой грамматики.

Начало современной типологии связывают с именами братьев Шлегелей. Однако в статье С.Д. Кацнельсона *Концепция лингвистической типологии Адама Смита* (1982) отмечается: «Такая точка зрения, вопреки ее распространенности, плохо согласуется с исторической реальностью... Первые опыты в области лингвистической типологии появились не в Германии начала XIX в., а за пределами Германии, именно в Англии, за полвека до возникновения романтической традиции на Европейском материке». Пионером лингвистической типологии был упоминавшийся ранее английский социолог и экономист Адам Смит, который в своем трактате *О первоначальном формировании языков и различии духовного склада исконных и смешанных языков* проводит противопоставление флективных, синтетических языков, характеризующихся избыточностью грамматических форм, более экономным в этом отношении аналитическим языкам. Именно избыточность форм и является одной из причин их последующего отпадения. Другая причина — смешение языков.

Что касается немецкой типологии, то Фридрих фон Шлегель делил языки на два типа: 1) органические, или флективные; 2) аффиксальные (агглютинирующие). Август фон Шлегель выделил еще один тип языков — «без грамматической структуры», т.е. изолирующие, или аморфные, и предложил различать три типа языков: языки без грамматической структуры (формы), языки, использующие аффиксы, и флективные языки. И, наконец, Вильгельм фон Гумбольдт включил в эту классификацию инкорпорирующие языки.

Типологическая классификация основывалась на чисто формальном признаке — на характере (способе) оформления слова. Однако некоторые исследователи давали ей несколько иную интерпретацию. Так, Август Шлейхер принимал во внимание то, как выражаются в словах значения и отношения (в современной терминологии соответственно лексические и грамматические значения). В языках первой группы выражаются только значения, и слова представляют собой простые корни. В языках второй группы выражаются и значения, и отношения, но слова не образуют тесного единства. Это агглютинирующие языки. В языках третьей группы выражаются как значения, так и отношения, но при этом слова образуют тесное единство — флективные языки. В агглютинирующих и флективных языках Шлейхер выделял синтетический и аналитический типы. К первому относились языки, в которых отношения выражались внутри слова — с помощью чередований, суффиксов, префиксов, инфиксов. Ко второму типу — языки, использующие служебные слова.

В классификации Вильгельма Вундта корневые языки определяются как выражающие в слове общее представление. В агглютинирующих языках происходит разложение общего представления на составляющие признаки и объединение их в одно целое представление. Слова флективных языков выражают общие понятия.

В стадияльно-синтаксической классификации И.И. Мещанинова по признаку синтаксической организации предложения выделяются языки инкорпорирующие, языки possessивного, аффиктивного, эргативного и номинативного строя.

На синтаксической основе строится и типологическая классификация Тадеуша Милевского (1906—1966), который различает три типа языков: **позиционный**, **флективный** и **концентрический**. В позиционных языках синтаксические отношения выражаются с помощью порядка слов, во флективных — формами слов, а к концентрическим языкам Милевский относит инкорпорирующие языки.

Франц Николаус Финк (1867—1910) в работе *Априорное построение языковых типов* (1938 г.) предлагает различать восемь типов языков: **подчиняющий**, **инкорпорирующий**, **упорядочивающий**, **корнеизолирующий**, **корнефлектирующий**, **основофлектирующий**, **группофлектирующий**. Однако, по мнению Э. Бенвениста, эта классификация «не является ни исчерпывающей, ни последовательной, ни строгой». В.А. Звегинцев указывает, что первые типологические классификации являются по существу морфологическими, а при желании «у очень многих языков можно обнаружить признаки разных морфологических групп».

Скаличка оценивает классификацию Финка с несколько иной позиции, считая, что тот «открывает путь к новому пониманию типологии, а именно — к ее **характерологической** концепции». Цель характерологического описания — выделить характерные особенности какого-либо конкретного языка в сравнении с другими, выявить его своеобразие. Как уже отмечалось ранее, первым характерологическим описанием языка может служить грамматика Пор-Рояля.

Требование создать лингвистическую характерологию выдвинул в 1928 г. В. Матеиус в статье *О лингвистической характерологии с иллюстрациями из современного английского языка*, в которой отметил наиболее специфичные черты языковой системы английского языка. Наиболее известным сторонником этого метода является **Эрнст Леви** (1884—1966), описывающий языки таким образом, чтобы подчеркнуть в них наиболее характерные, специфические черты. Его основные работы в этом плане: *Рассмотрение русского*

языка (1925), *Краткое рассмотрение венгерского языка* (1931), *Структура европейских языков* (1942).

По мнению Скалички, классифицирующий принцип, по которому язык как целое относится к определенному типу, изжил себя. Характерологический принцип, с помощью которого выделяют специфические черты отдельных языков, не способен отражать точные факты. Автор считает целесообразным **группировать отдельные явления языка** по определенным признакам. Прежде всего этот принцип был применен к фонетике. Так, **Александр Исаченко** (1910—1978) осуществил классификацию славянских языков на основе численности в них гласных и согласных, разделив их на **вокалические** и **консонантические**.

Большинство перечисленных классификаций строится на основании какого-то одного признака, тогда как языки, по словам Бенвениста, представляют собой такое сложное явление, что классифицировать их можно, «используя только несколько самых разных принципов». В этом плане весьма перспективным, считает Звегинцев, представляется установление «системы перекрещивающихся координат, на основе которых оказывается возможным дать многостороннюю типологическую характеристику языков». Примером такой классификации является типология Эдуарда Сепира, который полагал, что главным признаком разделения языков на группы должен быть признак не формы, а того, какие именно значения выражаются в слове. В **корневых** языках выражаются только лексические значения; в **деривационных** помимо первых выражаются и словообразовательные значения; в **смешанно-реляционных** языках в форме слова (словоформе) выражаются отношения данного слова к другому слову; в **чисто реляционных** отношениях к другим словам выражаются с помощью служебных слов. Вторым признаком является «техника», т.е. способ выражения отношений. Здесь тоже выделяются четыре группы: **изоляция**, при которой используются служебные слова, порядок слов и интонация, **агглютинация**, **фузия** (внешняя флексия) и **символизация** (внутренняя флексия, ударение). Третий признак — степень синтезирования: **аналитическая**, **синтетическая** и **полисинтетическая**. Таким образом, в классификации Сепира все языки разделяются на сорок восемь групп.

В несколько измененном виде строит классификацию **Джозеф Харолд Гринберг**, который сравнивает не языки в целом, а их отдельные признаки, вычисляя **индексы**. В статье *Квантитативный подход к морфологической типологии языка* (1960) он рассматривает индексы следующих параметров: синтеза, агглютинации, словосложения, деривации, преобладающего словоизменения, префиксации, суффиксации, изоляции, словоизменения в чистом виде, согласования. Ценность данных индексов, по словам автора, заключается в том, что мы можем определить использованные величины последовательно и таким образом они окажутся применимыми ко всем языкам.

Подводя итог рассмотрению разных подходов к типологии, Скаличка пишет: «Отдельные явления языка (морфологические, синтаксические, фонетико-комбинаторные, словообразовательные) находятся во взаимной связи, причем их соседство может быть положительным или отрицательным. Сумма свободно сосуществующих явлений называется типом. Подобных типов, по нашему мнению, существует пять: флективный, интрофлективный, агглютинативный, изолирующий, полисинтетический. В конкретном языке различные типы реализуются одновременно».

Типологические исследования позволяют выявить **лингвистические универсалии**, т.е. всеобщие закономерности, которые определяют взаимоотношения разных элементов языковой структуры. Иначе говоря, универсалии — это такие свойства, которые присущи всем языкам или большинству из них. Истоки идеи универсалий восходят еще к античным грамматикам, а в средние века возникает термин *универсальная грамматика* (*grammatica universalis*). Первая универсальная грамматика — это грамматика Ф. Санчеса, основанная на дедуктивном принципе. Позднее появилась индуктивная грамматика Пор-Рояля. В обеих грамматиках были указаны некоторые универсалии. Современной универсальной грамматикой, построенной на дедуктивных принципах, является глоссема-

тика.

В 1961 г. в США по инициативе Джозефа Гринберга, **Чарлза Осгуда** и **Джеймса Дженкинса** была организована дискуссия по проблемам универсалий, выступления на которой были опубликованы как *Меморандум о языковых универсалиях*. Основная идея, которая высказывалась многими участниками в самых различных вариациях, сводится к повторению положения В. фон Гумбольдта, что все человечество говорит на одном языке или что при бесконечном разнообразии все языки построены по одной модели. При этом отмечалось, что универсалии должны иметь не дедуктивный характер, а быть извлеченными из самих языков.

Обсуждались возможные классификации универсалий, которые были сгруппированы следующим образом:

- 1) **дедуктивные** (обязательные для всех языков) — **индуктивные** (существующие во всех известных языках);
- 2) **абсолютные** (полные) — **статистические**, или **фреквентивные** (неполные);
- 3) **простые** (наличие/отсутствие) — **сложные** (определенная зависимость между явлениями);
- 4) **синхронические** — **диахронические**.

В 1965 г. **Борис Андреевич Успенский** (р. 1937) опубликовал работу *Структурная типология языков*.

В 1966 г. в АН СССР была проведена конференция по проблемам изучения универсалий. Материалы конференции опубликованы в сборнике *Языковые универсалии и лингвистическая типология* (1969).

Приведем примеры некоторых универсалий: все языки имеют гласные; все языки имеют не менее 10 и не более 70 фонем; каждый язык имеет хотя бы один носовой гласный; во всех языках есть имена собственные; маркированный член оппозиции всегда встречается более редко; чем немаркированный; если в языке слово всегда односложно, то оно одноморфемно, и в языке существует музыкальное ударение; если в языке существует флексия, то в нем есть и словообразовательные элементы; если в языке имеется дательный падеж, то в нем обязательно должен быть и винительный; если в языке выражается множественное число, то в нем существует и нулевой морф, выражающий его; если субъект и объект располагаются перед глаголом, то в языке есть падеж.

Идеи типологии и универсализма обусловили появление понятия **языка-эталона**, т.е. некоего стандартного инвариантного набора универсальных признаков, по отношению к которым можно было бы устанавливать классификационные группы. Однако В.А. Звегинцев считает, что подобного рода эталон обладает «качествами произвольности еще в большей степени, чем традиционные типологические классификации».

Более приемлемым представляется альтернативное предложение: при сравнении небольших групп языков (начиная с двух) использовать в качестве эталона один из сравниваемых языков, выявляя по отношению к нему специфические особенности других входящих в эту группу языков.

Тема: Введение

Культуры, оказавшие влияние на развитие лингвистики (по И. А. Бодуэну де Куртенэ)

Тема: Понятие грамматического искусства. Теория именования. Становление лингвистических традиций

Грамматическое искусство начинает складываться в период античности. При этом следует помнить, что понятие «античность» интерпретируется по-разному. Ю.В. Рождественский отмечает, что в западной историографии слово античность обозначает «нашу родную» греко-латинскую цивилизацию. В востоковедении же под этим словом понимается культура, формирующаяся при становлении цивилизации. Это время **становления письменности**, создания письменных памятников. В связи с этим можно говорить о китайской, индийской и средиземноморской античности.

Что касается лингвистических традиций, то в некоторых культурах, например в

арабской и японской, становление письменности происходит в более поздний исторический период. Поэтому выделяются еще такие лингвистические традиции, как арабская, связанная с ней еврейская и японская.

В античных теориях языка выделяются две основные области — грамматическое искусство и то, что можно было бы назвать «философией языка», одним из основных вопросов которой была теория именования. При этом если в области теории именования все античные традиции характеризуются общностью взглядов, то с точки зрения грамматического искусства **каждая** традиция специфична, поскольку характер традиции непосредственно связан с особенностями описываемого языка. Рассмотрим сначала основные положения теории именования.

Теория именования складывается в рамках античной философии, рассматривающей природу языка, и представляет собой одну из основных частей философского взгляда на мир. Теория именования решает две основные проблемы. Первая — это вопрос «правильности» имени, обозначающего ту или иную реалию, а вторая — отношение между именем и предметом, вещью.

Общий смысл всех теорий заключается в том, что за именем признается магический, творящий, орудийный характер. Вспомним известное: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» — с помощью **слова** Бог сотворил мир. Таким образом, имя — это не просто условное название предмета, а то, что содержит **правила обращения** с предметом или объясняет поведение именуемого предмета. Знание «правильного» имени — ключ к познанию предмета. Как говорил Конфуций: «Если имя дано неверно, то речь не повинуется, если же речь не повинуется, то дело не может быть образовано. Если же имя дано верно, то и речь повинуется, если речь повинуется, то и дело образуется». Аналогичные взгляды существовали и в Древней Индии, и Древней Греции. Таким образом, слово приравнивалось к делу. Но чтобы правильно действовать, нужно правильно **создавать** и **употреблять** слова, иначе будет нарушен порядок вещей. Итак, основные идеи теории именования одинаковы во всех античных традициях, однако в наиболее полном виде они дошли до нас в сочинениях древних греков, поэтому их взгляды мы рассмотрим подробнее.

В древнегреческой философии сложились два противоположных взгляда на проблему отношения между вещами и их названиями. **Гераклит** (540—480 гг. до н.э.) полагал, что каждое слово (имя) неразрывно связано с той вещью, обозначением которой оно является. Имена отражают характер, природу обозначаемых предметов. Эта концепция, согласно которой имена определяются природой вещей, получила название *physei* («по природе»). В противоположность этому **Демокрит** (ок. 460 г. до н.э. — год смерти неизвестен) считал, что предметы именуются не в соответствии с природой самих предметов, а в результате определенного соглашения между людьми, конвенции. Эта концепция получила наименование *thesei* («по установлению»). В качестве доказательства своей правоты Демокрит приводил целый ряд несоответствий между предметом и его наименованием. Так, с одной стороны, многие слова оказываются многозначными — имеют по несколько значений, а с другой стороны, многие предметы имеют несколько наименований. Кроме того, с течением времени на смену одним словам могут прийти другие, а некоторые предметы или понятия могут вообще не иметь наименований. «Природному» значению слов противоречит и наличие разных языков, дающих разные наименования одному и тому же предмету. Следует добавить, что концепция «природного» наименования, рассматривая имя как одно из существенных свойств предмета, ограничивается анализом лишь двух членов отношения — слова и предмета, а человек остается за пределами этого отношения, «Установление» же предполагает **устанавливающего**, т.е. человека, который и дает имя предмету.

Обсуждению обеих теорий посвящен диалог **Платона** (428 или 427 г. — 347 или 348 г. до н.э.) *Кратил*. Два участника спора — Гермоген и Кратил — выражают, соответ-

ственно, взгляды Гераклита и Демокрита, а третий участник — Сократ — пытается выявить уязвимые места в доводах противников и найти истину. Истина заключается в следующем. Имя представляет собой такое же орудие, как, например, бурав или ткацкий станок. Как бурав и ткацкий станок создаются людьми, умеющими это делать, специалистами, так и имена должны создаваться специалистами своего дела, которых Платон называет *законодателями*. Чтобы образовывать правильные имена, законодатель обязан, во-первых, понимать природу вещей, которая и должна быть отражена в наименовании. Во-вторых, он должен следовать определенным установлениям, правилам, по которым образуют слова.

Труд любого мастера оценивается тем, кто профессионально пользуется инструментом, изготовленным этим мастером: труд мастера музыкальных инструментов оценивается музыкантом, труд корабельного плотника — кормчим. Труд же законодателя должен оценивать специалист по умению «ставить вопросы и давать ответы». Такого специалиста Сократ называет *диалектиком*. Диалектик проверяет, насколько правильность имен соответствует правильности употребления вещей. Имена определяют правила употребления вещей, а употребление вещей в соответствии с именем проверяет правильность имени. Имя есть способ действия с вещами. Имя отражает сущность вещи, но оно не тождественно вещи, а поскольку оно не тождественно вещи, последняя может иметь несколько разных имен, которые даются по установлению. Таким образом, оказывается, что «природа» и «установление» — это две стороны одного процесса именования.

Платон считает, что все слова могут быть подразделены на «первейшие» и «позднейшие» и что «позднейшие» слова образованы из «первых» слов. Что же касается «первейших», то они были образованы на основе ассоциаций между отдельными звуками и теми или иными свойствами вещей. Первые слова представляют своеобразные подражания, некие подобию именуемых предметов. Между предметом и его наименованием не существует полного тождества, между ними нет каких-либо прямых и непосредственных связей, но связи отдаленные и опосредованные все же существуют. Вторичные («позднейшие») слова образуются от первичных таким образом, что в них очевидна связь с первичными наименованиями. Иными словами, Платон приходит к понятию внутренней формы слова, что, по словам И.А. Перельмуттера, «принадлежит к числу самых замечательных достижений Платона в области наблюдений над явлениями языка».

Характер отражения сущности вещи в имени иллюстрируется следующим образом. Греческая буква «ро» хорошо подходит к порыву, движению, поскольку язык при произнесении «ро» приводится в сильное сотрясение, а буква «лямбда» соответствует чему-то мягкому, гладкому. Отсюда — наличие буквы «ро» в словах *rein* («течь») и *roe* («течение»), а буквы «лямбда» в словах *mel* («мед») и *lana* («шерсть»). Таким образом, здесь, по словам В. Томсена, мы в первый раз встречаем символику звуков, т.е. Платона можно считать основоположником того направления, которое в современном языкознании называется *звукосимволизмом*.

Подобные этимологии Платона (и других античных авторов) подвергались резкой критике представителями сравнительно-исторического языкознания, считавшими их беспомощными и ненаучными. Однако, как отмечает Ю.В. Рождественский, этимологии Платона не имеют никакого отношения к сравнительно-историческому языкознанию. Цель их не исторические исследования, а выяснение того, насколько «правильно» образованы имена. Если современная этимология представляет собой науку о происхождении и истории слов, то этимологические изыскания античных ученых имели совершенно иные задачи. Их цель заключалась в том, чтобы посредством анализа слов прийти к познанию реального мира.

Взгляды Платона в этом отношении сродни народной этимологии, связанной с повседневной практикой обычных людей, пытающихся как-то оценивать создаваемые слова. Как уже отмечалось, идеи Платона были возрождены и получили развитие в теориях *звукосимволизма*, или *фоносемантики*.

Лингвистическая традиция складывается тогда, когда появляется необходимость обучать не только письму и чтению, но и **языку в целом**. Каждая традиция связана с изучением и описанием какого-то одного языка: на ранних этапах развития каждому народу свойственно представление о своем языке как о **единственном**. Кроме того, ни в одной традиции не сложилось представления о развитии языка, его исторических изменениях. Язык понимался как нечто изначально существующее и неизменное, хотя и наблюдались некоторые отклонения от идеала. Этим вызван интерес к этимологии, к поискам «истинного» значения, забытого людьми.

При этом речь, как правило, идет не о родном языке, на котором говорят все члены данного сообщества, не о разговорном языке. Так, греческая традиция оформляется не тогда, когда по-гречески говорили лишь греки, а в эпоху эллинизма, когда греческий язык стал использоваться в ряде государств. Центром греческой традиции стала не сама Греция, а Александрия. Точно так же арабская традиция возникла не в самой Аравии, а в Басре и Куфе, когда арабский язык начал распространяться за пределами Аравии.

Несколько иная ситуация сложилась в Индии и Японии: санскрит и бунго (старо-японский язык) были литературно обработанными и «законсервированными» языками, более раннего периода, резко отличавшимися от живых разговорных языков.

Что касается древнего Китая, то там литературный язык не слишком сильно отличался от разговорного, однако сложный характер китайской письменности требовал специального и длительного обучения.

Итак, создание и развитие лингвистических традиций обусловлено задачей обучения **языку культуры**, который **не являлся родным** либо для всех членов данного сообщества, либо для определенной его части. Во всех традициях, как уже отмечалось, складывается прескриптивный (предписывающий), **нормативный** подход к языку. Материалом для описания могли быть либо устные тексты (греческая традиция), либо грамматики (индийская, арабская, латинская), либо письменные тексты — священные (Библия, Коран) или светские (в Китае и Японии). Охват материала, устных и письменных форм функционирования языка, как и охват уровней языка — фонетики, грамматики, лексики, — мог быть различным, однако можно отметить более высокий уровень развития фонетики почти во всех традициях. Следует также указать на то, что в античных традициях не различались понятия «звук» и «буква».

Тема: Китайская лингвистическая традиция

Своеобразие **китайской лингвистической традиции** заключается в том, что это единственная традиция, возникшая на базе **корневого** (нефлективного) языка с **иероглифической письменностью**. Морфологическая неизменяемость слова обусловила отсутствие «грамматических» исследований в европейском понимании. Корневому строю китайского языка очень удачно соответствует характер китайской письменности — иероглифический. Китайская письменность записывает не звуки, а морфемы, которые можно рассматривать как простые слова. Таким образом, иероглиф соотносится со значением и только через значение — со звучанием. Поскольку в плане звучания каждый корень представляет собой отдельный слог, слово *цзы* соотносится с понятиями морфемы (простого слова) и слога. Достоинством китайской письменности является различение многочисленных омонимов. Ее основной недостаток — огромное количество знаков.

Древнейшие китайские надписи относят к XVI—XV вв. до н.э. Уже тогда иероглиф обозначал целое слово. В VIII в. до н.э. была проведена первая реформа китайской письменности, целью которой стало создание стандартных знаков, не имевших разнописей. В III в. до н.э., с образованием единого государства, создается единая система графики. Осуществляется структурно-смысловое членение письменных знаков, в результате которого многочисленные сложные иероглифы сводятся к сочетаниям сравнительно неболь-

шого числа простых. Окончательное становление современной структуры китайской письменности происходит в I—II вв. н.э.

Как отмечает СЕ. Яхонтов, в древнем и средневековом Китае существовали три отрасли филологии, одна из которых занималась толкованием древних слов, другая — изучением письменности, третья — отысканием в языке фонетических различий, но почти не касалась физической природы звуков или механизма их произнесения. Хотя фонетика (точнее, фонология) возникла значительно позже двух других наук, именно она достигла в Китае наиболее значительных успехов. Что касается такой важной отрасли языкознания, как грамматика, то она начала постепенно выделяться лишь в XVIII—XIX вв. Таким образом, главным объектом изучения в китайском языкознании был иероглиф.

Сложный характер китайской письменности обусловил необходимость объяснения, толкования иероглифов как в плане их содержания, так и в плане их написания. Для этого требовалось свести существующие знаки в общие списки, словари. Древнейшей китайской лингвистической (лексикографической) работой является *Ши Чжоу нянь*. Это был список иероглифов, предназначенный для заучивания наизусть при обучении грамоте.

Первым известным словарем иероглифов был словарь *Эрья* («Приближение к правильному»), относящийся к III—II вв. до н.э. Словарь организован по тематическому принципу. Все входящие в него иероглифы разделены на 19 тематических групп: «имена», «орудия», «музыка», «земля», «небо» и т.д. Таким образом, в *Эрья* отражена философская картина мира того времени. Словарь не утратил своего значения и в наши дни: с его помощью можно читать и толковать классические (канонические) тексты.

В начале н.э. появляется словарь *Фаньянь* («Местные речения»), приписываемый **Ян Сюю**. В отличие от *Эрья* материалом для *Фаньяня* послужили не канонические тексты, а тексты, написанные на местных диалектах и просторечном языке. При этом указывается, из какого диалекта пришло в литературный, язык то или иное слово.

Самой значительной работой является словарь **Сю Шэнь** *Шовэнь цзецзы* (сокращенно называемый *Шовэнь* — «Описание простых и объяснение сложных знаков»), законченный в 100 г. н.э. Это первый **полный** китайский словарь, охватывающий **все** известные автору иероглифы. В нем объясняются не только значения иероглифов, но и их структура. Словарь построен не по тематическому принципу, а по «формальному»: иероглифы в нем расположены не в зависимости от содержания, а в зависимости от формы знаков. Его можно в определенной степени сравнить со знакомыми нам алфавитными словарями. Словарь содержит около 10 000 иероглифов, в основу которых входят 540 основных элементов, которые в современной китаистике называют *ключами*. (В современной китайской письменности число ключей составляет 214). Следует также отметить, что Сю Шэнь проводил различие между «полными» (знаменательными) и «пустыми» (служебными) словами,

И, наконец, во II в. н.э. появляется словарь **Лю Си Шимин** («Объяснение имен»). Он повторяет тематический принцип *Эрья*, но каждое имя сопровождается этимологическим толкованием,

В период китайского средневековья, вероятно, не без влияния, индийских фонетистов, получают развитие исследования в области фонетики. Кроме того, развитие поэзии, появление теории стихосложения потребовало изучения рифмы и тона.

Как уже отмечалось, китайское письмо не связано со звучанием и иероглифика требует **отдельного** описания звуковой стороны языка. Китайские фонетисты нашли остроумный способ описания фонетики (фонологии): они изобрели способ записи чтения иероглифов — так называемое *разрезание*. С помощью разрезания чтение иероглифа может быть указано через чтение двух других иероглифов. Корневые слова в китайском языке почти всегда односложны. Фонетисты делили слог на две основные части — начальную и конечную { *инициаль* и *финаль* }. Инициаль слога состоит из одного согласного; остальные звуки — гласные, полугласные, а также конечные согласные — составляют финаль. Например, в слове *suān* звук [s] есть инициаль, а [uan] — финаль. Чтобы обозначить чтение

иероглифа, подбирались два других иероглифа таким образом, чтобы первый из них читался с тем же начальным согласным, а второй — с той же финалью (и тоном), что и «разрезаемый» иероглиф.

Хотя мысль о возможности разложения слова на отдельные звуки, вероятно, возникла у китайцев под влиянием знакомства с индийской системой письма, само разрезание иероглифов никак не связано с алфавитной письменностью и имеет чисто китайское происхождение.

Наиболее известные словари, построенные по фонетическому принципу, — это словари рифм. Фонетические таблицы строились таким образом, что по горизонтали располагались иероглифы с одинаковой *рифмой* (одинаковым звучанием), а по вертикали — с одинаковым начальным звуком. Китайские филологи первыми начали фонологические исследования. При этом следует отметить, что китайская фонология основана не на грамматической, а на чисто фонетической основе. Целой фонемой считается рифма. Первым словарем рифм был *Шэн лэй* («Категории звуков») **Ли Дэна** (около 300 г.).

В конце V в. начинается изучение тонов в китайском языке. Была установлена классическая система четырех тонов. Теорию разрабатывали **Чжоу Юн** и **Шэнь Юэ** (V—VI вв.). Слоги, состоящие из одних и тех же звуков, но имеющие разный тон, считались относящимися к разным рифмам. В VII в. **Лу Фа-Янь** создает труд *Цеюнь* («Сечение рифм»), где описывается фонологическая система китайского языка.

Интенсивное развитие китайской лингвистики происходит в XVII—XIX вв. В орбиту исследований попадают историческая фонетика, этимология, учение о частях предложения, выделяемых паузами (синтагмах). основоположниками китайской грамматики считаются **Ван Нян-Сунь** (1744—1832) и его сын **Ван Инь-Чжи** (1766—1834). Учение о слове и предложении появляется в Китае под влиянием европейской лингвистики в конце XIX в. В наше время крупным лингвистом был **Чжан Бинь-Лин** (1868—1936), разрабатывавший вопросы нормативной и исторической фонетики и диалектологии.

По словам СЕ. Яхонтова, китайская лингвистика оказала заметное влияние на языкознание Японии и других соседних с Китаем стран. Однако мировое значение ее невелико.

Тема: Индийская лингвистическая традиция

Индийская лингвистическая традиция. Индийская традиция насчитывает около 2500 лет. В древней Индии мы впервые сталкиваемся с **полным** описанием языка, причем на очень высоком уровне.

Что касается характера описываемого языка — санскрита, то это флективный язык: каждое слово в тексте встречается во множестве вариантов — словоформ. Письменность древних индийцев — звуко-буквенная (алфавитная). Однако графема в ней обозначает не звук, а слог, который состоит или из согласного или из сочетания согласного с общим гласным «а». Все остальные гласные звуки обозначаются диакритическими значками. Таким образом, гласные и согласные звуки в индийском языке образуют две графические парадигмы, расположенные на разных линиях. Этим отмечается семантическая важность согласных звуков и дополнительный характер гласных.

Интерес к языку, необходимость его описания возникает в жреческой среде в связи с магической интерпретацией речи. Цель грамматического описания — сохранение в чистоте языка священных текстов — *Вед*, поскольку живые разговорные языки стали существенно отличаться от классического санскрита. Это обусловило важность прежде всего фонетического описания.

Первоначальный анализ слов — звуковой — имел место уже при сложении и дальнейшем использовании ведийских гимнов. Язык ведийских гимнов был в этот период уже мало понятен жреческому сословию и требовал специального изучения.

Наблюдения над языком священных памятников велись с глубокой древности. В

первых грамматических сочинениях (*прашишаньях*) описывалось правильное произношение ведических текстов, а также приводились отдельные грамматические наблюдения. Около I тысячелетия появились первые списки имеющих в *Ведах* непонятных слов. Несколько позднее появляется специальная дисциплина *нирукта* («этимология»). Списки важных для толкования гимнов *Ригведы* слов начинают группироваться в ассоциативные ряды, или *связки*. Появляются также сочинения (*веданги*), в которых рассматривались вопросы языка: фонетика, грамматика, лексикология и этимология, теория поэзии.

В V в. до н.э. ученый **Яска** составил комментарии к языку *Вед*. Его сочинение состоит из пяти тематических разделов. Во введении автор дает краткое объяснение основных грамматических понятий. Он приводит грамматическую классификацию слов (четыре класса): имя, глагол, префикс-предлог, союзы и частицы. Яске известно понятие падежа: он приводит семичленную парадигму имени *Индра*. Автор не делает различия между словоизменением и словообразованием.

Однако наиболее полный и точный анализ морфологического строя санскрита и детальное описание его звукового состава представлены в грамматике **Панини** *Восьмикнижие* (IV в. до н.э.), которую Л. Блумфилд назвал «одним из величайших памятников человеческого разума».

Грамматика Панини возникла не на пустом месте. Сам автор ссылается на труды своих предшественников, число которых составляет 68. Грамматика Панини (в отличие от грамматик в других древних традициях) была рассчитана на **устную** передачу, потому что, по представлениям индийцев, истинное знание — устное, передаваемое от учителя к ученику. Лишь спустя несколько веков грамматика была записана. Основывается она на современном для Панини разговорном языке, а также дает правила употребления ведического языка в региональных вариантах. В ее факультативных правилах проводится различие между предпочтительными и маргинальными формами, а некоторые правила также можно рассматривать как обусловленные социолингвистически. Грамматика имеет синхронный характер: все варианты рассматриваются как альтернативные. Само понятие языковых изменений было еще незнакомо индийской традиции.

Специфической чертой грамматики Панини является ее предельная сжатость, которая обусловлена, с одной стороны, общим стремлением к краткости, поскольку работа предназначалась для **заучивания** текста, что было характерно для системы передачи культурных традиций. С другой стороны, сжатость является результатом разработки специальных технических приемов, каких не знал ни один научный труд древности. В. Томсен отмечает: «Было подсчитано, что произведение Панини без сопровождающих комментариев, отпечатанное довольно крупным шрифтом, едва ли занимало бы обыкновенные 150 страниц, а будучи переписанным латинскими буквами — 75-100 страниц, и все же оно является самой полной грамматикой, которая существует для какого-либо языка, будь он мертвым или живым языком».

Восьмикнижие состоит из 8 глав, содержащих 3996 кратких правил, или *сутр*, которые включают несколько ритмично расположенных слогов. Без пояснений *сутры* непонятны, но легко заучиваются и запоминаются. Для краткости используются различные сокращения и мнемонические приемы. Так, правило *iko uapasī* означает: перед звуками *a, i, u, r, l, e, o, ai, au* (которые обозначены символом *as*) вместо звуков *i, u, r, l* (символ *ik*) должны соответственно ставиться звуки *u, v, r, l* (символ *uap*). По этой причине грамматика Панини долгое время оставалась непонятной европейцам. Первым ее «расшифровал» **Отто Николаевич Бетлингк** (1815—1904).

Грамматика Панини является порождающей по своему характеру: она дает возможность, отпавляясь от смысла, выбрав соответствующие лексические морфемы (корень глагола и первичную основу имени) и диктуемую характером глагола или коммуникативной задачей конструкцию, проделав все предписываемые операции, получить на «выходе» фонетически правильное предложение. Для этого имеется набор исходных единиц — корней и аффиксов — и фонетические правила построения этих единиц из звуков.

Слово состоит из первичных элементов: неизменяемой части (основы) и изменяемой (окончаний и суффиксов). Предложение предстает как сочетание двух основных слов: **имени** и **глагола**, каждое из которых представляет собой цепочку морфем.

Разные языковые явления излагаются в *Восьмикнижии* в том виде, в каком они выступают в тексте, поэтому морфология, фонетика и синтаксис свободно чередуются друг с другом. По словам В. Кипарского, «грамматика Панини стремится обеспечить полный, максимально сжатый и теоретически последовательный анализ грамматической структуры санскрита».

Большое место в *Восьмикнижии* уделяется фонетике. Панини дает тщательное и детальное описание звуков с точки зрения их **артикуляции**. При этом учитываются две характеристики:

- 1) место артикуляции (по артикулирующему органу);
- 2) степень открытости — от полной открытости до полной смычки.

Всего выделяется 14 групп звуков: гласные (классы 1-4); полугласные (классы 5-6); носовые (класс 7); смычные (классы 8-12), подразделяемые на смычные придыхательные (классы 8-9) и смычные непридыхательные (классы 10-12); свистящие (класс 13); особый класс представлен звуком *h* (класс 14).

Каждый класс обозначается особым символом. Так, первый класс, включающий звуки *a, i, u*, обозначается символом [n], *r, l* — символом [k]. Объединение этих двух классов образует множество *aK*, в котором содержатся звуки *a, i, u, r, l*. Таким образом можно объединить любое количество классов. Так, множество *aL* ([l] — символ последнего класса) будет содержать все звуки всех классов.

Фонетика не отграничивается от морфологии, поэтому фонетические явления трактуются совместно с морфологическими. Выделенные группы звуков объединяются в более крупные в зависимости от того, в каких чередованиях они участвуют. Таким образом, отправной точкой описания, низшим уровнем является звук и его фонетические изменения. Даются **все** фонетические трансформации звука в словах, словоформах и сочетаниях и показывается, с чем это связано в грамматике. Для этого выявляется **полный инвентарь сочетаний морфем** — от двух и более, вплоть до грамматически правильного предложения.

В аспекте морфологии выделяется 4 части речи: имя, глагол, предлог и частицы. Глагол — слово, образующее действие, имя — слово, обозначающее субстанцию. Имя имеет 7 падежей, которые обозначены порядковыми номерами. Номера соответствуют: 1) именительному, 2) винительному, 3) орудийному, 4) дательному, 5) отложительному, 6) родительному, 7) местному. Предлоги уточняют значения имен и глаголов. Частицы могут быть значимыми (для выражения сравнения и соединения) и незначимыми.

Основной единицей языка считается предложение, которое способно выразить мысль. А слово этой способностью не обладает и вне предложения не существует. Поэтому в словарях обычно приводятся не формы слов, а **корни**, которые имеют глагольный характер (существительное рассматривается как производное от глагола). В синтаксисе описывается только стандартная структура предложения. Отсутствуют правила перестановки или опущения слов. Пассивные предложения не рассматриваются как производные от активных, а номинализации — как производные от предложений. Они порождаются параллельно, одними и теми же правилами, что позволяет полностью продемонстрировать их структурный параллелизм. Панини не рассматривает эллипсис, в процессе которого слова, понятные из контекста, могут быть опущены. Также в грамматике ничего не говорится о порядке слов (санскрит — «язык свободного порядка»).

По мнению М. Мюллера, грамматика Панини «составляет совершенство чисто эмпирического анализа языка, ни в чем не превзойденное, даже не достигнутое грамматической литературой других наций».

Т.Е. Катенина и В.И. Рудой отмечают, что Панини — единственный до середины XX в. лингвист, более или менее последовательно сопоставивший падежные формы, тра-

диционно обозначаемые порядковыми номерами, и функциональные классы (актанты), для которых разработаны содержательные термины: *деятель, дело (цель, объект), орудие (средство), давание, отнимание, местонахождение*.

Кроме основного текста, грамматика Панини включает приложения в виде списков групп слов, объединенных общими грамматическими свойствами. Главные из них — список глаголов, сгруппированных по десяти классам спряжения, и список детальнейшим образом классифицированных имен.

Таковы основные положения грамматики Панини, которая в течение двух тысячелетий была для индусов единственным и непререкаемым авторитетом. Последователи Панини — **Вараручи Катьяяна** (III в. до н.э.) и **Патанджали** (II в. до н.э.) — в основном комментировали его труд. Философ **Бхартихари** (I в. н.э.) рассматривал проблему соотношения предложения и суждения.

В более позднее время крупным лингвистом был **Хемачандра** (XII в.), исследовавший поздние среднеиндийские языки. В XIII в. **Вопадева** составил новую санскритскую грамматику, материал в которой расположен почти в той же последовательности и распределен по тем же категориям, что и в западных грамматиках Нового времени. Последние главы специально посвящены синтаксису.

В целом в индийской традиции задолго до древних греков было проведено различие между гласными и согласными звуками, смычными и фрикативными; определена структура слога; описано ударение; выявлены типы слияния звуков на стыках морфем и слов, типы чередований звуков; сложились понятия фонемы, корня, аффикса, флексии (в том числе — внутренней), нулевой морфемы. По словам В. Томсена, высота, которой достигло языкознание у индусов, совершенно исключительна, и до этой высоты наука о языке в Европе не могла подняться вплоть до XIX в., да и то научившись многому у индийцев.

Индийская традиция оказала влияние на китайское и арабское языкознание. В Европе с ней познакомились лишь в XVIII в.

Тема: Греко-римская лингвистическая традиция

Современное языкознание прежде всего и более всего опирается на **греко-римскую лингвистическую традицию**. По словам Д. Тейлора, европейская лингвистическая наука зародилась в Древней Греции и была переработана и передана современному миру римлянами. К общим достижениям этого коллективного творчества относятся: изобретение современного алфавита, выделение иллокутивных типов предложения, рассмотрение четырех основных преобразований (добавления, опущения, замещения, перестановки), создание грамматической терминологии, четкие определения частей речи, рассуждения о произвольности языкового знака и об отношениях означающего и означаемого, описание акциденций и, наконец, широкое распространение лингвистических знаний (прежде всего с целью обучения), признание ведущей роли грамматики в интеллектуальной деятельности.

Греческий язык (как и латинский) — флективный. Заимствовав слоговое письмо у финикийцев, греки создали письмо **алфавитное** — с делением букв на гласные и согласные. В этом отношении греческий алфавит ничем не отличается от современных систем алфавитного письма. По словам И.Д. Гелба, возникновение греческого алфавита представляет собой «последний важный шаг в истории письма. От древних греков вплоть до настоящего времени ничего нового не произошло во внутреннем развитии письма. Собственно говоря, мы отображаем на письме согласные и гласные звуки точно таким же образом, как это делали древние греки».

В отличие от индийской традиции, описание греческого языка не могло охватывать все существующие тексты. Кроме того, древнегреческий язык представлял собой конгло-

мерат близких диалектов. Наддиалектной формой коммуникации был общенародный язык — **койне**, возникший на базе аттического диалекта.

Языкознание, как и другие науки античности, не отделялось от «науки наук», философии, в рамках которой высказывался ряд идей о природе и функционировании языка, рассматривались некоторые его аспекты и явления. Наряду с философией интерес к языку был обусловлен и зарождающейся в V в. до н.э. риторикой, наукой об ораторском искусстве, которое играло в общественной жизни античных государств огромную роль.

Анаксимен (560—502 гг. до н. э.) заложил основы стилистики в своей *Риторике*. **Парменид** (род. в 518 г. до н.э.) показал, что существует различие в выражениях *Быть человеком*, *Быть Сократом*, *Быть призраком* и *быть* в значении «существовать». Если в первых случаях быть имеет только грамматическое значение, то в последнем — логическое (реальное). Гераклит, по словам Т. де Мауро, считал, что между структурой предложения и структурой процесса, представляемого предложением, наблюдается строгий параллелизм. **Продик** (V в. до н. э.) занимался вопросами синонимии. **Протагор** (480—410 гг. до н. э.) был первым, кто стал различать три рода: мужской, женский и вещный. Он различал четыре типа высказываний: вопрос, ответ, поручение, просьбу. Он же, вероятно, впервые в истории греческой культуры ставит проблему языковой нормы, вырабатывает правила речи, достойной образованного человека.

Платон создал **акустическую** классификацию звуков речи. Звуки речи (или «буквы») он подразделяет на три группы: гласные, безгласные и беззвучные. По словам самого Платона, эта классификация — не его изобретение, она заимствована им у «знатоков этого дела».

Подход Платона к языку имеет чисто смысловой, функциональный характер, на формальную сторону языковых явлений он внимания не обращает. Таково его разграничение между именем и глаголом — без какой-либо опоры на формальные признаки, хотя в греческом языке формальные различия между классами слов выражены очень отчетливо. Историки отмечают и тот факт, что Платон нигде не упоминает о различиях между именами по роду.

Имена, по Платону, — это слова, которые в предложении являются подлежащими, тем, о чем говорится в предложении. Глаголы показывают, что говорится о подлежащих. Прилагательные, которые могут быть сказуемыми, причислялись к глаголам.

Слово *падеж* первоначально употреблялось Платоном для обозначения любой нефлексивной словоформы. Позднее он вводит название *enthea* — для номинатива и *genike* — для генитива.

Он говорит о четырех типах изменений («трансформаций»): вставке, опущении, замещении и перестановке.

В высказывании Платона «Все идеи суть то, что они суть, лишь в отношении одна к другой, и лишь в этом отношении они обладают сущностью... В свою очередь... находящиеся в нас [подобия], одноименные [с идеями], тоже существуют лишь в отношении друг к другу» Л.Г. Зубкова видит «корни современного лингвистического понятия концептуальной значимости, введенного Ф. де Соссюром».

Однако **полного** описания языка еще не было. Начало такого описания мы обнаруживаем у Аристотеля.

Аристотель (384 — 322 гг. до н. э.) в своих трудах *Категории*, *Об истолковании*, *Об именовании* заложил основы грамматического искусства в греко-латинском мире. Прежде всего следует отметить, что Аристотель обозначил основные языковые единицы: «Во всяком словесном изложении есть следующие части: элемент, слог, союз, имя, глагол, член, падеж, предложение». Под элементом понимался не любой звук, а **членораздельный** звук человеческой речи, который можно сопоставить с фонемой в современном понимании.

Как и Платон, Аристотель делит все звуки речи на три разряда по акустическим

признакам, однако присоединяет к ним также и артикуляционные. Это считается значительным достижением Аристотеля, прогрессом по сравнению с Платоном. При этом следует отметить, что *звуком речи* Аристотель называет и отдельный звук речи, и слог, и слово, и даже предложение.

Аристотель не рассматривает вопроса о «правильности» слова. Для него «слова, выраженные звуками, суть символы представлений в душе, а письмена — символы слов». Иными словами, слово представляет собой **знак**. В этом плане следует заметить, что если Платон (и теория именования в целом) объяснял процесс **становления** речевой деятельности, то Аристотель имел в виду процесс функционирования уже **сложившейся** речевой деятельности. По его мнению, слово само по себе не может быть ни истинным, ни ложным — это просто символ представления. Истина и ложь «состоят в соединении и разъединении», т.е. истинность или ложность — это характеристика **предложения**. Предложение — это единица речи с самостоятельным значением: предложение есть «составной звук, имеющий самостоятельное значение». Оно состоит из слов — меньших единиц речи тоже с самостоятельным значением.

Что касается частей (членов) предложения, то Аристотель, как и Платон, считая предложение выражением суждения, выделяет в нем две основные части — имя и глагол, которые соответствуют субъекту и предикату суждения. Однако в системе Аристотеля мы замечаем уже элементы грамматического подхода. Так, помимо имени и глагола он выделяет и вспомогательные (служебные) слова, которые называет *союзами*, а также *член* — общее наименование для артикля и анафорических местоимений. Кроме того, в определениях имени и глагола присутствуют и семантические признаки: имя — это «слово с самостоятельным значением без оттенка времени»; глагол — «слово, имеющее самостоятельное значение с оттенком времени». Именем (логическим субъектом) Аристотель считает только имена в исходном (именительном) падеже, а все остальные формы имени — это отклонения (отпадения, падежи). У имен различает число и род. Основной формой глагола он считает форму 1-го лица единственного числа настоящего времени, а все остальные формы — глагольными отклонениями («падежами»).

Важно отметить, что Аристотель проводит первое разделение частей речи на значащие — имя и глагол и незначащие — союз и член, «не имеющие самостоятельного значения звуки», т.е. на полнозначные и служебные в современном понимании.

Наиболее замечательным достижением Аристотеля в области изучения явлений языка И.А. Перельмуттер считает его наблюдения над языковой многозначностью, встречающиеся во многих сочинениях. Так, Аристотель различает разные функции родительного падежа, выделяя присущую родительному падежу функцию обозначения владельца предмета функцию обозначения целого, от которого берется часть. Различает он и употребление глагола *быть* в функции связки и в функции полнозначного глагола, обозначающего существование. В многозначности элементов речи видит Аристотель главный источник расхождения между мыслью и ее словесным выражением.

По мнению Аристотеля, имя, выступающее в функции подлежащего, представляет собой наиболее важную часть предложения; глагол в предложении может отсутствовать, но имя должно быть представлено непременно. «Глагол служит всегда обозначением чего-либо сказанного об ином». Имя представляется более полнозначным, более самостоятельным.

Т. де Мауро полагает, что Аристотель представил первое систематическое изложение концепции языка как перечня элементов, точно отражающих составные элементы одной-единственной универсальной реальности. При этом, с одной стороны, именно благодаря Аристотелю в среде перипатетиков и стоиков возникли и оформились в систему, просуществовавшую долгие века, основные понятия фонологии, морфологии и синтаксиса, а с другой — в более дальней перспективе концепция Аристотеля, «начиная с эпохи древних греков и римлян и до наших дней, душила всякий интерес к специальным лингвистическим исследованиям».

По мнению Ю.В. Рождественского, описание языка, данное Аристотелем, есть начальный этап построения лингвистической системы. Этого описания достаточно для **логики**. Собственно лингвистическое описание языка в греко-латинском мире начинается **после** работ Аристотеля.

Большой вклад в развитие грамматического искусства внесли **стоики** (члены философской школы в Афинах III—II вв. до н.э.) — **Зенон** (336—264 гг. до н.э.), **Хрисипп** (280—206 гг. до н.э.) и **Кратес Малосский** (ок. 170 г. до н.э.). Стоики считали, что высказывание имеет **два предмета**: предмет реальной действительности, или *тело* (что соответствует современному понятию денотата, или экстенционала), и мыслительную сущность, **лектон** (смысл, сигнификат, или интенционал). При этом высказывание есть не просто сочетание абстрактных понятий, а слияние **понятий, чувственных представлений и эмоций**. Важно отметить, что «обозначаемое», «высказываемое» имеет специфически языковой характер, различающийся от языка к языку, в то время как представления в душе одинаковы для всех людей вне зависимости от языка, на котором они говорят, а звуки речи, взятые в отрыве от смысловой стороны высказывания, доступны для восприятия любого человека, в том числе и такого, который не владеет соответствующим языком. В этом можно усмотреть истоки идеи о субстанции и форме языка.

Слова, по мнению стоиков, **изначально истинны**, т.е. соответствуют сущности обозначаемых **вещей**. Отсюда — нужно найти истинную сущность слова, или *этимон*. Стоиками введен и термин *этимология*.

Стоики впервые назвали логику *логикой* (у Аристотеля она называлась аналитикой).

В области фонетики они различали 24 буквы (звука), у которых выделяли три элемента: звучание, изображение и называние.

В области грамматики можно отметить следующее. Стоики ввели термин *синтаксис*. Логический термин *части речи* они перенесли в область грамматики, выделив следующие пять групп: имя собственное, имя нарицательное, глагол, союз и связка, член (артикл и местоимение). Позднее к ним было добавлено наречие. Однако, как и их предшественники, они обращали внимание главным образом на функционально-семантические аспекты.

Заимствовав у Аристотеля термин *падеж*, стоики придали ему иное значение. Если у Аристотеля *падеж* применялся к любым «косвенным» формам любых слов, то у стоиков он применяется только по отношению к склоняемым частям речи. В число падежей включается и исходная назывная форма имени — форма именительного падежа. Стоики дали падежам следующие наименования: «именительный», «падеж породы», «падеж давания», «подвергающийся действию» и «звательный».

Как и Аристотель, стоики различали значащие («категорематические») и незначащие («синкатегорематические») слова и считали, что последние не могут выступать в высказывании в качестве субъекта или предиката. Однако в отличие от своего предшественника они полагали, что назначение этих слов в том, чтобы выражать некоторые логические функции. Очевидно, что с современной точки зрения можно говорить о выделении слов с **грамматическими значениями**.

Стоики выделяли четыре «определенных» времени глагола (пре-зенс, имперфект, перфект и плюсквамперфект), которым противопоставляли два «неопределенных» времени: неопределенное прошедшее и неопределенное будущее.

Стоикам принадлежит различение понятий «полного предложения» (*Сократ пишет*) и «неполного предложения» (*Пишет*).

Они создали развернутую концепцию высказывания, в которой рассматривалась его формальная и семантическая структура. Была разработана классификация предложений-суждений, которая основывалась на разграничении между различными типами предикатов. Была также разработана классификация типов предложений, различающихся по

цели высказывания (повествовательные, вопросительные, побудительные, предложения, выражающие желание, содержащие заклинание, клятву или обращение).

Впервые были выделены сложные предложения.

В целом, как считает В. Томсен, «стойки имеют ту заслугу, что они продвинули познание грамматических категорий, и мы обязаны в первую очередь стойкам значительной частью грамматических наименований, которые мы так хорошо знаем в их латинской (или славянской) переводной с греческого форме и которые мы употребляем изо дня в день».

Логико-грамматический подход стойков к языку завершает период, когда язык был предметом изучения философов. Заслуга выделения грамматики в самостоятельную отрасль науки принадлежит ученым Александрии.

Оформление греческой традиции было осуществлено в **Александрийской школе**. В III в. до н.э. Александрия становится культурным и научным центром античного мира. Большую известность приобрела Александрийская библиотека, в которой было собрано около 800 тысяч рукописей. Работники библиотеки составляли комментарии и толкования к произведениям Гомера, Эсхила, Софокла и других древних авторов. В связи с этим началось и систематическое описание грамматической системы греческого языка. Грамматика из раздела логики и философии превратилась в самостоятельную область исследования.

Как уже отмечалось, классический древнегреческий язык представлял собой совокупность близких диалектов, и тексты в этом плане оказались неоднородными. Поэтому одним из основных вопросов теории стало описание языка, адекватно отражающее имеющееся разнообразие. Появились два пути решения этого вопроса: 1) описывать формы, которые отражают «обычай» их употребления в разных диалектах; 2) описывать формы, которые отражают закономерности построения **правильной** речи. Сторонники первого пути получили название **аномалистов** (Кратес и др.), сторонники второго — **аналогистов** (Аристарх и др.).

В. Томсен пишет: «Чтобы понять этот спор и иметь возможность судить о нем, мы должны перенестись в то время с его условиями; мы должны совершенно отвлечься от развитой грамматической системы, которую мы теперь имеем, и живо представить себе то единственное, что тогда имелось, — хаотическую массу слов и форм литературного и разговорного языков с их разными диалектами. Учесть все эти детали и найти порядок и принцип во всем этом хаосе, где аномалии должны были, по крайней мере, так же бросаться в глаза, как и аналогии, было работой, которая могла подавить острейшего мыслителя и привести его к тому, чтобы односторонне сделать упор на ту или иную точку зрения. Конечно, спор закончился постепенным сглаживанием обеих крайностей... Плодом этого и явилась систематическая грамматика с ее правилами и исключениями».

В результате спора было решено, что грамматика есть порождение аналогии выражения, однако наряду с различными грамматическими правилами имеются и исключения. Или, как формулирует это в современной терминологии Ю.В. Рождественский, к описанию предъявлялись следующие требования: «а) как можно меньше инвариантов каждого уровня; б) как можно больше вариантов этих инвариантов, выведенных по определенным правилам; в) правила образования вариантов должны быть минимальными и простыми».

Главой Александрийской библиотеки долгое время был **Аристарх Самофракийский** (215—143 гг. до н. э.), который установил восемь частей речи. Его ученик **Дионисий Фракийский** (170—90 гг. до н. э.), используя труды своих предшественников, написал **первую системную грамматику** греческого языка для римлян.

В грамматике Дионисия в изложении фонетики насчитывается двадцать четыре звукобуквы, дается описание звуков речи и классификация слов и их форм. Звуки описываются как по отдельности, так и в связи с теми изменениями, которые происходят с ними в сочетаниях. Рассматриваются также изменения звучаний слов («претерпевания») при словообразовании и словоизменении. Таким образом, классификация звуков осуществля-

ется с учетом мест, которые они занимают в слогах и словах.

Частей речи, как уже отмечалось, восемь: имя, глагол, причастие, местоимение, наречие, союз, предлог и артикль. Артикль у александрийцев отделяется от местоимения; предлог отделяется от союза. При этом выделение частей речи происходит на **чисто лингвистических** основаниях. Так, имя определяется как «склоняемая часть речи, обозначающая тело или вещь и выступающая как общее (например, *человек*) или как частное (например, *Сократ*); глагол — «бесполовая часть речи, принимающая времена, лица и числа и представляющая действие или страдание». Причастие — «слово, имеющее свойства как прилагательного, так и глагола, кроме наклонений и лиц». Слово и предложение определяются с чисто синтаксической точки зрения: «Слово — это наименьшая часть связного предложения»; «Предложение — соединение слов, выражающих законченную мысль».

Части речи имеют **акциденции** (что в современной грамматике соответствует частным грамматическим категориям). Имя имеет пять акциденций: роды, виды, образы, числа, падежи («виды» и «образы» связаны со словообразованием). Для обозначения среднего рода вместо термина *вещный* Дионисий стал использовать слово *никакой*.

Глагол имеет следующие акциденции: пять **наклонений** (неопределенное, изъявительное, повелительное, желательное и подчинительное), три **залога** (действия, страдания и средний), три **лица** и три **времени**. Очевидно, что современная грамматическая терминология восходит к александрийской системе.

Третий представитель Александрийской школы **Аполлоний Дискол** (II в. до н.э.) описал синтаксис греческого языка. Следует отметить, что греческую грамматику часто упрекают в недостаточной разработке синтаксиса. Однако, по мнению Д.М. Шенкефельда, это объясняется очень просто: при изучении родного языка синтаксис усваивается не путем заучивания, а в процессе ознакомления с классическими примерами. Дискол же описывал греческий язык древнейшей эпохи, поэтому вполне естественно обращение к его синтаксическому строю.

В центре внимания Аполлония — синтаксические свойства, синтаксические функции частей речи. Одним из основных вопросов синтаксиса Аполлония является учение о сочетаемости слов. Он указывает на свойство слов присоединяться к словам других классов, в результате чего создаются самостоятельные предложения. Очевидно, здесь можно обнаружить истоки понятия валентности.

Аполлоний вводит понятие синтаксической связи, которое включает *akoluthia* («последовательность») и *katalleilotes* («взаимность»), в целом соответствующие как управлению, так и согласованию. Несоответствия им рассматриваются как ошибки. Это, вероятно, первое обсуждение проблемы правильности в синтаксисе, обнаруженное в античных грамматиках.

Он не использует терминов *подлежащее*, *сказуемое*, *дополнение*, *определение*, употребляя вместо них известные ему названия частей речи и косвенных падежей. Так, вместо термина *подлежащее* используется *именительный падеж*; вместо *дополнение* — наименования косвенных падежей и т.д. Иначе говоря, пользуясь названиями частей речи и названиями некоторых акциденций, он фактически придает им синтаксический смысл.

Аполлоний перечисляет шесть различных «трансформаций», которые могут производиться с буквами, слогами, словами и предложениями (в разговорной речи, риторике, поэзии): 1) повтор/редупликация; 2) вставка/добавление (плеоназм); 3) пропуск/опущение (эллипсис); 4) расчленение/разложение компонентов; 5) стяжение/усложнение; 6) транспозиция/инверсия (метатеза, гипертеза).

М. Мюллер считает, что александрийские ученые первыми привели действительные формы языка в известный порядок.

Римская грамматика представляет собой разновидность и продолжение греческой грамматики, чему содействовало знакомство римлян с греческой наукой и культурой.

Правда, из лингвистического наследия последнего века Республики до нас дошло очень мало работ. Значительное число рукописей погибло. Следует отметить, что римская лингвистическая традиция, единственная из всех античных традиций, была **двуязычной**, как и вся культура Римской империи в целом, и усвоение ее требовало знания двух языков.

Греческая грамматика попала в Рим во II в. до н.э., когда в 167 г. в составе греческого посольства в Рим прибыл Кратес Малосский. В тот период все грамматические термины были старательно и буквально переведены на латинский язык, правда, не без некоторых недоразумений. Так, греческий «падеж породы» — *genike* — был переведен как *genitivus*, т.е. «падеж рождения», «родительный», а падеж, «подвергающийся действию» — *aitaitos*, как *accusativus*, т.е. «винительный падеж».

Римские грамматисты сохранили традиционное число частей речи. При этом греческая система частей речи была приспособлена к латинскому языку: артикль, которого в латинском языке не было, был заменен на междометие. Римляне обнаружили в своем языке новый падеж, которого не было в греческом, и назвали его *ablativus*. Считается, что это сделал **Цезарь** (100—44 гг. до н.э.), который являлся автором одной из латинских грамматик.

Наиболее известными грамматистами являются **Элий Стило** (150—70 гг. до н.э.), которому принадлежит трактат *О простых повествовательных предложениях*, и его ученик **Марк Теренций Варрон** (116—27 гг. до н.э.). Подробные сведения о грамматике представлены в труде известного теоретика ораторского искусства **Марка Фабия Квинтилиана** (35—100 гг. н.э.).

Трактат Варрона *О латинском языке* состоял из трех частей: этимологии, морфологии и синтаксиса, поскольку он полагал, что «речь по природе трочастна, и первая часть ее — как слова были установлены для вещей; вторая — каким образом они, отклонившись от этих последних, приобрели различия; третья — как они, разумно соединяясь между собой, выражают мысль».

Варрону принадлежит первая **формальная** классификация частей речи, «самая остроумная», по словам О. Есперсена. Варрон различал четыре части речи: «часть речи, имеющую падежи (имена), часть речи, имеющую времена (глаголы), часть речи, имеющую и падежи и времена (причастия), и часть речи, не имеющую ни того, ни другого (частицы)». Он также обосновал наличие в латинском языке отложительного падежа.

В середине I в. н.э. появилась первая большая грамматика латинского языка **Квинта Реммия Палемона** (ок. 10—75 гг. н.э.) — *Грамматическое руководство* (*Ars grammatica*). Она, как и большинство других грамматических трактатов, не сохранилась, но была использована в последующей грамматической традиции. Палемон выделил в качестве самостоятельной части речи междометия, которые греческие грамматисты считали наречиями.

В середине IV в. н.э. появились две грамматики **Элия Доната** — обширная (*Ars major*) и сокращенная (*Ars minor*). Первая представляет собой итог развития грамматики от Аристотеля до Квинтилиана. Она включает фонетику, части речи и, наконец, синтаксис, который рассматривается в основном на примерах ошибок. Вторая работа представляет собой серию вопросов, касающихся исключительно частей речи. Это еще раз свидетельствует о ведущей роли морфологии в греко-римской традиции.

Лебединой песней, по мнению Д. Тейлора, является грамматика **Присциана** (VI в. н.э.) в 18 томах, переписанная позднее почти в 1000 рукописей. Основная часть грамматики — морфология, синтаксису посвящены 17-й и 18-й тома. Присциан тщательно проработал греческую и латинскую грамматическую литературу. Все положения иллюстрируются массой примеров из произведений античной литературы. В своем синтаксисе он постоянно обращается к Аполлонию.

В целом историки отмечают, что грамматики Доната и Присциана были основным пособием по изучению латинского языка и образцом для многих грамматических работ средневековья. Таким образом, греческая грамматика с римскими дополнениями и с ла-

тинской терминологией, которая явилась основой метаязыка лингвистики, дошла до нашего времени в виде известной нам школьной (традиционной) грамматики.

Для рассмотрения «философских» вопросов языка в поздней античности следует обратить внимание на важное событие общественной жизни этого периода. Речь идет о возникновении и распространении христианства. В связи с необходимостью защитить новую религию от нападок со стороны нехристианских мыслителей и доказать, что истинную мудрость надо искать в христианстве, а не в трудах языческих философов, появляются труды **апологетов** (защитников) христианства, а позднее возникает **патристика** — сочинения так называемых «отцов церкви», заложивших основы философии христианства. Среди римских апологетов видное место принадлежит **Тертуллиану** (160—220). Он доказывал, что имеется непримиримое различие между религией, божественным откровением и человеческой мудростью. Известен его знаменитый тезис: *Credo, quia absurdum* — «Верую, потому что нелепо». В философии он признавал только те положения, которые отвечали христианской вере.

Ф. Коплстон отмечает, что положительная оценка греческой мысли, особенно платонизма, как приближения к истине характерна для христианских мыслителей из Александрии, где впервые возникла христианская катехизическая школа, центр образования, высоко ценившийся христианами и язычниками. Ведущие мыслители этой школы рассматривали греческую философию как положительное приготовление к христианству и как орудие, позволяющее постичь и выразить эту мудрость. Самым замечательным представителем христианской школы Александрии был **Ориген** (ок. 185—ок. 254), который сочетал христианскую веру, эллинистическую образованность и неоплатоническую философию, чем способствовал развитию всех теологических направлений последующих эпох. Ему принадлежит первое критическое издание Ветхого Завета. Благодаря переводам важнейших сочинений Оригена, сделанных Иеронимом и Руфином, идеи Оригена и теологические методы получили распространение на Западе.

Наиболее известными «отцами церкви» были **Василий Кессарийский** (ок. 330—379), который указывал на важность изучения языческой нехристианской литературы; **Григорий Нисский** (335—394), стремившийся сочетать теологию с неоплатонизмом, благодаря чему сохранил влияние на позднейших потомков; **Иероним Стридонский** (374—ок. 420), ученик Доната, знал латынь, греческий и древнееврейский, перевел Библию на латинский с оригинала, также перевел многие труды с греческого, в том числе Оригена; **Руфин** (345—410) переводил труды Оригена.

Василий Кессарийский и Григорий Нисский были наиболее известными и авторитетными «отцами церкви» в эпоху средневековья. Их труды были широко известны в Западной Европе, Византии, Армении, Грузии, и единомыслие с ними, по словам Эдельштейна, служило мерилom ортодоксальности и на Востоке, и на Западе.

Итак, если в Древней Греции языковедение было частью философии и развивалось философами, то теперь оно стало частью теологии и развивалось теологами. Различие заключается в том, что истинность системы философа подтверждалась (в идеале) логической правильностью и непротиворечивостью исходных постулатов, **свободно им избранных**, и хода рассуждения. В патристике же любая спекулятивная система считалась достоверной лишь в том случае, если она соответствовала априорно заданной, **независимо от данного мыслителя возникшей** и сложившейся системе мирозерпцания. Все, что ей не соответствовало, отвергалось как «языческие бредни». Какие же вопросы «философии языка» рассматривались «отцами церкви»?

Уже ранние апологеты неоднократно высказывали идею о том, что у каждого народа есть свой язык, но сущность языка всеобща. Складывалось понимание того, что многочисленные языки при всем их внешнем разнообразии в сущности своей представляют собой, как сказали бы мы сейчас, варианты реализации одного инварианта — единого

Языка Человеческого. Так, Тертуллиан писал: «Ты глуп, если станешь приписывать это одному только латинскому или греческому языкам, которые считаются родственными между собою, отрицая всеобщность природы. Душа снизошла с неба не для латинян только и греков. Все народы — один человек, различно имя; одна душа, различны слова; один дух, различны звуки; у каждого народа есть свой язык, но сущность языка всеобща». Таким образом, если во все предыдущие века в Древней Индии, Греции, Риме люди как бы не замечали языки своих соседей, считая их не языками, а «бессмысленным бормотанием», жили в гордом сознании своей языковой исключительности, то для христианских философов все языки имели свою ценность.

Наиболее распространенным положением всех теорий был тезис, что язык является отличительным признаком человека. Не может быть, утверждали теологи, ни языка без человека, ни человека без языка. Теологи признавали речь важнейшим видом деятельности, в которой проявляется разумность человека. Ни одно животное, по учению христианских богословов, не способно к творческой деятельности, поэтому у него не может быть языка. По словам Григория Нисского, творческая способность человеку дарована, но мы сами делаем дом, скамью, меч, плуг и вообще все нужное для жизни. «Так и речевая способность ($\lambda\acute{o}\gamma\upsilon$ $\delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\mu\iota\varsigma$) есть дело Создавшего наше естество таковым, а изобретение слов каждого в отдельности придумано нами самими, чтобы пользоваться ими для обозначения предметов. Это подтверждается тем, что повсюду признаются постыдными и неприличными многие слова, изобретателем которых ни один здравомыслящий не признает Бога».

В сочинении *Об устройении человека* Григорий Нисский писал, что строение человеческого рта приспособлено к потребности произношения членораздельных звуков главным образом благодаря человеческой руке. В той же работе он обращает внимание не только на роль руки, но и прямой походки человека, позволившей освободить передние конечности от функции опоры телу.

Особенность человеческого языка, отличие его от способа общения Бога и ангелов, заключается в звуковом характере человеческого общения. Так, по словам Григория Нисского, человеку несколько не нужно было бы употреблять слова и имена, если бы люди могли открывать друг другу чистые движения разума, подобно тому как общаются ангелы. Но так как возникающие в нас мысли не могут обнаружиться вне телесной оболочки, мы, по необходимости наложив на вещи как бы знаки, известные имена, посредством этих знаков объясняем движения ума. При этом звуки человеческого языка — это осмысленные звуки, связанные со значением: «Кто даже из младенцев не знает, что звук и слово имеют взаимное соотношение и что как слух не обнаруживает деятельности, если не раздаются звуки, так не действительно и слово, не направленное к чьему-либо слуху». На эту связь звука и смысла обращал внимание и **Ириней Лионский** (II в.): «Что слово происходит от мысли и ума — это все люди знают». Но осмысленность звука — специфика **человеческого** языка. Иероним Стридонский отмечает: «Мы, люди, — животные разумные и можем понимать его мудрость, и не так несмысленные сердцем, чтобы подобно бессловесным скотам слышать только звук слова, а не мысли».

Язык предназначен для **общения**, следовательно, в процессе общения должны участвовать и говорящий, и слушающий. Кроме того, необходим и, как теперь принято говорить, канал связи. Все эти компоненты речевого акта предполагают наличие друг друга. Василий Кессарийский отмечает: «Голос для слуха и слух по причине голоса. А где нет ни воздуха, ни языка, ни уха, ни извитого прохода, который бы переносил звуки к сочувствию в голове, там не нужны речения».

Христианские мыслители считали, что процесс мышления может протекать вне языковой формы. Василий Кессарийский так представлял себе процесс порождения речи: сначала в мысли появляется образ предмета, а затем мы подбираем соответствующие значения и передаем результат «словесным органам», в результате работы которых («сотрясения воздуха») наша тайная мысль становится явной.

Еще одна интересная идея — о соотношении предметов (вещей) и слов. Если для

античного мировоззрения слово, имя является неотъемлемой частью именуемого, то для христианских мыслителей оно есть знак или символ какой-то сущности, а не ее часть, элемент вторичной системы, от которой существование самого именуемого предмета не зависит. Как отмечал Григорий Нисский, «никакое имя само по себе не имеет существенной самостоятельности», но «всякое имя есть некоторый признак и знак какой-либо сущности и мысли, сам по себе не существующий и не мыслимый». Василий Кессарийский писал: «Ложь говорит тот, кто умствует, будто из различия имен должно заключать и о различии сущности. Ибо не за именем следует природа вещей, а наоборот, имена изобретены уже после вещей. Иначе, если бы первое было истинно, то надлежало бы согласиться, что которых вещей имена одинаковы, тех и сущность одна и та же». Другой мыслитель, Иоанн Воротнеци, отмечал: «Различие в вещах определяется не тем или иным высказыванием о них, а наоборот, вещи сами определяют то или иное высказывание о себе. Природа вещей остается неизменной, все равно, имеется о них высказывание или нет. Никогда высказывание не изменяет природу вещей».

Таким образом, очевидно, что христианские философы занимались исследованием проблем, многие из которых получили или получают решение в современной лингвистике.

Из всех западных «отцов церкви» наибольшее влияние на развитие философии вплоть до XIII в. оказал **Августин** (354—430), самый выдающийся христианский мыслитель античности. По словам Ф. Коплстона, «латинские отцы церкви вообще не слишком увлекались философской спекуляцией. А вот св. Августин был выдающимся мыслителем. Он обладал слишком острым умом, чтобы не видеть, что признание истины вслед за авторитетом, дабы быть разумным действием, должно иметь какое-то основание в разуме. В своем высказывании *si fallor, sum* (если я обманываюсь, то я есмь) Августин предвосхищает Декарта». Он не проводил между философией и теологией четкого различия, которое было осуществлено в позднее средневековье. Он утверждал, что вера предшествует, но что за ней везде, где возможно, должно следовать уразумение.

В плане языковом Августин считал не все слова одинаково значимыми. Так, он отмечал, что мы не можем указать предметы, которые обозначались бы предлогами. Он проводил различие между звучащим (произнесенным) словом и его значением, которое постигается умом; между употреблением слова как знака самого себя, метазнака (например, когда мы думаем о слове *человек*), и употреблением его в качестве обозначающего или подразумевающего предмет или предметы. Кроме того, он говорит о силе слов, т.е. о воздействии, которое слова могут оказывать на слушающих.

Очевидно, в определении знака мы не так уж далеко ушли от Блаженного Августина: «Знак есть нечто, само являющееся органам чувств и в то же время представляющее разуму еще что-то кроме себя». По мнению Августина, означаемое языкового знака представляет собой не предмет, не некую материальную сущность, но хранимый нашей памятью образ именуемой реальности. «Когда мы говорим, мы только обозначаем то, что говорим, из уст говорящего исходит не сама обозначаемая вещь, а знак, которым вещь обозначается, если только не знак других знаков». Точно так же, когда мы слышим какое-то произнесенное слово, в наши уши входит не предмет, а звук, который возбуждает в нашей памяти образ названной реальности, и в нашей мысли возникает то, знаком чего служит воспринятый звук.

Познание вещи или явления ни в коем случае не адекватно познанию соответствующего знака — любой знак по самой своей природе представляет меньшую ценность, чем то, что он обозначает. «Я желаю, чтобы ты понял, что обозначаемые предметы должны быть ценны более, нежели их знаки. Ибо все, что только существует ради другого, необходимо ниже, чем то, для чего оно существует... Ты ведь согласишься, что познание вещей дороже, чем их знаки. Поэтому познание вещей, обозначаемых знаками, надлежит предпочесть познанию знаков».

Таковы, в общем, основные вопросы «философии языка», разрабатываемые хри-

стианскими мыслителями поздней античности.

Тема: Грамматика Пор-Рояля

Истоки идеи философского языка восходят еще к Роджеру Бэкону, который высказывался о несовершенстве естественного языка рождающего помехи в деле познания истины. Несколько позднее испанский логик Раймонд Луллий предложил идею создания «чистого» универсального философского языка, основанного на базе латинского. Для механизации, моделирования логических операций он создал «логическую машину», которая представляла собой ряд концентрических кругов с обозначениями разного рода общих понятий, их свойств отношений и логических операций. Вращая эти круги, можно было получать различные комбинации понятий, эквивалентные разного рода суждениям. Число таких комбинаций a^n равно $5^{11} = 48828125$ (сюда включаются и невозможные сочетания терминов). Благодаря использованию концентрических кругов это число сокращается до $9^6 = 531441$ возможных комбинации исходных терминов.

При этом следует отметить, что Луллий впервые ввел символизацию, обозначая понятия буквами латинского алфавита. (В ироническом плане подобная «машина» была описана Дж. Свифтом в одном из путешествий Гулливера.) Идею о том, что путем логических операций с определенным заранее числом понятий можно получать новое знание, высказывал еще и Рамус.

Близки к идее философского языка рассуждения **Николая Кузанского** (1401-1464) который считал, что подлинное Имя всегда является Именем Сущности, однако в реальных, конкретных языках вместо него используются многочисленные случайные наименования. Задачей философа является проникновение к подлинному Имени Сущности через случайные наименования.

Кроме того, Николай Кузанский считает, что существует некий исходный, или первичный, язык, состоящий из первичных знаков, которые не требуют никаких толкований, но используются для объяснения всех других понятий.

Ему же принадлежит идея о том, что значения слов в языке мыслятся лишь в противопоставлении одно другому. По словам Ю.С. Степанова, это начало оппозитивной, или контрастной, теории значения, основной принцип которой («в языке нет ничего, кроме различий») был гипертрофирован Ф. де Соссюром и которая признавалась единственно возможной во всех направлениях структурализма.

В XVII в. идея философского языка возрождается в трудах целого ряда философов. Так, **Френсис Бэкон** (1561-1626), развивая идею своего предшественника, пытался выявить характер человеческих заблуждений («идолов»), влияющих на правильность человеческого мышления. Среди них он отмечает «идолов рынка», связанных с неправильным употреблением слов естественного языка. Слова суть произвольные знаки понятий. Но слова могут выражать как истинные, так и ложные понятия. В этом недостаток слов естественного языка. Для «правильного» мышления должен быть создан «правильный» искусственный язык, очищенный от всяческих помех, от «неправильных» слов и использующий только «правильные» слова. Иначе говоря, Бэкон видел путь к созданию философского языка через «очищение» естественного языка.

В трактате *О достоинстве и приумножении наук* (1625) Бэкон отмечает, что между языками мира существуют различия, касающиеся не чисто внешней, звуковой формы, а образования слов и построения фразы. По его мнению, эти различия, надлежащим образом изучаемые «философской грамматикой», должны быть связаны с различиями в «гении» народов.

Несколько позднее Джон Локк (1632—1704) указывал, что если сравнить различные языки, то станет очевидным, что они обнаруживают глубокие различия прежде всего в области общих идей. «Связи между словами и вещами не являются универсальными;

познание вещей, если оно стремится к универсальной значимости, обязательно должно отрываться от слов конкретного языка». Таким образом, как отметил Т. де Мауро, еще за целый век до Гумбольдта многие осмысливали язык в «гумбольдтианских» терминах.

Томас Гоббс (1588—1679) рассматривал процесс научного мышления как своеобразное исчисление понятий. При этом понятия могут быть как простыми (элементарными), так и сложными. Последние получаются в результате сложения простых понятий. Так, понятие «человек» есть результат сложения понятий «тело», «одушевленное» и «разумное»; понятие «планета» = «небесное тело» + «светящее отраженным светом». Главная задача — выявить элементарные понятия.

Рене Декарт (1596—1650) полагал, что все исходные, элементарные понятия можно расположить в определенном порядке подобно **естественному ряду чисел**. Как известно, все бесконечное разнообразие чисел получается в результате комбинаций всего лишь десяти **цифр**. При этом очевидно, что можно научиться за **один день** называть **все числа** на любом иностранном языке. Точно так же вся система понятий может быть сведена к незначительному числу элементарных, далее неразложимых понятий. Нужно лишь найти эти понятия и установить правила исчисления **всех понятий** подобно исчислению математических чисел. Истинная философия может перечислить **все мысли** и расположить их **в определенном порядке**. Все зависит лишь от нахождения элементарных понятий. В результате применения определенных **формальных операций** по определенным правилам можно получить **выводные знания**, истинность которых гарантируется философским характером языка. Иными словами, философский язык рассматривался как результат построения совершенной философской картины мира. По своему же устройству такой язык предполагался предельно простым. Он должен иметь **один** способ спряжения, **один** способ склонения и **единый** способ словообразования. В нем не должно быть неправильных слов и исключений. Все словообразовательные элементы должны быть помещены в словарь. Пользуясь таким словарем, можно в течение шести месяцев свободно овладеть этим языком. (Как известно, на подобных принципах был создан искусственный язык *эсперанто*.)

В целом можно сказать, что первоначально идея универсального философского языка имела, как отмечалось, скорее умозрительный характер: философы больше были заняты выявлением принципов Построения такого языка, а не практическим его созданием. Ближе всех к осуществлению практических целей подошел **Исаак Ньютон** (1643—1727). Его проект языка выгодно отличается от всех других, по словам В.А. Успенского, своей «лингвистичностью»: в нем постоянно Присутствует «точка зрения говорящего», а завершающий раздел перекликается с современными исследованиями по семиотике текста.

Рукопись работы Ньютона была утеряна и увидела свет лишь в 1957 г. На русский язык она была переведена Л.В. Кнориной. Вот как начинается Ньютон свою работу: «Диалекты отдельных языков так сильно различаются, что всеобщий Язык не может быть выведен из них столь верно, как из природы самих вещей, которая едина для всех народов и на основе которой весь Язык был создан вначале. Система бытия построена из отдельных субстанции (духов и тел), каждая из которых находится в том или ином положении, состоянии или кон-диции. Использование языка в том и состоит, что один человек может обозначить для другого, в каком состоянии та или иная субстанция есть, была, будет, может быть, должна быть, желаемая быть, побуждаема быть и т.д. Этого достаточно в качестве вступления к тому, что последует». А далее следует описание букв и их основных сочетаний. Затем предлагается составить для каждого языка по два алфавитных двуязычных словаря, например, англо-универсальный и универсально-английский.

В универсальном языке удобнее сделать так, чтобы вещи одного сорта начинались с одной и той же буквы, например инструменты — с *s*, животные — с *t*, страсти души — с *b* и т.д. Путем префиксации можно выражать разные степени свойства вещи: «Пусть *tor* обозначает вещь, которая горячая, холодная или теплая. Тогда *utor* — горячо,

owtor — чрезвычайно горячо, *oewtor* — очень горячо, *awtor* — умеренно горячо, *ewtor* — очень мало горячо, *iwtor* — чрезвычайно мало горячо, *etor* — тепло, *iytor* — чрезвычайно мало холодно, *eytor* — очень мало холодно, *aytor* — умеренно холодно, *oeytor* — очень холодно, *oytor* — чрезвычайно холодно, *itor* — холодно, *ator* — ни очень горячо, ни очень холодно, *oetor* — умеренно горячо или умеренно холодно, *otor* — очень горячо или очень холодно». Аналогичными способами можно выразить причины и аспекты действий и состояний, время пребывания в состоянии, разнообразные модальные оттенки и т.п. В заключение приводятся соображения о наиболее рациональном порядке слов в предложении.

Переводчик отмечает, что «по сравнению со своими современниками Ньютон в большей степени опирается на традиционную грамматику и развивает логико-философское осмысление основных понятий и принципов их языкового отражения. И в меньшей степени он ориентируется на какую-либо определенную установку своего времени. При этом его отбор универсальных грамматических категорий, чрезвычайно детальная разработка систем их значений, отбор отражаемых в грамматике элементов семантики (словаря и синтаксиса) и функциональной перспективы (в частности, установок говорящего), по-видимому, оригинальны. От других проектов работа Ньютона отличается и лаконичной, четкой подачей материала, способствующей представлению о грамматике как цельной системе».

Исследования **Готфрида Вильгельма Лейбница** (1646—1716), связанные с разработкой абстрактного математического языка, легли в основу современной математической логики — универсального семантического языка. В отличие от естественного в философском языке вместо слов используются специальные символы. При этом Лейбниц, как и Декарт, полагал, что подобно тому, как цифры и другие математические знаки служат лишь инструментами вычисления, философский язык должен быть инструментом создания философской картины мира.

В отличие от названных предшественников Лейбниц проявлял большой интерес к конкретным языкам как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Вот круг проблем, которыми так или иначе занимался немецкий ученый: 1) родство языков, 2) сравнительное изучение языков, 3) изучение живых языков и диалектов, 4) создание всемирного алфавита на базе латинского, 5) этимология, 6) составление языковой карты мира, 7) применение точных методов в исследовании языка, 8) создание искусственного международного языка.

Таковы основные моменты, связанные с проблемой «философского» языка.

Что касается лингвистического направления теоретических исследований языка, то оно представлено известной *Грамматикой Пор-Рояля*, написанной в 1660 г. двумя учеными — логиком и фило-софом **Антуаном Арно** (1612—1694) и грамматиком Клодом **Лансло** (1615—1695) из аббатства Пор-Рояль под Парижем, крупнейшего научного центра XVII в. Авторы объясняют, почему грамматика может быть как «общей и рациональной», так и частной, конкретной, а логика — нет. Грамматика как искусство говорить различна для разных языков, однако при этом во всех языках есть нечто общее, что и является предметом «общей и рациональной грамматики». В логике такого противопоставления сделать нельзя, поскольку «искусство мыслить» является общечеловеческим, независимым от того, на каком языке говорит и думает человек. Если логика для всех людей одна, то и грамматика должна быть одна. Она не может быть грамматикой какого-либо отдельного языка, а лишь всеобщей. Для выявления универсальных моментов, которые обязательны во всех конкретных языках, авторы используют в основном факты французского, привлекаемая для сравнения примеры из древнегреческого, латинского, древнееврейского, испанского, итальянского, английского и немецкого языков.

Полное название работы выглядит так: *Всеобщая и рациональная грамматика, содержащая основы искусства речи, изложенные ясно и естественно; рациональные основания того, что является общим для всех языков, как и главных различий между ними; а также*

многочисленные замечания о французском языке.

Граматику авторы определяют следующим образом: «Грамматика — это искусство говорить. Говорить — значит выражать свои мысли знаками, которые люди придумали для этой цели».

В первой части *Грамматики* даются общие определения и рассматриваются звуки и буквы. Авторы отмечают, «что наиболее удобными знаками являются звуки человеческого голоса. Но звуки преходящи, и для того чтобы продлить их существование и сделать видимыми, придумали другие знаки, а именно знаки письма». В этом плане язык, отмечают авторы, представляет собой «чудесное изобретение, благодаря которому из 25 или 30 букв создается бесконечное разнообразие слов».

Вторая часть работы посвящена слову, которое определяется как то, «что произносится раздельно и пишется раздельно». Мы не будем подробно рассматривать все разделы, поскольку эта грамматика достаточно подробно описывается в учебниках. Укажем лишь основные особенности. Все слова подразделяются на две группы: одни служат для обозначения предметов мысли, другие «показывают, как мысль протекает». Здесь имеется в виду прежде всего глагол. Однако для выражения суждения необходим еще и третий элемент — связка: *Земля есть круглая*. Таким образом, структура суждения включает субъект, связку и атрибут. Особенность глагола заключается в том, что он «способен обозначить утверждение», поскольку в нем происходит соединение связки с атрибутом: *Петр живет* эквивалентно *Петр есть живущий*.

Для обозначения предметов мысли служат имена, артикли, местоимения, предлоги и наречия, для выражения «формы и способа» мысли — глаголы, союзы и междометия. Безличных глаголов, по мнению авторов, не существует: все они — личные. Инфинитив, герундий и супин — разновидности имени, причастие — это прилагательное.

Особый интерес представляет анализ предложений, содержащих «несколько суждений, каждое из которых можно превратить в отдельное суждение». Так, предложение *Невидимый Бог создал видимый мир* по содержанию эквивалентно трем предложениям: *Бог — невидим; Он создал мир; Мир — видим*. «Из этих трех предложений главное — второе: именно оно содержит самое существенное в рассматриваемом предложении, а первое и третье всего лишь привходящи, т.е. являются частями главного: первое входит в его субъект, а последнее — в атрибут». (Здесь очевиден прообраз базисных и интродуктивных предложений трансформационной грамматики.)

Синтаксису посвящена лишь последняя глава второй части. В ней указывается, что «связывание слов подразделяется на согласование, при котором слова должны быть согласованы друг с другом, и управление, при котором одно из двух слов вызывает изменение в другом». Далее приводятся несколько общих правил, которым следует большинство языков (и которые очень напоминают правила эллипсиса, данные Санчесом):

1. «Никогда не встречается именительный падеж, который не был бы соотнесен с каким-либо глаголом, выраженным в речи или подразумеваемым»;
2. «Также не бывает глагола, который не имел бы своего именительного, выраженного в речи или подразумеваемого»;
3. «Не может быть прилагательного, которое не было бы соотнесено с существительным»;
4. «Никогда не бывает в речи родительного падежа, который не управлялся бы другим именем».

В заключение отмечается, что сказанного о синтаксисе вполне достаточно для понимания его «естественного порядка, при котором все части высказывания выражены просто и нет ни одного лишнего или недостающего слова, а их взаимное расположение соответствует естественному течению наших мыслей». Однако в речи люди часто отступают от этого «естественного порядка», используя разнообразные фигуры.

Сравнивая между собой две универсальные грамматики, можно отметить следующее. Если для Санчеса главное в грамматике — это синтаксис, т.е. предложение и

образующие его части речи, то Арно и Лансло включают в грамматику также фонетику, словообразование и морфологию. Синтаксис в *Грамматике Пор-Рояля* занимает весьма незначительное место, а основная часть работы посвящена частям речи. Санчес, исследуя грамматику литературного языка, стремится представить его **логическую** основу, которая, по его мнению, является основой **любого** конкретного языка. Иначе говоря, метод анализа, используемый Санчесом, — дедуктивный. Авторы *Грамматики Пор-Рояля* используют метод индукции — анализируя разные конкретные языки, они пытаются выявить те общие закономерности, которые встречаются в этих языках, и считают, что найденные закономерности являются общими для всех языков. Основным недостатком индуктивного метода заключается в том, что индукция по возможности должна быть **полной**. В отношении *Грамматики Пор-Рояля* этого сказать нельзя. Ж. Мунен упрекает Арно и Лансло в ограниченности списка используемых языков: это прежде всего латинский, французский, греческий и древнегреческий; немецкий упоминается два или три раза, так же как испанский и итальянский; один раз встречается валлонский пример. В этом смысле французский невольно оказывается в привилегированном положении. Мунен критикует авторов *Грамматики Пор-Рояля* за то, что они не использовали такие языки, как польский, венгерский, турецкий, арабский и т.д., которые уже были к тому времени описаны. Следовательно, собственно универсальной *Грамматику Пор-Рояля* назвать вряд ли можно. Это скорее характерологическое описание французского языка в сопоставлении, с одной стороны, с логической структурой, а с другой — с некоторыми языками.

Т. де Мауро отмечает, что во Франции XVII в. аристотелевская логическая концепция языка нашла поддержку у такого авторитетного философа, как Декарт. А потому понятно, почему *Общая и рациональная грамматика Пор-Рояля* была написана в декартовском и аристотелевском духе: «в ней буквально по пунктам повторяется тезис о том, что языковые, и особенно синтаксические формы и категории, непосредственно связаны с понятиями и категориями логического, универсального характера».

Тем не менее *Грамматика Пор-Рояля*, по словам Б.А. Ольховикова, «имела огромный успех и служила непререкаемым авторитетом в течение 50 лет. В Европе ее влияние было так велико, и она настолько опередила свое время, что на протяжении этого периода не появилось ни одной общей грамматики, ни одного языковедческого или философского труда, которые как-то по-иному ставили бы вопросы, относящиеся к общей теории языка... *Грамматика Пор-Рояля* создала предпосылки для сравнительного языкознания». С другой стороны, Ж. Мунен считает, что *Грамматика Пор-Рояля* надолго затормозила развитие лингвистической мысли, несмотря на то, что о ней восхищенно отзывался Соссюр, а Хомский считает ее предшественницей своей трансформационной грамматики.

Помимо многочисленных комментариев к *Грамматике Пор-Рояля* написан и ряд работ, в которых идеи Арно и Лансло получают дальнейшее развитие. Так, в 1751 г. появляется работа Джеймса Хэрриса (1709—1786) *Гермес, или философское исследование общей грамматики*, которую считают наиболее исчерпывающей философской грамматикой XVIII в. в Англии. Д. Хэррис полагает, что теория языка зависит от теории разума. «Разум, как и другие способности, может быть познан лишь через его действие» и только через логический анализ или «наблюдение за разумом в процессе его действия». Однако помимо универсально-логической, рациональной основы языка говорится и о его **социальной** основе. При этом Хэррис опирается не только на чисто рациональные принципы, на разум, но и на **восприятие**. Основной единицей постулируется **период**, или предложение, от которого, через анализ значения, осуществляется переход к частям речи. Число предложений может быть сведено к некоторому конечному числу классов. Предложения делятся на слова, подразделяющиеся на два класса: субстанции и атрибуты. Первичными элементами языка являются звуки, комбинации которых дают слоги, а комбинации последних — слова; правильные комбинации слов образуют предложение, а правильные

комбинации предложений — период. В основе значения лежит установление соответствия между словом и действительностью.

Отмечается, что не все универсальные грамматические категории находят свое выражение в каждом языке — в разных языках имеются, как сказали бы нынешние типологи, «незаполненные клетки». Рассматриваются способы выражения одного и того же универсального грамматического значения разными средствами разных уровней языка. Атак как наборы таких средств в разных языках различны, то каждый язык представляет собой совокупность, с одной стороны, общих, универсальных понятий, а с другой — специфических (идиоэтнических). Именно последние и образуют **гений** каждого конкретного языка.

Тема: Зарождение сравнительно-исторического языкознания.

Первый период сравнительно-исторического языкознания:

Ф. Бопп, Р. Раск, Я. Гримм, А.Х. Востоков

В отличие от XVII в., который был веком логики и рационализма, XVIII в. характеризуется становлением идей психологии. К этому следует добавить, что XVIII в. — это век, предшествовавший развитию сравнительно-исторического языкознания, век становления историзма. В эту эпоху, по наблюдениям, Ж. Мунена, о языке пишут все: поэты, философы, политики, экономисты.

Собственно сравнительно-историческое языкознание как таковое появилось не сразу, а в два этапа: первоначально внимание исследователей было направлено на сравнение языков, на установление близости между некоторыми из них. При этом следует отметить определенную роль *Библии* в развитии этого направления. Так, библейская история о строительстве Вавилонской башни дала повод считать, что первым языком человечества был древнееврейский, а все остальные языки произошли в результате искажений этого языка. История о потопе натолкнула на мысль, что языки потомков Ноя находились между собой в родственных отношениях, как и сами потомки.

Под влиянием авторитета *Библии* мыслители исходили из того, что не только все языки произошли от одного, но и что этот первоначальный язык был еврейским. Расмус Раск так отзывался об этой теории: «Не приходится удивляться тому, что это так хорошо удавалось, так как уже с самого начала в этом были так уверены». В. Томсен говорит о массе трудов XVII—XVIII вв., которые или основываются на этом убеждении, или непосредственно стремятся к тому, чтобы доказать его правильность. Одной из наиболее подробных и самых характерных работ этого направления является работа **Этьена Гишара** (перв. половина XVII в.) *Этимологическая гармония языков* (1606 г.). Однако М. Мюллер указывает, что Гишар соединяет еврейский, халдейский и сирийский языки в один класс языков и, кроме того, делает различие между романскими и тевтонскими языками. Мюллер говорит о том, что первым, кто действительно одолел предрассудок, будто еврейский язык есть источник всех языков, был Лейбниц.

Как уже говорилось, сравнительным изучением тюркских языков занимался еще в XI в. Махмуд Кашгарский.

В Новую эпоху, в 1538 г., появляется труд **Гвильельма Постелиуса** (1510—1581) *О родстве языков*; в 1548 г. — труд **Теодора Библиандера** *Об общих связях всех языков*; в 1555 г. — работа Конрада Геснера *Митридат*.

Постелиус предлагает первую типологию языков, противопоставляя языки «грамматические» (греческий и латинский) языкам «натуральным», или «природным» (древнееврейскому и другим семитским). Он считал, что из этих языков греческий и латинский заимствовали флексии. Библиандер, знакомый с древнееврейским и польским языками, полагал, что они грамматически так же организованы, как и греческий, и латинский. Он, как и Постелиус, отрицательно относился к мнению о том, что некоторые языки не имеют никакой грамматики.

В 1599 г. выходит работа французского и голландского ученого Иосифа Юстуса

(Жозефа Жюста) Скалигера *Рассуждения о языках европейцев*. В ней, по словам В. Томсена, «мы находим первую попытку группировки всех европейских языков — попытку, которая при всей своей краткости обладает поразительной ясностью и полнотой». Исследуемые языки объединяются в одиннадцать групп — четыре больших и семь малых. Объединение в большие группы происходит на основании того, как в языках произносится слово *Бог*: латинская (*Deus*), греческая (*Theos*), тевтонская (*Godt*) и славянская (*Богъ*). Семь малых групп представлены албанским, татарским, венгерским, финским, ирландским, кимрским (бриттским) и баскским языками.

Литовский ученый Михало Литуанус в книге *Об обычаях литовцев* (1615 г.) приводит около ста слов, сходных в литовском и латинском языках. Историк Прибалтики Келх в *Истории Лифляндии* говорит о родстве финнов, эстонцев и ливов.

К концу первой половины XVII в. была установлена тесная связь между древнееврейским и арабским языками.

Как уже отмечалось, немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц проявлял большой интерес к проблемам языка и языков. М. Мюллер считает, что Лейбниц «первый применил принцип здравого индуктивного умозаключения к предмету, о котором до него рассуждали совершенно наудачу. Он указал на необходимость главным образом собрать как можно большее число фактов. Он воззвал к миссионерам, путешественникам, посланникам, князьям и государям о помощи ему в деле, которое он так сильно желал исполнить».

По словам Мауро, Лейбниц на точных и убедительных примерах показывает, что в разных языках синтаксические конструкции и организация морфологической системы не совпадают. В связи с этим Лейбниц приходит к выводу, что у каждого языка своя «особая физиономия» не только в звуковом, но и синтаксическом и семантическом аспектах. В отличие от Аристотеля для Лейбница каждый язык предстает отнюдь не просто в виде звуковой оболочки, прикрывающей каркас универсальных понятий и категорий, «одинаковый для всех»; каждый язык — это некий инструмент, позволяющий по-иному разложить содержание опыта на дискретные понятия, концепты и категории. Поэтому говорение не является лишь пассивной регистрацией опыта, это средство формирования самого опыта, составляющего содержание говорения. В этом плане мнение немецкого философа о том, что язык не только отражает историю народа, но и способен обуславливать его мировоззрение, совпадает со взглядами Локка и Вико.

Лейбниц считал, что наличие общих корней в греческом, латинском, германских и кельтских языках говорит об их родстве и общем происхождении. Все известные ему языки он подразделял на две основные группы: **арамейские** (семитские) и **яфетические**. В последних он выделял две подгруппы: **скифскую** (финский, тюркские, монгольские, славянские) и **кельтскую** (западноевропейские).

Голландец **Ламберт тен Кате** в своем *Введении в изучение благородной части нижнегерманского языка* (1723 г.) проводит сравнение готского, немецкого, голландского, англосаксонского и исландского языков.

М.В. Ломоносов в *Материалах по русской грамматике* (1755 г.) говорит о родстве русского, латышского, греческого, латинского и немецкого языков и высказывает мысль о том, что родственные языки возникают в результате распада некоего более древнего языка.

Основы систематического сравнительного исследования славянских языков в 1791—1792 гг. заложил чешский лингвист **Йозеф Добровский** (1753—1829), положивший начало славянской филологии своей работой *Основы древнего наречия славянского языка* (1822).

Огромное значение в развитии сравнительного языкознания имело «открытие» европейцами санскрита, в котором было обнаружено поразившее всех большое сходство с европейскими языками. Первые сведения о санскрите — это свидетельства купцов и путешественников, побывавших в Индии. В 1767 г. французский священник **Керду** предста-

вил Французской академии письменный доклад, в котором указал на сходство латинского языка и санскрита и выразил мнение о том, что они произошли из одного общего языка, который более не существует. Доклад был оставлен без внимания (опубликован лишь в 1808 г.).

В 1786 г. английский востоковед **Уильям Джоунз** (1746—1794), служивший в Бенгалии верховным судьей, основавший Азиатское общество для исследования языков и культуры Индии, сделал на заседании этого общества доклад *Азиатские исследования*, в котором отметил: «Санскритский язык при всей своей древности обладает изумительным строем. Он совершеннее греческого, богаче латинского и утонченнее обоих, в то же время он обнаруживает столь близкое родство с греческим и латинским языками как в глагольных корнях, так и в грамматических формах, что оно не могло сложиться случайно; родство это так поразительно, что ни один филолог, который желал бы эти языки исследовать, не сможет не поверить, что все они возникли из одного источника, которого, быть может, уже не существует. Имеется сходное, хотя и не столь убедительное основание полагать, что готский и кельтский языки, хотя они и смешаны с совсем другими диалектами, произошли от того же источника; к этой же семье языков можно было бы причислить и древнеперсидский язык».

Джоунз не доказывал своих предположений с помощью анализа языковых форм, поэтому его нельзя считать основоположником сравнительно-исторического языкознания. Однако его мысль о родстве языков и их общем происхождении была принята учеными. Начинают выходить в свет многочисленные грамматики санскрита.

Идея историзма вошла в лингвистическое сознание лишь в XVIII в. До этого времени язык считался неизменным. Новый взгляд на язык связывается с появлением в 1725 г. работы **Джамбатиста Вико** (1668—1744) *Новая наука*, в которой высказывается идея круговорота развития общества по трем циклам, состоящим из трех эпох: божественной (безгосударственной), героической (аристократическое государство) и человеческой (демократическая республика или монархия). Ж. Мунен считает *Новую науку* первой работой о теории происхождения языка. Согласно Вико, сначала появились звукоподражания, затем междометия, а затем — частицы, которые предшествовали образованию имен и глаголов. Три эпохи развития общества определяют и три этапа развития языка. Первый этап — «язык богов», необходимый в период, когда люди еще не умели пользоваться речью. Второй этап — «героический, или поэтический», язык, также еще немой, но он мог быть уже письменным. Третий этап — «эпистолярный» язык — язык масс, который служил практическому общению.

Вико, как отмечает Мауро, отстаивает мысль, что ошибочно усматривать в языках отражение универсальных категорий и понятии, о которых говорят аристотелики и рационалисты (о категориях и понятиях, которые предшествуют человеческой деятельности). Он считает такую концепцию «очень наивной»; она не в состоянии учесть и объяснить все те «бесконечные частности» каждого языка, которые не поддаются логическому анализу грамматистов рационалистического и аристотелевского толка. Языки возникли задолго до того, как люди «смогли посещать школу Аристотеля»; знание, выраженное с помощью этих языков, не может быть рациональным, логическим и научным. Напротив, это донаучный, не рациональный способ группировки действий и предметов, их выделения и классификации с помощью слов, основанный на воображении и фантазии. Поэтому анализ языков, проводимый склонными к логицизму грамматистами, которые стремятся проверить язык одной-единственной логикой, «логикой конкретного философа» — Аристотеля, является ошибочным. И даже когда языки становятся орудием рационального, научного познания, в них неизбежно сохраняется древний, традиционный фонд, который по-разному комбинируется с новыми функциями. Каждому языку присущ свой особый «гений», обусловленный историей соответствующей нации.

Появляется целый ряд работ, посвященных происхождению и развитию языка, авторы которых — известные философы XVIII в.: **Жан Жак Руссо** (1712-1778), **Дени Дидро**

(1713-1784), В.Г. Лейбниц (теории происхождения языка рассматриваются обычно в курсе «Введение в языкознание»).

Известный интерес представляет концепция Иоганна Кристофа Аделунга, изложенная в работе современного немецкого лингвиста Х. Шмидта *Живой язык* (1986 г.). Автор отмечает, что Аделунг сыграл определенную роль в процессе перехода от нормативной грамматики к исторической. Он подчеркивал тесную связь языка с духовной жизнью народа, выразителем которой и является язык. В этом плане важно изучать не только общие, но и индивидуальные языковые закономерности. Аделунг рассматривает язык как живое существо, которое проходит детство, зрелые годы и дряхление. Язык что-то «ощущает», к чему-то «стремится», чего-то «избегает» и т.п. Все это свидетельствует о неудовлетворенности механистическими концепциями языка. Понятие организма олицетворяет нечто целое, свойства которого не могут быть объяснены как сумма свойств его частей. «Органистическая» концепция Аделунга получила дальнейшее развитие в работах Шлегелей, Гумбольдта, Шлейхера.

В 1759 г. английский социолог и экономист **Адам Смит** (1723—1790) опубликовал трактат *О первоначальном формировании языков и различии духовного склада исконных и смешанных языков*. Судьба этой работы сходна с историей грамматики Ф. Санчеса: до последнего времени она была не известна широкому кругу лингвистов. «Открыл» ее **Соломон Давидович Кацнельсон** (1907—1985), который и отметил ее существенный вклад в науку о языке.

А. Смит излагал свой оригинальный взгляд на происхождение и развитие языка. Он считал, что первыми «словами» человеческого языка были обозначения не отдельных предметов, а **целостных событий**. Позднее эти события стали разлагаться на составляющие их элементы, в результате чего появились «настоящие» слова, вычленимые из обозначения целостного события, которое теперь уже становится сложным. В связи с этим происходит разделение функций между словами и образование частей речи. Этим отвергалось наивное представление о том, что слова представляют собой номенклатуру наименований, соответствующих такому же количеству вещей.

Большую роль в развитии языков А. Смит придавал процессу смешения, в результате которого происходил переход от флективных (синтетических) языков к аналитическим.

В 1772 г. выходит работа **Иоганна Готфрида Гердера** (1744—1803), одного из лидеров немецкого движения «Буря и натиск» в 1770-х гг., *Исследование о происхождении языка* (ее обычно считают первой исторической теорией языка), в которой излагается идея естественного происхождения и развития языка.

Как и Кондильяк, Гердер считал, что язык не дан Богом, а создан человеком в процессе взаимодействия жестов и естественных рефлекторных выкриков, которые развились в нерегулярные высказывания, а затем — в поэзию. Возникновение языка не случайно, это закономерное явление в развитии человека: происхождение языка свойственно человеческой природе. Звуковой язык человека является порождением самого человека, орудием, которое он создал для реализации своих внутренних потребностей, выражения своей глубинной природы.

Однако вместо схемы, предложенной Кондильяком, Гердер предлагает специфически человеческое свойство «рефлексии», которая компенсирует слабости человеческих инстинктов. Сознание позволяет человеку, в отличие от животного, быть свободным от инстинкта, от прямого влияния внешней среды. Именно это и позволило ему стать «человеком разумным». Человек обладает способностью созерцания, наблюдения и сравнения, в результате чего он может выделить наиболее существенные, важнейшие признаки и идентифицировать предмет на основе выбора одного из многих свойств, характеризующих его. Например, ягненок идентифицируется по его бляению; видя ягненка вновь, человек мысленно воспроизводит бляение. Этого уже вполне достаточно для установления языка, даже в отсутствие слушающего. То, что слышит слушающий, — это не рефлектор-

ный звук, но это и не просто имитация. Далее Гердер рассуждает о жестовом компоненте языка и о взаимном усилении языка и мышления.

Язык и мышление неразрывны: благодаря языку люди научились мыслить, а благодаря мышлению — научились говорить. Язык появляется как необходимое условие и инструмент для конкретизации, формирования и выражения мысли. Человеческое познание возможно только через посредство языка. В намеренном акте наименования (обозначения) происходит объединение ощущения, индивидуального разума и предмета. То, что ранее воспринималось смутно и неосознанно, получает эксплицитное выражение. В слове происходит взаимопроникновение ощущения и сознания, и причина этого есть слово, которое одновременно является и звуком, и значением. Узнавание предмета по выделенному признаку также используется как начальная ступень идентификации в мысленном процессе. Параллельно происходит усложнение восприятий идентичности, качества и действия в процессе появления существительных, прилагательных и глаголов.

Первоначально появляются слова, обозначающие конкретные предметы, а на их основе — общие понятия. А поскольку каждое именование (обозначение) включает и эмоциональное отношение к обозначаемому, каждое слово и язык в целом отражают специфику мировидения того, кто пользуется данным языком. Структура языка есть истинное отражение человеческой природы, духа народа. Вместе с развитием человека развивается и его язык.

Язык представляет собой силу, объединяющую все человечество, связывающую отдельные народы. В проявлениях языка воплощаются как отдельный народ, так и все человечество. Своеобразие языков Гердер объясняет тем, что именно в них отражается дух народа. Взгляды Гердера на язык как на ключ к проблеме национального характера говорящих на нем, тоже предвосхищенные Кондильяком, часто рассматриваются как источник идей Гумбольдта.

Большой интерес Гердер проявлял к изучению родного языка, фольклора, народных песен. В 1778—1779 гг. он издал *Старые народные песни*.

Идеи Вико и Гердера получили дальнейшее развитие в романтическом направлении, представители которого проявляли большой интерес к античности и средневековью, а особенно к проблемам истории возникновения и развития национальной культуры, происхождения народов, поискам «пранарода» и «праязыка». Определенный вклад в развитие романтизма внесли и братья **Гримм** — **Вильгельм** (1786—1859) и **Якоб** (1785—1863) своими *Сказками*. Почти все лингвисты XIX в. принадлежали к этому направлению. Особо следует отметить деятельность братьев **Августа Вильгельма фон Шлегеля** (1767—1845) и **Фридриха фон Шлегеля** (1772—1829). В 1808 г. выходит работа Ф. фон Шлегеля *О языке и мудрости индийцев*, которая приобрела широкую известность и стала манифестом романтизма, а также послужила основой лингвистических концепций первой половины XIX в., оказав большое влияние на развитие как сравнительно-исторического, так и типологического языкознания в XIX в.

Ф. фон Шлегель указал на родство санскрита с латинским, греческим, германскими и персидским языками не только по составу корней, но и по грамматическим формам. Это свидетельствовало, по мнению Шлегеля, о том, что все индоевропейские языки произошли от санскрита. В его работе впервые использовались термины «индогерманские языки» и «сравнительная грамматика». А предложение Шлегеля использовать для выявления генетического родства сравнение грамматических форм, хотя и не было принципиально новым, имело большое влияние на дальнейшее развитие лингвистических исследований. Так, его идея исследовать систему спряжения санскрита в сравнении с системами спряжения других языков, возможно, подсказала Боппу направление работы; эволюционистских взглядов Шлегеля на язык придерживался Гримм в своем историческом рассмотрении языка; а классификация языков Шлегеля в соответствии с их морфологической структурой положила начало целой исследовательской программе.

Ф. фон Шлегель считал, что индогерманские языки появились сразу в состоянии

наивысшего совершенства, а все их дальнейшее развитие заключалось лишь в разрушении первоначальной гармонии.

Ф. фон Шлегелю принадлежит первая типологическая классификация языков, которые он делил на два типа: 1) органические, или флективные; 2) аффиксальные (агглютинирующие). Кстати, ему же принадлежит и сам термин «флексия», который первоначально обозначал явление чередования (аблаут). Флективные языки — это высший тип языков, в которых органически (изнутри) происходит связь формы и содержания. В противоположность им аффиксальные языки характеризуются лишь механическим взаимодействием формы и содержания.

Ф. Шлегель считал, что языковые контакты и заимствования затрудняют идентификацию всех «санскритских» языков.

С. Тимпанаро отмечает, что, когда Ф. Шлегель рассматривал проблемы изменений и смешений языков, он предвосхитил теорию субстрата, связываемую обычно с именем Асколи. А по мнению Е. Кёрнера, Ф. Шлегель, несомненно, занимает место среди «отцов-основателей» сравнительной индоевропейской грамматики, а не только является интересным «филологическим подстрекателем».

Немецкий историк лингвистики Ганс Аренс называет Фридриха Шлегеля «апостолом и основоположником» научного языкознания. «Апостолом» его делали идеи, которые он отстаивал, а «основоположником» — те факты, которые он привлекал для их обоснования, и та методика, с помощью которой он отбирал и упорядочивал эти факты. Именно к Шлегелю восходит положение о том, что внешнее сходство между парами слов различных языков не является достаточным доказательством общего происхождения этих языков. Они могут признаваться таковыми только тогда, когда устанавливаются регулярные фонетические соответствия, а лексические сближения подкрепляются соответствиями в грамматике, ибо структуру языка составляет его морфолого-синтаксическая система.

Август Шлегель — выдающийся деятель романтического движения в Германии, которому удалось превратить первоначальный общий интерес к иностранным культурам, языкам и литературе в систематические научные исследования. Его наиболее значительный вклад в исследование языка лежит в области типологии языков и разработки метода.

В 1798 г. он обратил внимание на различие между аналитическими и синтетическими языками. Создав термин «сравнительная грамматика», он открыл направление для лингвистических теорий своего брата Фридриха и внес значительный вклад в теоретическое развитие сравнительного языкознания.

Он уточнил классификацию языков, предложенную Фридрихом, выделив еще один тип языков — «без грамматической структуры», т.е. изолирующие, или аморфные, языки, и предложил различать три типа языков: языки без грамматической структуры (формы), языки, использующие аффиксы, и флективные языки.

Появляются работы сравнительно-исторического и теоретического характера и в России:

Герасим Степанович Лебедев (1749—1817) — *Беспристрастное созерцание систем восточных индийских брагменов, священных обрядов их и народных обычаев* (1811 г.);

Фридрих (Федор Павлович) Аделунг (1768—1843) — *О сходстве и различии между русским языком и санскритом* (1811 г.);

Илья Федорович Тимковский (1772—1853) — *Опытный способ к философическому познанию российского языка* (о родстве русского с греческим, латинским, немецким и кельтскими языками) (1812 г.);

Людвиг Генрихович Якоб (1759—1827) — *Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи*. В последней работе язык рассматривается как «система таких знаков, которые можно по произволу употреблять для сообщения мыслей», а также проводится различие между языком — совокупностью слов как членораздельных звуков и речью — рядом слов, выражающих соединяемые мысли.

Итогом работы в области теоретического языкознания XVIII в. В.А. Звегинцев считает сочинения **А.Ф. Бернарди** (1769—1820) *Учение о языке* (1801—1803 гг.) и *Начальные основы языкознания* (1805 г.), которые «подводят черту под исследовательскими работами целого периода, за которым начинается уже новая эпоха в развитии языкознания». В изучении языка Бернарди выделяет два аспекта: исторический и философский. Возникновение языка обусловлено потребностями разума. Язык развивается в соответствии с определенными законами, но без намеренного, сознательного воздействия человека. По достижении расцвета язык вступает в стадию регресса. Языкознание как «философская грамматика есть наука об абсолютных формах языка». Элементарными формами являются звуки-буквы. Элементарные слова подразделяются на слова-корни, состоящие из абсолютно простого слога, и слова-основы, обладающие чистым значением (без выражения отношений). Слияние этих двух типов слов дало современные слова. Работы Бернарди оказали большое влияние на Ф. Боппа и В. фон Гумбольдта.

Итак, «начало XIX в. в истории языкознания, — пишет В.А. Звегинцев, — проходит под воздействием трех факторов: проникновения исторического взгляда в науку, развития романтического направления и знакомства с санскритом». XIX век — это становление и оформление сравнительно-исторического языкознания. В этот период происходит дальнейшее расширение круга изучаемых языков: в 1822 г. **Жан Франсуа Шампольон** (1790—1832) расшифровал египетские иероглифы, а в 1837—1840 гг. **Георг Фридрих Гротефенд** (1775—1853) расшифровал древнеперсидскую клинопись, обслуживавшую аккадский, эламский, хеттский и халдейский языки.

Начало периода **сравнительно-исторического** языкознания связано с выходом в свет следующих работ:

1816 г. — Франц Бопп — *О системе спряжения санскрита в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков*;

1818 г. — Расмус Раск — *Исследование в области древнесеверного языка, или происхождения исландского языка*;

1819 г. — Якоб Гримм — *Немецкая грамматика*, Т. I;

1820 г. — Александр Христофорович Востоков — *Рассуждение о славянском языке*.

Ученые разных стран почти одновременно пришли к аналогичным, взаимодополняющим выводам, «открыв», таким образом, сравнительно-исторический метод исследования языков. При этом следует отметить, что первым написал свое исследование Р. Раек, но опубликовал он его лишь в 1818 г., поэтому основоположником сравнительно-исторического метода считается Ф. Бопп, а 1816 г. — годом рождения сравнительно-исторического метода.

Мысль о происхождении индоевропейских языков из одного праязыка высказывалась и ранее. Заслуга Боппа заключается в том, что на основе материала родственных языков он сумел построить целую теорию. По выражению А. Мейе, Бопп открыл сравнительно-исторический метод в поисках объяснения индоевропейского праязыка, так же как Колумб открыл Америку в поисках пути в Индию.

Несколько позднее вышел еще ряд работ сравнительно-исторического характера:

1833—1852 гг. — Ф. Бопп *Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого* (3 тома);

1837 г. — Я. Гримм *Немецкая грамматика* (4 тома).

1848 г. — Я. Гримм *История немецкого языка*.

Франц Бопп (1791—1867) — немецкий языковед и санскритолог, профессор Берлинского университета. В результате сравнения глагольных окончаний рассматриваемых языков Бопп показал, что формы эти — общие, что указывает на общее происхождение данных языков. Ср., например, формы глагола *быть* в следующих языках.

Бопп установил, что в индоевропейских языках существуют не только отдельные сходные явления, но они образуют целый комплекс соответствий — **единую граммати-**

ческую систему. Однако главная задача его исследования не просто в установлении соответствий, а в том, чтобы найти объяснения формам одного языка с помощью фактов другого языка (других языков). В этом — новизна подхода Боппа, в этом — основы сравнительно-исторического метода. Семью исследуемых языков он назвал «индоевропейские языки».

Основной работой Боппа является его *Сравнительная грамматика*, в предисловии к которой провозглашается, как отметил Ж. Мунен, новая нарождающаяся лингвистика, что позволяет противопоставить Боппа всей традиционной филологии: «Языки, которые изучаются в этой работе, исследуются ради них самих, т.е. как объект, а не как метод познания». В этом нельзя не увидеть прообраз заключительной фразы *Курса* Ф. де Соссюра. На книге Боппа воспитывались целые поколения лингвистов разных стран.

Наиболее разработанной частью *Грамматики* является морфология. Находясь под большим влиянием индийской грамматики, особое внимание Бопп уделял корню. Он считал, что слова индоевропейских языков произошли из двух типов корней — глагольных, от которых образовались глаголы и имена, и местоименных, от которых образовались личные окончания глаголов и служебные части речи. Весь механизм языка можно представить в виде взаимодействия 600—700 глагольных корней и небольшого числа местоименных корней. Эта идея получила название **теории агглютинации**.

С теорией корня связана и классификация языков, которые Бопп делит на:

- 1) языки без настоящих корней (без грамматики) — китайский;
- 2) языки с односложными корнями, способными к соединению, — индоевропейские;
- 3) языки с двусложными (трехсложными) корнями, изменения в которых происходят путем внутренней модификации корня, — семитские. Семитские языки Бопп отделяет от флективных.

Бопповская схема морфологических соответствий представляет собой основу для дальнейшей разработки сравнительной грамматики индоевропейских языков (и не только индоевропейских). Таким образом, Бопп является основоположником теории научного метода лингвистических исследований.

Расмус Раск (1787— 1832) — датский языковед, профессор Копенгагенского университета, автор многочисленных грамматик — испанского, итальянского, фризского, древнеанглийского, шведского и других языков (владел 25 языками). В. Томсен отмечает, что эти грамматики построены по системе, которую Раек сам придумал и которую он всюду пытался провести. По многим другим языкам остались его наброски и рукописи. Томсен указывает и на то, что Раек защищал этимологию от той плохой репутации, которую она приобрела. Он рассматривал ее не только как объяснение слова, но и как объяснение языка. Что касается сравнения языков, то Раек считал лексические сопоставления ненадежными — более надежными являются грамматические соответствия.

Язык, по убеждению Раска, есть «предмет природы, и знание его подобно знанию естественной истории, которое предлагает философскому рассмотрению два предмета: 1) **отношения** между отдельными предметами природы, т.е. систему; 2) **построение** этих членов и того, что к ним относится, т.е. физиологию».

По мнению Ж. Мунена, концепцию Раска следует рассматривать до работ Боппа. Роль Раска была понята довольно поздно. Только Л. Ельмслев полностью оценил его вклад в лингвистику.

Уже в первой работе Раска *Руководство по исландскому, или древнесеверному языку* (1811 г.), раньше, чем у Гримма, был сформулирован закон первого передвижения согласных в германских языках. В своей основной работе он доказывал родство германских языков с литовским, славянскими, латинским и греческим. Основной метод его исследования — последовательное сравнение исландского языка с другими языками, благодаря чему устанавливаются степени родства. При сравнении Раск опирался главным образом на выявление грамматических соответствий. Помимо этого учитывалось тождество определенного слоя лексики, а также закономерности звуковых (буквенных) переходов.

Раек показал, что балтийские языки, хотя и имеют много общего со славянскими, составляют отдельную ветвь индоевропейских языков. Он считал, что исландский язык произошел из древнефракийского языка, преемниками которого являются греческий и латинский, и что индийский и персидский языки не могут быть его предками.

В качестве самой большой заслуги Раска Томсен отмечает создание им скандинавской филологии, которая явилась результатом его исследований в области исландского языка, а также и германской филологии в целом.

Следует упомянуть еще одного датского лингвиста — **Якоба Хорнемана Бредсдорфа** (1790—1841). Его основную работу *О причинах звуковых изменений* (1821 г.) О. Есперсен считает самой важной до *Принципов истории языка* Германа Пауля. В работе Бредсдорфа, также до Гримма, описывается первое германское передвижение согласных. Кроме того, Бредсдорф первый обратил внимание на роль аналогии в развитии языка.

Якоб Гримм (1785—1863) — профессор Геттингенского, затем Берлинского университета. Как романтик много занимался изучением памятников литературы и фольклора — известен как составитель (вместе с братом Вильгельмом) сборника народных сказок. Основная заслуга Я. Гримма как лингвиста — создание исторической грамматики и разработка исторического подхода к изучению фонетики родственных языков. Как уже отмечалось, первый том *Немецкой грамматики* вышел в 1819 г. Переработанное издание, которое содержало историческую фонетику германских языков, в том числе и закон о первом передвижении согласных в германских языках, вышло в 1822 г. Все четыре тома увидели свет в 1837 г. Первый том посвящен фонетике, второй — морфологии, третий — словообразованию, а четвертый — синтаксису. Появление *Немецкой грамматики* оказало влияние на развитие лингвистической теории и практики. При этом, в отличие от Боппа и Раска, Гримм проявляет интерес к живым языкам и диалектам. Его можно считать родоначальником немецкой диалектологии. Точно так же можно сказать, что Гримм является и основоположником **исторической** грамматики. *Немецкая грамматика*, как отмечает В. Томсен, по существу вовсе не является грамматикой немецкого языка: «это скорее построенное на исторической основе, изложенное в виде сравнений описание всех как более древних, так и более новых готско-германских языков».

Гримм считает, что человеческий язык возник естественным путем. Его история представляет собой смену двух процессов — возникновение флексии и распад флексии. В общем ходе истории выделяются следующие три периода: 1) становление и рост корней и слов, которые выражают «вещественные» представления, тогда как все отношения передаются с помощью простого следования слов; 2) появление флексий и суффиксов; 3) развитие предлогов и сложных слов. Язык представляет собой вечно изменяющийся организм, ступени развития которого напоминают периоды развития растений.

Большое место в работе Гримма занимает разработка проблемы **аблаута** — начиная от древневерхненемецких форм спряжения. Он полагает, что аблаут представляет собой форму проявления духа немецкого языка, и классифицирует глаголы по формам аблаута.

Автор описывает закон не только первого передвижения германских согласных, но и второго — немецких. Итак, закон первого передвижения был описан Раском в 1818 г., Бредсдорфом в 1821 г. и Гриммом в 1822 г., однако в истории он обычно именуется «законом Гримма».

Открытие регулярных фонетических соответствий в индоевропейских языках позволило сравнительно-историческому языкознанию разработать **метод проверки** данных и выводов, которые были получены иными путями. Этим был сделан шаг по пути превращения языкознания из умозрительной в точную науку.

Александр Христофорович Востоков (1781 — 1864), академик, заведовал Императорской библиотекой, изучал памятники литературы, народные говоры, собирал русские народные песни, пословицы. Основной труд — *Рассуждение о славянском языке* (1820).

В своих исследованиях Востоков ограничивался славянскими языками (как Grimm — германскими), не занимаясь отношениями между славянскими и другими индоевропейскими языками. Он показал, что чем древнее памятники славянских языков и диалектов, тем больше они обнаруживают сходства. Однако он отвергал существовавшее мнение о том, что старославянский является праязыком.

В отличие от Боппа и Grimma Востоков при сравнении языков использует лексические соответствия, разделяя при этом слова на две основные группы — «первоклассные» и «второклассные». К первым он относит наиболее общие и наиболее древние слова, которые являются исконными, незаимствованными: наименования человека, частей тела, родственных связей, наиболее близких человеку объектов природы, некоторые глаголы, вспомогательные слова, частицы. Ко второй группе относятся наименования производимых человеком орудий, ремесел, искусств и т.п., которые чаще всего заимствуются в процессе торговых и культурных связей.

Востоков установил соответствия в области гласных звуков рус'-ского, польского и старославянского языков. Особый интерес представляет проблема *юсов* — букв кириллической азбуки, которые не имели специальных соответствий в русском языке. Сравнивая факты разных славянских языков, Востоков показал, что юсы имеют носовой характер и соответствуют польским носовым гласным. На основании этого он сделал вывод о наличии в старославянском языке носовых звуков, которые исчезли из современных языков, за исключением польского. Таким образом, были восстановлены **предполагаемые** языковые формы, т.е. разработан **метод реконструкции** не засвидетельствованных письменными памятниками форм.

Помимо *Рассуждения* большое значение имели работы *Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея* (1842 г.), где уже четко различаются болгарские, сербские, русские («северо-русские») и украинские («южно-русские») изводы, и издание *Остромирова Евангелия* (1843 г.).

К сожалению, работы Востокова, так же как и работа Раска, не получили широкой известности в европейской лингвистике в силу того, что русский язык (как и датский) не являлся языком научного общения.

В русле нового метода стали работать многие немецкие лингвисты, из которых особенно следует отметить **Августа Фридриха Потта** (1802—1887), главным трудом которого являются *Этимологические исследования в области индогерманских языков, с особым упором на переход звуков в санскрите, греческом языке, латинском, литовском и готском* (2 тома, 1833—1836). По словам Я.В. Лоя, он по существу создал «этимологику — науку о происхождении и первоначальном значении слов. Необоснованные рассуждения греческих, римских и средневековых языковедов и философов об этимологиях слов лишили эту отрасль знания всякого уважения. Лейбниц и Раек ее реабилитировали. Но только Потт по-настоящему показал, что может дать этимология».

Адальберт Кун (1812—1881) стоит у истоков двух направлений сравнительного языкознания — лингвистической палеонтологии и сравнительной мифологии. Кроме того, он основал *Журнал сравнительного языкознания* (с 1852 г.).

Однако, несмотря на то что новый метод привел к полнейшему перевороту в толковании языков и оказал плодотворное влияние на их изучение, он не сразу получил всеобщее признание и одобрение. Главными противниками выступили представители классической филологии — специалисты по греческому и латинскому языкам. Классическая филология достигла, по словам В. Томсена, пышного расцвета, имела уже свою сложившуюся систему и метод, от которых трудно было отказаться. Филологов-классиков раздражало требование всеобщей «санскритизации», использование греческого и латинского языков лишь в качестве материала для сравнения.

Человеком, способствовавшим «примирению» сторон, явился **Георг Курциус** (1820—1885), филолог-классик. Его главным произведением является *Основные черты греческой этимологии* (1858—1862). Другие его работы — *Образование времен и наклоне-*

ний в греческом и латинском языках (1846 г.), *Греческая грамматика* (1852 г.) и *Пояснения к моей греческой грамматике* (1863 г.). Его исследования включали в себя достижения новейшего языкознания и подробно ознакомили с ними филологов-классиков. В результате та «санскритизация», которая вначале так отпугивала филологов-классиков, постепенно отходит на задний план, поскольку становится понятным, что санскрит не представляет всегда лишь самые древние формы и что другие языки в некоторых случаях совершенно равны с ним, а в некоторых отношениях даже превосходят санскрит архаичностью своего строя.

С позиции нового метода стали описываться языки не только германской группы. Прежде всего это коснулось языков, возникших из латыни — романских языков. Основоположником романской филологии является **Фридрих Диц** (1794—1876), главным трудом которого является *Грамматика романских языков* (три тома, 1836—1844). Его последователи — **Эмиль Литтре** (1801 — 1881), **Гастон Парис** (1839— 1903), **Поль Мейер** (1840-1917), **Грацидио Изая Асколи**(1829-1907).

Итак, открытие сравнительно-исторического метода было совершено, независимо друг от друга, Ф. Боппом, Р. Раском, Я. Бредсдорфом, Я. Гриммом и А.Х. Востоковым. Оно явилось естественным завершением той огромной работы, которая была проделана в области как практического изучения языков, так и теории языкознания. Сравнительно-историческое языкознание — это первая научная теория метода исследования родственных языков.

Тема: Лингвистическая концепция Вильгельма фон Гумбольдта

Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835), по общему признанию, является одним из самых замечательных лингвистов всех времен и народов, основоположником общего, теоретического языкознания. Он был разносторонне образованным человеком — в сферу его интересов входили классическая филология, философия, литературоведение, теория искусства, правоведение. Широкий был круг изучаемых им языков (от европейских, включая баскский, до туземных языков малайско-полинезийских островов и языков американских индейцев). Языкознание Гумбольдта по характеру обобщений и выводов представляет собой философию языка. Однако в отличие от предшественников Гумбольдт строит свою теорию языка, основываясь на применении сравнительно-исторического метода. Это первая строго научная теория **языка-объекта**, до сих пор не имеющая себе равных. Многие проблемы, выдвинутые Гумбольдтом, стоят в центре современных научных дискуссий.

Гумбольдт считает, что ничто иное не способно приблизить к разгадке тайны человека и характера народов, как их язык. В одном из писем он замечает: «Мне удалось открыть, что посредством языка можно обозреть самые высшие и глубинные сферы и все многообразие мира». Поэтому нужно «исследовать функционирование языка в самом широком его объеме — не просто в его отношении к речи, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия». Концентрируя внимание на специфике каждого отдельного языка, Гумбольдт выступал за индуктивную, сопоставительную общую грамматику, основанную на конкретных фактах, позволяющих получить широкие обобщения. Это, естественно, приводило к отрицанию дедуктивной общей грамматики, в частности грамматики Пор-Рояля.

В 1820 г. в своем первом докладе в Берлинской академии наук *О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития* Гумбольдт намечает программу своих исследований — сравнение родственных и неродственных языков. Его главный труд — *О языке кави на острове Ява* — был издан в 1836 г. после смерти Вильгельма его братом Александром. В общетеоретическом плане интерес представляет введение к этой работе — *О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода*. Задача работы — рассмотрение того, «как языковые различия и национальные подразделения связаны с работой человеческого духа, непрестанно раз-

вертывающего с разной степенью силы все новые и новые образования, поскольку оба эти явления способны взаимно влиять друг на друга».

Гумбольдт полагал, что выявление различных способов передачи одного и того же значения в разных языках поможет проникнуть в тайну языка как средства образования мысли. В связи с этим он резко выступал против понимания языка только как средства общения. «Самые расхожие идеи, что язык — это инструмент, средство общения, а слова — безразличные знаки, грамматика — устройство, которое, в конце концов, всегда может быть употреблено — не вскрывает существа дела. Такой взгляд свидетельствует о вульгарном толковании рационализма и прагматизма Просвещения и говорит о полной тупости противу настоящего чувства языка». «Язык — не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением... Человек не так уж беззащитен, и для организации взаимопомощи хватило бы нечленораздельных звуков... Язык — не просто средство обмена, служащее взаимопониманию, а поистине мир, который внутренняя работа духовной силы призвана поставить между собою и предметами».

Остановимся на некоторых основных проблемах, рассматриваемых в работе Гумбольдта.

Вопрос о происхождении и развитии языка. Как уже отмечалось, Гумбольдт отвергает идею о происхождении языка в результате удовлетворения потребностей в общении. Система общения животных и язык человека — это несопоставимые явления. Не внешние факторы или потребности обусловили происхождение языка, а внутренние причины; языковая способность человека — это не только его уникальный дар, но и его сущностная характеристика: «Человек есть человек только благодаря языку; а для того чтобы создать язык, он уже должен быть человеком». В связи с этим Гумбольдт считает неверным представление о том, что сложность языка — явление вторичного порядка, что язык постепенно развивался из некоторого примитивного состояния. «Каким бы естественным ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу. Для того чтобы человек мог постичь хотя бы одно-единственное слово, весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нем». Не согласен Гумбольдт и с тем, что создание, или «изобретение», языка потребовало от человека колоссальных умственных усилий. «Сознательным творением человеческого рассудка язык объяснить невозможно. Непосредственно заложенный в человеке язык как бы является инстинктом разума. Именно из самого первобытного состояния может возникнуть язык, который есть сам творение природы, — но природы человеческого разума». Иными словами, язык невозможно **придумать**.

Язык — не продукт отдельного индивида. «В действительности язык развивается только в обществе, и человек понимает себя постольку, поскольку опытом установлено, что его слова понятны также и другим... **Отдельное лицо** всегда зависит от своего целого: от народа, от племени, к которому принадлежит народ, от целого человечества. Его жизнь, с какой стороны ни возьмем ее, связана с **обществом**». Более того, язык не зависит от индивида: «Язык имеет самостоятельное бытие, и хотя действительную жизнь получает только в употреблении между людьми, но в то же время, в существе своем, он не зависит от отдельных лиц».

Что касается развития языка, то, вслед за романтиками, Гумбольдт выделяет в этом процессе два этапа. На первом этапе идет очень деятельное звукотворчество. В эпоху образования форм «народный дух» больше занят самим языком, способом выражения, нежели тем, что выражается. Богатство и полнота форм компенсируют примитивное мышление. На втором этапе в развитии грамматической формы языка наступает застой. В этот период бурно развивается мышление, и именно в это время каждый язык приобретает свой колорит и характер.

Широкий спектр условий возникновения языка допускает такое разнообразие его структуры, что практически невозможно дать полную классификацию языков. Однако природная способность говорить есть общий дар всему человечеству, и каждый человек имеет в себе ключ к пониманию всех языков. Так, оказывается, что в языке «таким чудесным образом сочетается индивидуальное и всеобщее, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке и что каждый человек обладает своим языком».

Язык и мышление. Мышление всегда связано с языком, «иначе мысль не сможет достичь отчетливости, представление не сможет стать понятием. Язык есть орган, образующий мысль». Итак, язык — средство выражения готовой мысли, возникающей неизвестно откуда, а **образования**, формирования мысли. Обозначить понятие звуком, — считает Гумбольдт, — значит соединить две вещи, которые никогда не могут совершенно перейти друг в друга. Звук и понятие по своей природе совершенно различны, и для их соединения в слове необходимо нечто третье, в чем бы они сходились. Это третье, этот посредник есть деятельность чувства (ощущение). Эта деятельность проявляется в том, что при столкновении с каким-либо предметом через посредство мышления образуется представление о предмете. Если акт восприятия **субъективен**, то представление становится **объектом** сознания. Таким образом, представление объективируется, не отрываясь от субъекта. И все это осуществляется посредством языка. (Вспомним объяснение Гердера о том, как в акте номинации происходит объединение звука, чувства и понятия.) Без такого процесса объективации невозможно образование понятий, а следовательно, мышление. «Интеллектуальная деятельность, совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая в известном смысле бесследно, посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия. Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому неразрывное целое».

В связи с изложенным представляется необходимым обратить внимание на зачастую бездумное употребление многих выражений. В данном случае речь идет о *звуковой оболочке слова*. Если слово представляет собой **единство звука и понятия**, то зачем же «напяливать» на него еще какую-то «звуковую оболочку»?

Язык — идеальный объект, существующий в умах и душах людей. С другой стороны, язык развивается только в обществе, и человек понимает себя постольку, поскольку опытным путем устанавливает, что его слова понятны другим.

Язык и сознание народа. Гумбольдт определяет народ как духовную форму человечества, имеющую языковую определенность. Специфика этой духовной формы заключается в языке народа. «Язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга, и не последовательно одна за другой, а составляют исключительно одно и то же действие интеллектуальной способности». Понять сущность языка можно, только если рассматривать его в тесной связи с формированием народного духа, поскольку в языке фиксируется определенное мировоззрение, отражающее духовные качества народа — его носителя. «Язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом... Язык есть как бы внешнее проявление духа народа. Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык — трудно представить себе что-либо более тождественное». По языку познается характер народа, а с другой стороны, духовные особенности народа определяют национальное своеобразие языка. Таким образом, язык не только средство для постижения духа народа, но и фактор его созидания.

Учение о тождестве духа народа и его языка составляет основу лингвистической концепции Гумбольдта. И именно понятие народного духа стало главной мишенью для нападок со стороны наших слишком бдительных «философов-материалистов» и послушных им лингвистов, моментально объявивших Гумбольдта идеалистом — почти «врагом народа». Однако не все лингвисты оказались послушными. Один из таких, В.А. Звегинцев, пишет: «Почему-то забывается предельно элементарное обстоятельство, что В. Гумбольдт принадлежал определенному времени и говорил на языке своего времени. И если изуче-

ние научного наследия ориентировать лишь на его словоупотребление и, например, на основе содержащегося в его работах сложного термина "дух народа" делать выводы касательно всей концепции в целом, то это с равным успехом можно сделать и в отношении вовсе не предосудительного выражения "духовная жизнь народа". Важно вскрыть действительную сущность, скрывающуюся за подобного рода словоупотреблениями. И наибольшая трудность понимания рационального содержания научного творчества В. фон Гумбольдта заключается как раз в необходимости быть готовым к этой трудоемкой работе ума». К этому следует добавить, что ни одному «философу-материалисту» и в голову не придет обвинить в идеализме И.В. Сталина, который в качестве одного из основных признаков нации называет «общность психического склада, проявляющуюся в общности культуры». Очевидно, что данное понятие в принципе не отличается от гумбольдтовского «духа народа». Кроме того, Гумбольдт употребляет также и понятие «языковое сознание народа» (*nationeller Sprachsin*).

Язык создает особый «**промежуточный мир**» между народом и окружающим миром. «Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей. Эти наши выражения никоим образом не выходят за пределы простой истины. Человек преимущественно — да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, живет с предметами так, как их преподносит ему язык. Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает язык изнутри себя, он вплетает себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка».

Промежуточный мир (*Zwischenwelt*), согласно Гумбольдту, — это подлинная реальность. Слово *между* указывает на то, что в языке существует **исторически закрепленная система значений**, посредством которой и происходит «преобразование» внеязыковой действительности в объекты сознания. Язык как промежуточная реальность — это не ряд готовых этикеток или ярлыков к заранее данным предметам, не простое их озвучивание. Эта промежуточная реальность сообщает не о том, **как называются** предметы, а о том, **как они нам даны**. Язык охватывает те предметы, которые входят в круг потребностей и интересов человека, и в нем отображаются не столько их чисто субстанциональные свойства, сколько отношение к ним человека. Слово — это не просто знак понятия: оно представляет собой не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а его **понимание**. Слово как элемент языка мотивировано пониманием предмета. (Гумбольдт приводит простой пример: предмет *слон* у индусов может называться либо *двузубый*, либо *снабженный рукой*, либо *дважды пьющий*.)

Отношения к предметам в различных языках преломляются по-разному, через свойственное каждому языку семантическое членение. Иными словами, звучание соединяется с предметом не непосредственно, а через семантически «переработанные» единицы, которые в качестве содержательных элементов, компонентов могут стать основой самого акта обозначения, номинации, а также и акта речевой коммуникации. Овладевая языком **зادолго до актов осознания**, человек усваивает одновременно и тот «способ обращения» с предметом, который закреплен в данной языковой традиции. Язык как коллективное, социальное явление активно воздействует на индивида: чем сознательнее индивид пользуется языком в соответствии со своими потребностями, тем сильнее действует язык на его мышление.

Идея «языкового мировидения» существенна для осознания более глубоких основ коммуникации: люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено в цепи чувственных представлений, прикасаются к одним и тем же «клавишам

инструментов» своего духа, благодаря чему у каждого появляются в сознании соответствующие, **но не тождественные** смыслы. Таким образом, с одной стороны, понимание — это всегда в какой-то степени непонимание (недопонимание), а с другой — процесс понимания в целом, в общем, возможен потому, что «способ соединения понятия со звуком является общим для определенного народа».

Однако каждый естественный язык, каждый «языковой круг» — это не замкнутая в себе сфера значений, которая исключает любое другое видение, а **открытая** система, включенная в процесс культурного обмена с другими языками. Субъективность отдельного индивида снимается субъективностью народа, состоящего из предшествующих и будущих поколений, а субъективность народа снимается субъективностью человечества.

Внутренняя форма языка — одно из центральных понятий концепции Гумбольдта. Язык содержит множество разнообразных элементов и отношений: слов, правил, аналогий, исключений. Основа, которая позволяет объединить все эти части в единое целое, и есть внутренняя форма языка. Это специфичный для данного языка способ объединения звукового материала и психического содержания, или духа народа. Форма языка позволяет установить, каким путем выражается мировидение народа, и отличить один язык от другого. Ее не следует понимать как некую внеязыковую, чисто логическую структуру: она имманентна языку, т.е. составляет собственно язык. «Постоянное и единообразное в деятельности духа, возвышающее членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка». Особенно это имеет отношение к грамматике, к грамматическому мировидению; «В грамматике нет ничего телесного, осязаемого. Она, в отличие от слов — более осязаемых единиц языка, — состоит исключительно из интеллектуальных отношений. Поскольку грамматические различия языков заключаются в различии грамматических видений, то грамматика более родственна духовному своеобразию наций, нежели лексика».

Для уточнения понятия формы Гумбольдт вводит различие между формой и материей (субстанцией). «Язык является формой и ничем больше... Под формой языка разумеется отнюдь не только так называемая грамматическая форма... Понятие формы языка выходит далеко за пределы правил словосочетания и даже словообразования. Фактически образование основ само по себе должно объясняться формой языка». «Форме противостоит, конечно, материя; но чтобы отыскать материю, соответствующую языковой форме, необходимо выйти за пределы языка». К субстанции, или материи, относятся, с одной стороны, звук вообще, а с другой — совокупность чувственных впечатлений и произвольных мыслей. Материя противостоит форме: внутренняя форма языка служит выражением народного духа, т.е. есть явление социальное. Материя, хотя и «выходит за пределы языка», тем не менее связана с формой языка: не может быть материи без формы. С наибольшей полнотой синтез внутренней формы языка и звука осуществляется в строении слова, которое «подобно совершенному и возникшему из языка цветку. Словом язык завершает свое созидание». Образование предложения определяется структурой слова. Отсюда и типологическая классификация Гумбольдта основана на том, как организовано слово. Это флективные, изолирующие (аморфные), агглютинирующие и инкорпорирующие языки. Наиболее совершенными являются флективные языки, в которых в строго правильной форме слова полнее всего проявляется синтез внешней и внутренней форм. Остальные языки оказываются в этом плане менее совершенными — они проявляют меньшую степень силы, направленной на язык, **не решая вопроса о других умственных преимуществах** говорящих на них народов. «Пока инкорпорирующие и изолирующие языки мучительно селятся соединить разрозненные элементы в предложение или же сразу представить предложение связным и цельным, флективный язык непосредственно маркирует каждый элемент языка сообразно выражаемой им части внутри смыслового целого и по самой своей природе не допускает, чтобы эта отнесенность к цельной мысли была отделена в речи от отдельного слова».

Гумбольдт неоднократно, в разных вариантах, повторяет мысль о том, что язык

представляет собой непрерывную **деятельность** духа, «стремящегося превратить звук в выражение мысли». «Язык следует рассматривать **не как мертвый продукт** (Erzeugtes), но как **созидающий процесс** (Erzeugung)». «Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*). Его истинное определение может быть только генетическим». «Формой существования языка является развитие». (Последние утверждения еще раз свидетельствуют об отрицании Гумбольдтом теории общей логической грамматики и служат обоснованием исторической точки зрения на язык.) С другой стороны, отмечается, что «язык как совокупность его продуктов отличается от отдельных актов речевой деятельности».

Гумбольдт одним из первых отметил **системный** характер языка: «В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как **часть целого**». С этим связано и постоянное сравнение языка с организмом как с единым целым, а не как с механическим набором элементов. Кстати, первый перевод работы Гумбольдта на русский язык (1859 г.) назывался *О различии организмов человеческого языка...* (выделено нами. — Ю.Л., Н.Б.).

Проводя различие между звуком как **физиолого-акустическим** явлением и артикулируемым звуком как **функциональной категорией**, Гумбольдт приходит к понятию фонемы.

Ученый показал, что в процессе развития языка в нем вырабатываются своего рода специализированные «языки» (подъязыки), предназначенные для обслуживания разных сфер человеческой деятельности и общения. С одной стороны, это различные формы обычного разговорного языка, с другой — «проза» (язык художественной литературы) и поэзия — высшая форма развития языка и, наконец, язык науки. В этом очевидны истоки теории функциональных стилей.

Особо следует отметить антиномичность концепции Гумбольдта, о чем часто забывают как его последователи, так и критики. Вскрывая сложный, противоречивый характер языка, он не гипостазировал какую-то одну особенность, а постоянно исходит из «единства противоположностей», выявляя их в каждом случае. К антиномичным характеристикам языка относят следующие:

- 1) социальное — индивидуальное;
- 2) состояние — эволюция (процесс);
- 3) субъективное — объективное;
- 4) система языка — отдельные акты речи (речевой деятельности).

В. Томсен оценивает концепцию Гумбольдта как очень большой шаг по сравнению с поверхностной языковой философией и «всеобщей грамматикой» предыдущих веков. Тем не менее, «несмотря на всю признательность за это, на все восхищение этой гениальной умственной работой, нельзя отделаться... от впечатления чего-то такого, что очень далеко лежит от нас, от более эмпирического понимания языка нашего времени; абстрактное и нереальное, подчас даже мистическое, в лингвистических трудах Гумбольдта не позволяет нам полностью оценить значение его работ или даже понять то влияние, которое они якобы оказали на развитие языкознания». В этом отношении В. Томсен разделяет взгляды датского ученого **Йоганна Николая Мадвига** (1804—1886), который «изложил с большой ясностью и твердостью взгляды о сущности, развитии и жизни языка, подвергнув резкой критике все понятия о языке как о чем-то мистическом».

В противоположность этому Я.В. Лоя отмечает, что лингвистическая мысль конца XIX в. развивалась «под знаком Гумбольдта», добавляя, что «эта мысль, под влиянием Штейнталя, а позже Пауля, не охватывала теорию Гумбольдта во всей ее полноте, а использовала лишь отдельные ее части... После Гумбольдта началось измельчание лингвистической философской мысли».

Т. де Мауро говорит, что идеями Гумбольдта «легче было восхищаться, чем подражать им и развивать их».

К этому можно добавить, что влияние идей Гумбольдта распространяется не толь-

ко на конец XIX, но и на XX в. Так, исследование социального характера языка осуществляется во французской социологической школе; языка как системы — в учениях Шлейхера, Бодуэна де Куртене, Соссюра и в школах структурализма; соотношение языка и мышления — у Штейнталя, Уитни, в психологических школах и в психолингвистике; влияние языка на мышление — в неогумбольдтианстве и американской этнолингвистике; язык как творческая деятельность индивида — у Поттебни, Кроче, Фосслера. Однако, как отмечалось, чаще всего выделяется какой-то один аспект и «забывается» его противоположность.

Тема: Сравнительно-историческое языкознание в славянских странах

Распространению сравнительно-исторического метода **в славянских странах** способствовала работа чешского лингвиста Йозефа Добровского *История чешского языка и литературы*. В работе рассматриваются следующие славянские языки: русский, польский, иллирийский, хорватский, чешский, а также отдельные диалекты некоторых из названных языков.

Следует также упомянуть его современников, последователей А.Х. Востокова, — словенца **Варфоломея Копитара** (1780—1844) и словака **Павла Йозефа Шафарика** (1795—1861). Копитар открыл один из важнейших славянских памятников — *Сборник Клоца*.

Шафарик был первым учеником и последователем Востокова, исследовавшим с помощью сравнительно-исторического метода славянские языки, прежде всего сербский и чешский. Ему принадлежат работы *История славянского языка и литературы на всех наречиях* (1826 г.), *Славянские древности* (1837 г.). По образцу его чешской грамматики были созданы грамматики польского языка (А. Малецкого — 1863 г.), словацкого (М. Гатталы — 1852 г.), сербского (Х. Данилича — 1864 г. и В. Ягича — 1865 г.) и русского (Ф.И. Буслаева — 1858 г.).

Основоположником славянской филологии считается словенец **Франц Миклошич** (1813—1891), определивший целый период в развитии славянского языкознания. Главный его труд — *Сравнительная грамматика славянских языков* (4 тома, 1852—1874 гг.). Ему же принадлежит *Этимологический словарь славянских языков* (1886 г.) и многие другие работы.

Большую роль в развитии славистики сыграл **Ватрослав (Игнатий Викентьевич) Ягич** (1838—1923), который был профессором сравнительного языкознания в Одессе, затем работал на кафедре славянской филологии Берлинского университета, где основал первый международный славистический журнал *Архив славянской филологии*; работал в Петербургском университете и был избран в Российскую Академию наук; с 1886 г. занял славистическую кафедру Миклошича в Вене. По словам В.В. Виноградова, Ягич «стремился в своих филологических трудах охватить все славянство, культурные и языковые явления всех славянских народов. Он писал и о древних чешских глоссах в латинской рукописи, и о болгарской надписи X в., и о древнеболгарских переводах византийских произведений, и о вопросах русской диалектологии и истории русского языка, о сербскохорватской грамматике и истории сербскохорватской литературы, и о жизни и трудах Юрия Караджича, и о Пушкине в славянских литературах и т.д., и т.д.».

В России представителями сравнительно-исторического языкознания являются следующие ученые.

Измаил Иванович Срезневский (1812—1880). Окончил Харьковский университет. В Берлине под руководством Боппа изучал санскрит. С 1847 г. — профессор Петербургского университета, позднее — академик. В 1849 г. на годовичном торжественном собрании университета произнес речь об истории русского языка в сравнительно-историческом аспекте, которая позднее была опубликована как *Мысли об истории русского языка*. Срезневский считает, что понять историю русского языка можно только при сопоставлении его с родственными языками. При этом следует сравнивать древние состояния

нескольких языков, а затем сопоставлять эти языки на современном уровне. Причины языковых изменений могут быть как внешними, так и внутренними. К первым относятся связи между народами, языковые контакты, ко вторым — изменения, действующие в самом языке. Он полагает, что необходимо связывать историческое изучение языка с историей народа.

Федор Иванович Буслаев (1818—1897). Окончил Московский университет, обучался за границей. Еще в университете познакомился с трудами Боппа, Гримма и Гумбольдта, идеи которых затем широко пропагандировал среди русской общественности. С 1847 г. читает лекции в Московском университете, профессор, затем — академик. Впервые в России начал преподавать сравнительную грамматику индоевропейских языков и историческую грамматику русского языка.

Основная работа Буслаева — *Опыт исторической грамматики русского языка* (1858 г.), где развиваются идеи Гумбольдта о языке как непрерывном творческом процессе, о выражении в языке духовной жизни народа, системном характере языка и т.д. В отношении языка и мышления выделяет два периода: древнейший, когда важнейшей частью грамматики была морфология, и позднейший — период синтаксиса. Считает, что русский язык как живое целое может быть понят **только в связи с прочими индоевропейскими языками**. В своих работах и лекциях Буслаев постоянно сравнивал материалы русского языка с данными немецкого, готского, латинского и санскрита.

Если ранние компаративисты обращали основное внимание на **сравнение** языков, то Буслаев полагал, что сравнительная грамматика даст возможность воссоздать общую для всех индоевропейских языков форму и позволит проследить видоизменение этой формы в русском языке. При этом призывал изучать живой язык и его диалекты.

Владимир Иванович Даль (1801—1872). Окончил Дерптский университет, талантливый хирург. Работал чиновником по особым поручениям при Оренбургском губернаторе. С 1837 г. — член-корреспондент Академии наук по отделению филологии. Известен как создатель *Толкового словаря живого великорусского языка*, содержащего около 200 тысяч слов и более 30 тысяч пословиц и поговорок, используемых в разных говорах и диалектах русского языка.

Тема: Второй этап сравнительно-исторического языкознания: А. Шлейхер, М. Мюллер. Теория «волн» И. Шмидта. Психологическое языкознание: Г. Штейнталь, В. Вундт, А.А. Потебня

Первый период в развитии сравнительно-исторического языкознания подразделяется на два этапа. Задачей **первого этапа** — от Боппа до Гумбольдта — было доказательство родства индоевропейских языков, их происхождения от общего источника. Первоначально этим источником считался санскрит, но позднее было установлено, что он тоже появился в результате распада некоего более древнего языка, праязыка.

На **втором этапе** происходит развитие сравнительно-исторического метода и исследование отдельных ветвей индоевропейских языков. Прежде всего здесь следует назвать **Августа Шлейхера** (1821 — 1868), крупнейшего компаративиста, доцента Боннского университета, профессора Пражского, а затем — Йенского университета, член-корреспондента Российской академии наук. С 1852 г. он приступил к изучению литовского языка, самого архаичного из всех живых индоевропейских языков, непосредственно в Литве. Помимо языкознания занимался философией и ботаникой.

Его работы: *Морфология церковнославянского языка* (1852 г.), *Литовская грамматика* (1856 г.), *Немецкий язык* (1860 г.), *Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков* (1861 — 1862 гг.).

Последняя — его главная работа по компаративистике, итог сравнительного изучения индоевропейских языков за истекшие полвека. Приложением к ней служит *Индогерманская хрестоматия*, где приводятся образцы и краткие описания исследуемых языков.

О важности этой работы свидетельствует то, что за 15 лет вышло четыре ее издания. Большое место в *Компендии* уделяется фонетике (около трети всего объема), которую Шлейхер называл *фонологией*.

Шлейхер первый предложил **генетическую** классификацию, т.е. классификацию родственных языков, наиболее изученных к этому времени — индоевропейских. Правда, Шлейхер называл их *индогерманскими*. Он полагал, что не существует праязыка, общего для всех языков; вероятнее всего, существовало несколько праязыков, давших начало разным языковым родам, или языковым деревьям, которые, свою очередь, делятся на языковые семьи, или ветви. В результате можно представить такой языковой род в виде **родословного дерева**.

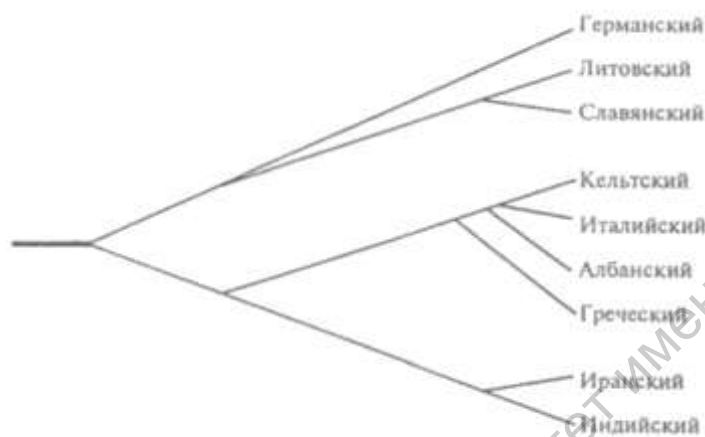

Схема родословного дерева по А. Шлейхеру

Задачей компаративистики Шлейхер считал «восстанавливать на основе доступных нам более поздних форм существовавшие в прошлом формы языка-основы семейства или же праязыка всего рода». Возможность такого восстановления он обуславливал тем, что все звуковые изменения происходят не произвольно, а в соответствии определенными законами. По словам Иоганна Шмидта, Шлейхер в своих лекциях учил: «Все изменения, которые претерпевали индогерманские слова от первобытных времен до наших дней, причинены влиянием двух факторов: фонетических законов, действующих без исключения, и перекрещивающихся с ними неправильных аналогий, которые давали себя чувствовать уже и в более древние периоды развития языка».

М.В. Сергиевский дает Шлейхеру такую характеристику: «Идея развития, эволюции, является ведущей для всего лингвистического мышления Шлейхера. Он строил — явно под влиянием естественных наук — свою теорию родословного дерева для происхождения родственных языков из общего родоначальника — "праязыка", причем для него этот последний представлял совершенно реальную величину. Характер и даже детали его могли быть, по мнению Шлейхера, совершенно точно вскрыты путем применения установленных законов его развития. Для него главным было воссоздание "праязыка" и прослеживание эволюции его форм в отдельных языках... Сам же "праязык" индоевропейской семьи мыслился Шлейхером, в отличие от Боппа, не как первобытный язык, но как продукт длительного и сложного развития, идущего от простой клеточки-корня к сложному флективному строю».

Гипотетическое восстановление форм праязыка было названо *реконструкцией*. Сам Шлейхер, как уже отмечалось, был убежден в возможности такой реконструкции и для доказательства написал басню на восстановленном им праязыке (текст ее приводится в *Хрестоматии* В.А. Звегинцева). Он считал, что в этом языке существовали 3 гласных и 15 согласных. В составе слова Шлейхер выделял корень, основу и суффиксы. Признавая теорию агглютинации, он считал, что все окончания произошли от местоименных корней,

что существительное в языке имело 7 падежей, 3 числа и 3 рода.

Наряду с компаративистикой Шлейхер занимался и общетеоретическими вопросами, прежде всего выявлением соотношения языка и мышления. Он полагал, что язык так же необходим для мышления, как тело для духа; только посредством языка можно мыслить. «Язык есть мышление, выраженное звуками... Язык есть звуковое выражение мысли, проявляющийся в звуках процесс мышления». Однако мышление и язык не тождественны друг другу. Между ними существует определенное отношение. Чем лучше в звуках язык передает все движение духа, тем он совершеннее; чем больше звук отстает от мысли, тем менее совершенен язык. В мысли следует различать **материал** и **форму**. Материал составляют понятия и представления, а форму образуют взаимоотношения понятий и представлений.

В мышлении должны присутствовать оба компонента: и материал, и форма. В языке отношение может быть в той или иной степени выражено, тогда как понятия и представления **не могут быть не выраженными**. Получая звуковое выражение, понятия и представления становятся **значением**. Сущность языка определяется тем, как именно в нем выражаются значение и отношение. Значение выражается в корне слова, а отношение — в суффиксах. Значение и отношение вместе образуют слово. Корень можно выделить во всех языках, а от того, как выражены отношения, зависит структура слова и, следовательно, структура предложения. Характер выражения в языках отношения и составляет основу типологической классификации Шлейхера, выделяющего следующие типы языков:

1) языки, в которых выражены только значения; слово представляет собой нечленимое устойчивое единство, простой корень, которому в природе соответствует кристалл (китайский, бирманский);

2) языки, в которых выражено и значение, и отношение, однако слово лишено тесного единства и его части легко отделяются, как ветви дерева (агглютинирующие — тюркские и финно-угорские);

3) языки, в которых слово, выражая значение и отношение, образует единство типа живого организма (флективные).

Три класса языков представляют собой три ступени последовательного развития, которое происходило в доисторическую эпоху. В историческую эпоху языки не развиваются — наступает период их распада.

Шлейхер является создателем так называемой натуралистической теории языка, рассматривающей язык как природный организм. Мы уже отмечали, что понимание языка как организма восходит еще к Аделунгу. Позднее слово *организм* в применении к языку используется метафорически, подразумевая, что язык — это не мертвый механизм, а связанная система, которая постоянно развивается. Биологическое понимание языка в лингвистике впервые после Аделунга было представлено **Морицем Карлом Раппом** (1803—1883) в работах *Физиология языка* (1840 г.) и *Сравнительная грамматика как естественная наука* (1852 г.).

Шлейхер впервые излагает свою биологическую концепцию языка в работе *Языки Европы в систематическом изложении* (1850 г.). Особенно «популярной» эта концепция стала после появления работы Чарлза Дарвина *Происхождение видов* (1859 г.). Вскоре появляются работы Шлейхера *Теория Дарвина и наука о языке* (1864 г.) и *Значение языка для естественной истории человека* (1865 г.). В этих работах язык полностью приравнивается к живому организму, который зарождается, растет, достигает расцвета, затем оскудевает и идет к гибели. Языки вступают в борьбу за существование, борются, побеждают, гибнут. Язык относится к царству природы, к царству свободного духа. Он не зависит от воли людей. Языки — это наивысшие организмы среди организмов природы, созданные из звукового материала. Их органическая сущность проявляется в том, что они, как и другие природные организмы, группируются по родам и видам и растут по определенным законам.

Языкознание — наука естественная, а не историческая. Как и другие естественные науки, наука о языке исследует такую область действительности, в которой господствуют неизменные законы природы, и в этих законах человек ничего не в силах изменить так же, как соловей не в состоянии запеть жаворонком. В отличие от языкознания филология — наука историческая: она изучает все то, что создается людьми. Шлейхер сравнивает языковеда с естествоиспытателем, а филолога — с садоводом. Из естествознания Шлейхер заимствует и термин *морфология* — учение о форме.

Языки следуют общему закону развития органического мира: как все организмы произошли от одноклеточных, так и все языки — от простых корней. Как и всем природным организмам, языкам присуща способность к развитию, эволюции.

Ж. Мунен определяет концепцию Шлейхера в целом как «последнюю из больших систем, созданных по образцу XIII в., и как первое из больших современных обобщений в той мере, в которой автор пытается дать целостный взгляд на совокупность лингвистических знаний своего времени».

Соглашаясь со Шлейхером в отношении независимости языка от воли человека, **Макс Мюллер** (1823—1900), профессор Оксфордского университета, выступает против понимания языка как живого организма. Его работа *Лекции по науке о языке* (1861 г.) имела огромную популярность и была переведена на все европейские языки. «Язык, — отмечает Мюллер, — не имеет независимого бытия. Язык существует в человеке: он живет, если им говорят, умирает с каждым словом, которое произнесено и не слышится более... Говорить о языке, что он нечто существующее само собою, что он имеет свою собственную жизнь, что произрастает до зрелости, производит отрасли и вымирает, есть чистая мифология».

Язык нельзя считать организмом, однако языкознание относится к естественным наукам, «потому что изменения языка представляют собою рост, а не историю». Рост происходит по естественным, независимым от человека законам, а история делается людьми. Законы языка «не были придуманы человеком, напротив, человек должен был повиноваться им, не зная ничего об их существовании... Процесс, по которому язык устанавливается и разлагается, соединяет два противоположных элемента: необходимость и свободную волю. Хотя отдельное лицо представляется, по-видимому, первым деятелем в произведении новых слов и новых грамматических форм, оно является им лишь после того, как индивидуальность его исчезла в общей деятельности семейства, племени или нации, к которой он принадлежит... И если первый толчок к новому образованию в языке дан отдельным лицом, то он почти всегда, если не всегда, неумышлен и даже бессознателен... Хотя язык подвержен непрерывным изменениям, однако не во власти человека ни произвести, ни отвратить их. **Переделать закон языка** или изобретать новые слова по нашему произволу было бы то же самое, что **задумать изменить законы, по которым совершается наше кровообращение**». В качестве иллюстрации Мюллер приводит исторический анекдот, в котором император Римской империи допускает ошибку в употреблении флексии латинского слова. Ошибка исправляется присутствующим при этом монахом. Император заявляет, что он — император и является законодателем. На это монах отвечает, что, несмотря на все свое могущество, император не волен вносить какие бы то ни было изменения в латинский язык.

Итак, с одной стороны, не во власти человека изменить язык, но с другой — не следует забывать, что язык связан с исторической жизнью народа. Аналогичных взглядов придерживается и **Уильям Дуайт Уитни** (1827—1894), который в своих работах часто ссылается на Мюллера и цитирует его.

Критиком теории Шлейхера выступил и его ученик **Иоганн Шмидт** (1843—1901). В своей работе *О родственных связях между индогерманскими языками* (1872 г.) он разрушил казавшуюся ему слишком примитивной теорию «родословного дерева», созданную

его учителем. Правда, как отмечает другой ученик Шлейхера, Гуго Шухардт, идею о зависимости между языком и географическим расположением народа дал им обоим сам Шлейхер.

Прежде всего Шмидт был против понимания индоевропейского праязыка в трактовке Шлейхера. Он полагал, что «праязык» представлял собой не единое целое, а совокупность диалектов, и поэтому практически невозможно отнести все реконструированные элементы к одной эпохе. Отсюда задача компаративизма — реконструкция **отдельных форм**, а не языка в целом виде. Индоевропейские языки правильнее изображать не в виде ветвей, отходящих от общего ствола, а в виде волн, напоминающих те, которые образуются от бросаемых в воду камней. Теория Шмидта получила название «волновой теории». Языки «расходятся» волнообразно, переходя постепенно из одного в другой:

*индоиранские — балто-славянские — германские —
кельтские — италийские — греческий — индоиранские.*

(Идею о том, что не существует четких границ между соседними языками, высказали в конце 1850-х годов Герман Эбель и Адольф Пикте).

Таким образом, индийские языки находятся ближе к иранским, иранские — между индийскими и славянскими, славянские — между иранскими и балтийскими, балтийские — между славянскими и германскими, германские — между балтийскими и кельтскими, кельтские — между германскими и италийскими. Представим это схематически.

Схема «волновой теории» Шмидта

Два граничащих друг с другом языка обязательно обнаруживают некие общие, только им свойственные явления. Кроме того, если в каком-то языке возникает новообразование, оно обязательно будет постепенно расходиться в разные стороны и распространяться на все соседние языки.

«Теория волн» оказала влияние на ряд последующих лингвистических направлений, в частности на школу «слов и вещей» и на ареальную лингвистику (или неолингвистику). Подробнее об этом — позднее.

Уже в работах В. фон Гумбольдта, который исходил из концепции общечеловеческого, народного духа, разума, мышления, представлено психологическое осмысление лингвистических положений. Однако при этом Гумбольдт учитывает и индивидуальную человеческую личность, индивидуальную психику. Под влиянием идей Гумбольдта в лингвистике складывается и оформляется **психологическое направление**. Главное в этом направлении — отказ от логики как основы для интерпретации языковых фактов и перенос внимания на отношения между индивидуальными представлениями. Первым представителем психологического направления в лингвистике является **Гейман Штейнталь** (1823—1899), профессор Берлинского университета. Вместе со своим коллегой **Морицем Лацарусом** (1824—1903) он основал «Журнал психологии народов и языкознания», где и были изложены их взгляды.

Штейнталь и Лацарус являются учениками и последователями основоположника немецкой эмпирической психологии **Йоганна Фридриха Гербарта** (1776—1841), который считал, что вся деятельность человеческого сознания управляется законами **ассими-**

ляции, ассоциации и апперцепции. Основные работы Штейнталя — *Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения)* (1885 г.); *Введение в психологию и языкознание* (1881 г.).

Полный «разрыв» с логикой провозглашен в известном тезисе Штейнталя: «Категории языка и логики несовместимы и так же мало могут соотноситься друг с другом, как понятия круга и красного». Что касается логической, или универсальной, грамматики, то Штейнталь считает, что «универсальная грамматика так же невозможна, как универсальная форма политической конституции или религии или универсальная форма растения или животного. Единственная наша задача поэтому состоит в установлении категорий реально существующих языков, и при этом мы не должны отправляться от готовой системы категорий».

Предметом языкознания является язык, «**язык вообще**, т.е. выражение осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков». При этом следует различать:

речь — процесс говорения;

способность говорить — физиологическую способность произносить звуки и умственную — содержание внутреннего мира;

языковой материал — все созданные в процессе говорения и постоянно употребляемые в речи элементы и, наконец,

конкретный язык, представляющий собой совокупность языкового материала какого-либо народа.

Штейнталь критически относится к термину *организм* в том смысле, в каком его понимает Шлейхер, и предпочитает использовать слово *система*.

Все развитие представлений происходит в психике индивида, однако создает язык не «индивидуум сам по себе; ведь индивидуум говорит в обществе... Говорящий создает язык одновременно из своей души и из души слушающего, и потому произнесенное слово принадлежит не только ему, но и другому. Таким образом, язык по своей сути есть продукт общества». Следовательно, индивидуальная психология должна быть дополнена **психологией народов**. Предметом изучения психологии народов является народный дух, который проявляется «прежде всего в языке, затем в нравах и обычаях, установлениях и поступках, в традициях и песнопениях». Однако основанием для психологии народа является индивидуальная психология, поскольку дух народа пребывает в индивидах и не имеет отдельного от духа индивида бытия. Иными словами, в духе народа происходят те же процессы, что и в духе индивида.

Против такого понимания народной психологии выступил **Вильгельм Вундт** (1832—1920) — первый психолог, занимавшийся исследованием языка. Нужно подчеркнуть, что в первую очередь Вундт — психолог и цель его заключается в изучении продуктов коллективной жизни людей для изучения сложных психических процессов, для «**добывания психологического знания из фактов языка**, и прежде всего **из истории языка**». Он считает, что экспериментально изучаться могут только элементарные психические процессы (ощущения), а сложные требуют иного подхода. Основные работы Вундта, связанные с языком: *О целях и путях народной психологии* (1888 г.), *Психология народов* в 10 томах (1—2 тт. — Язык) (1900 г.), *История языкознания и психология* (1901 г.), *Элементы психологии народов* (1912 г.).

Психологию Вундт считает основной философской наукой, так как в основе всякого научного познания лежит психологический процесс. Выступая против индивидуализма, он исключает из сферы интересов психологии народов все, что имеет сугубо индивидуальный характер, — историю, литературу. Объектом психологии народов должны быть продукты общего духовного развития — язык, мифы, обычаи, а также область действий,

вызванных бессознательными побуждениями, что характерно для условий жизни «на уровне инстинкта», жизни первобытных народов.

Социальный характер народной психологии (народ — не просто совокупность индивидов). Объект народной психологии — мифы, обычаи и язык. «В языке отражается прежде всего мир представлений человека. В изменении значений слов обнаруживаются законы изменения представлений, так как они имеют место под влиянием изменяющихся условий ассоциации и апперцепции. В органической структуре языка, в образовании форм слов, в синтаксической связи частей речи проявляется закономерность, которой определяется связь представлений в особых естественных и культурных условиях человеческого коллектива».

Язык возникает лишь там, где существует общая духовная жизнь, где она непосредственно ощущается как общая. Язык и мышление всегда тесно связаны и развиваются одновременно. При этом звуковой язык Вундт рассматривает как разновидность языка жестов («звуковой жест»), т.е. первоначальный язык — это язык жестов. Преимущество звукового языка в том, что он воздействует не только на интеллект, но и на чувство. В этом он сходен с музыкой. Основой психической жизни Вундт считает не интеллект, а волю. В связи с этим он полагает, что первые высказывания имели императивный характер.

Известной типологической классификации языков Вундт дает психологическую интерпретацию: ступени развития языка соответствуют ступеням психологического развития человека. В сознании индивида определенную форму прежде всего принимает **представление**, выражением которого в языке служит простой корень (как, например, в речи детей, где нет ни форм, ни флексий). Поэтому первичные языки — корневые. Затем происходит разложение одного общего представления на составляющие его признаки и объединение их в одно целое. Этой ступени развития соответствуют агглютинирующие языки. И, наконец, образование общего понятия находит свое выражение во флективных языках.

Основной единицей языка Вундт считает **предложение**. Слова представляют собой результат расчленения предложения. В основе грамматических категорий лежат логические понятия. Так, классы слов (части речи) соотносятся с классами общих понятий: предмета (существительное), свойства (прилагательное), состояния (глагол).

В российской лингвистике первым представителем психологизма был **Александр Афанасьевич Потебня** (1835—1891), профессор Харьковского университета, член-корреспондент Российской академии наук. Круг его интересов был широким: общие, философские вопросы языкознания, синтаксис, семантика, этимология, фонетика, диалектология, теория литературы, фольклор.

Еще в университете Потебня познакомился с работами Гумбольдта и Штейнталя, идеи которых он интерпретировал и развивал в своем главном труде по общему языкознанию — *Мысль и язык* (1862 г.). Его основной фундаментальный труд — *Из записок по русской грамматике* (первое издание в 1888 г.).

Вслед за Гумбольдтом он считает, что язык — это деятельность, в процессе которой происходит его постоянное обновление, что язык есть средство не выражения готовой мысли, а ее создания, формирования. Понимание одновременно является и непониманием (недопониманием): посредством слова нельзя **передать** другому свою мысль, можно только **возбудить** в нем его собственную.

Потебня отвергает учение Шлейхера о языке как живом организме. Язык — это произведение народа и развивается по своим законам. В этом плане большую роль должно играть изучение народных мифов и преданий — именно они объединяют людей в общество. Однако единственное, неизменное и неперемное условие существования народа — это его язык. Не принимал он и идеи о двух периодах истории языка, считая, что все периоды истории народа свидетельствуют о постоянном развитии языка. Что же касается утраты флексий и возникновения аналитических форм, то это доказывает лишь, что «с увеличением способности к отвлеченному мышлению и увеличением запаса знаний мно-

гие деления и категории оказываются негодными и отбрасываются, но зато являются новые».

Он отмечал, что сравнительно-историческое изучение языков представляет собой протест против засилья всеобщей логической грамматики, и резко выступал против последней. Языки различаются между собой не только лишь звуковой стороной (как обычно утверждали логицисты), но и всем строем мысли, выражающимся в них. По словам В.В. Виноградова, он «совершил переворот в грамматических теориях, которыми до тех пор пробивалась наука о русском языке».

Язык тесно связан с мышлением. Мышление создается и получает свое выражение только с помощью языка и на его основе. «Язык есть необходимое условие мысли отдельного лица даже в полном уединении». Как уже говорилось, язык есть средство создания мысли. «В слове впервые человек сознает свою мысль». Однако язык связан не только с мышлением, но и со всей психической деятельностью человека. Тем не менее объяснения языковым фактам нужно искать не в психике, а в самом языке. На материале фактов изменений праязыка в русском, некоторых славянских и литовском языках он рассматривает вопрос об основном направлении эволюции языка и мышления, обращая особое внимание на процесс образования и изменения грамматических категорий в связи с развитием категорий мышления.

По мнению Потебни, первичные слова напоминают междометия — они лишены каких-либо формальных определений. Разложение чувственных образов начинается с **образования слов**. Вначале выделяются существительные, затем прилагательные и глаголы. Все это связано и с эволюцией типов предложения, которое представляет собой основную грамматическую и структурно-семантическую единицу языка. Предложение — историческая категория, и его следует рассматривать относительно того или иного периода развития синтаксической структуры. История языка на значительном протяжении времени должна давать **ряд определений** предложения. Слова как члены предложения раскрываются лишь в предложении. Члены предложения и части речи — категории соотносительные. Вообще, вся концепция Потебни проникнута духом системности и историзма.

Рассматривая язык как постоянную деятельность, Потебня считает, что действительная жизнь слова происходит, совершается лишь в речи: «Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т.е. каждый раз, как произносится и понимается, имеет не более одного значения... Общее значение слов, как формальных, так и вещественных, есть только создание личной мысли и действительно существовать в языке не может». Под «вещественными» имеются в виду однозначные слова, у которых следует различать **ближайшее** и **дальнейшее** значения. Ближайшее — это то, что понятно всем говорящим на данном языке, а дальнейшее понятно лишь специалистам. Это понятийное, или «энциклопедическое», значение.

Особое место в учении Потебни занимает понятие внутренней формы слова. «*Внутренняя форма слова* есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль... Всякое слово без исключения состоит из трех элементов: во-первых, членораздельный звук, без которого слово быть не может; во-вторых, представление и, в-третьих, значение слова». Это «представление» есть способ наименования, или то, что мы называем теперь мотивировкой.

Потебня полагает, что грамматическую форму не следует понимать лишь узко морфологически, т.е. отождествлять ее с аффиксами, поскольку форма — это значение, а некоторые формы могут и не иметь никакого звукового обозначения. Грамматические формы и категории имеют свою семантику и связаны со всем строем языка. Они не совпадают с логическими категориями: во-первых, их гораздо больше, а во-вторых, они различаются от языка к языку. Грамматическая форма — понятие семантико-синтаксическое.

Говоря о соотношении логики и грамматики, Потебня отмечает: «логическая и грамматическая правильность совершенно различны, так как последняя возможна без первой, и наоборот, грамматически неправильное выражение, насколько оно понятно,

может быть правильно в логическом отношении... Языкознание, в частности грамматика, ничуть не ближе к логике, чем какая-либо из прочих наук».

Тема: Младogramматики. Лейпцигская школа. Московская школа. Казанская школа. У.Д. Уитни

Эта новая школа появилась на рубеже 1870—1880-х гг. Сторонники ее обрушиваются с резкой критикой на своих предшественников. Один из представителей старшего поколения, германист **Фридрих Царнке**, иронически назвал этих критиков младogramматиками (*Junggrammatiker*). Однако **Карл Бругман** подхватил это название, и оно превратилось в наименование целого направления, новой школы лингвистов.

Период *младogramматизма* характеризуется «выходом» сравнительно-исторического языкознания за пределы Германии и Дании и распространением почти по всему миру: во Франции, Италии, Швейцарии, России, США. В Германии младogramматики в основном группировались вокруг Лейпцигского университета, образуя **Лейпцигскую школу**. К ней принадлежал прежде всего **Август Лескин** (1840—1916), автор работы *Склонение в славянско-литовских и германских языках* (1876 г.), и его ученики: **Карл Бругман** (1849—1919), **Герман Остгоф** (1847-1909), **Герман Пауль** (1846-1921), **Бертольд Дельбрюк** (1842-1922).

Их основные работы:

Предисловие Г. Остгофа и К. Бругмана к книге *Морфологические исследования в области индоевропейских языков* (1878 г.) — манифест младogramматизма.

Б. Дельбрюк *Введение в изучение индоевропейских языков* (1880г.).

Г. Пауль *Принципы истории языка* (1880 г.).

К. Бругман *К современному состоянию языкознания* (1885 г.).

К. Бругман, Б. Дельбрюк *Основы сравнительной грамматики индо-германских языков* (1890 г.).

Б. Дельбрюк *Основные вопросы истории языка* (1901 г.).

Итак, что же явилось *объектом критики* младogramматистов? Прежде всего они выступали против биологизма Шлейхера, его понимания языка как природного организма, который развивается в виде дерева, разделяясь на ветви. Однако, с другой стороны, они выступали против создания искусственных языков, поскольку последние не могут быть «живыми организмами». Они отвергали бопповскую теорию агглютинации, считая, что в процессе оформления слова важную роль играет изменение границ между морфемами (переразложение) и выравнивание форм по аналогии. Младogramматики неоднократно подвергали критике «теорию волн» Шмидта, считая, что между ветвями шлейхеровского родословного дерева не могут быть установлены какие-либо более тесные связи. Возражали они и против деления истории языка на два периода — «доисторический» и исторический, а также и против признания того, что в «доисторический» период происходил единый процесс развития всех языков от аморфных через агглютинирующие к флективным, а в исторический — распад языков. Нет никаких различий в закономерностях языковых изменений между «доисторией» и историческими периодами развития языка. Пауль писал, что все языкознание является историческим и что любой неисторический трактат о языке является ненаучным. При этом они призывали «покинуть душную, полную туманных гипотез атмосферу мастерской, где куются индоевропейские праформы», и выйти «на свежий воздух осязаемой действительности и современности».

В этом призыве следует выделить два момента. *Во-первых*, отказ от каких бы то ни было широких философских обобщений, недоверие ко всякого рода гипотезам и внимание к реальным процессам языковых изменений, стремление к точному наблюдению при изучении реальных фактов, осторожность в выводах. По словам М.В. Сергиевского, «Языковеды углубляются в исследование тончайших деталей **отдельных** языков,

часто теряя из поля своего зрения то **общее**, что есть во всяком особенном».

Во-вторых, изучать следует не письменные памятники, а живые языки и диалекты: «Во всех живых народных говорах свойственные диалекту звуковые формы проводятся через весь языковой материал и соблюдаются членами языкового коллектива в их речи куда более **последовательно**, чем это можно ожидать от изучения древних, доступных только через посредство письменности языков».

При этом отмечается, что языкознание до сих пор слишком много занималось языком и слишком мало человеком, как будто язык может существовать самостоятельно, отдельно от человека. Остгоф и Бругман утверждают: «Язык по-настоящему существует только в индивидууме, тем самым все изменения в жизни языка могут исходить только от говорящих индивидов». Отсюда — внимание к психологии, но не «народной», а индивидуальной. По мнению Пауля, всякие чисто психические образования проявляются в душе индивида, и «таким образом, остается лишь признать, что в действительности существует лишь индивидуальная психология и что никакая этнопсихология, или как бы ее еще ни называли, не может быть ей противопоставлена».

Народный язык — это фикция и реально существует лишь язык отдельного лица — «на свете столько же отдельных языков, сколько индивидов». Удобнее и лучше всего исследовать свою собственную индивидуальную речь как наиболее известную.

Как уже отмечалось, ортодоксальные младограмматики избегали широких теоретических обобщений, занимаясь детальнейшим и скрупулезнейшим исследованием изменений, происходящих с отдельными звуками. Это вполне естественно, поскольку наиболее простым и доступным объектом наблюдения является внешняя, материальная сторона языка — звук. В связи с этим в центре внимания младограмматиков находится изучение процессов и изменений, происходящих в звуках речи, что дало возможность выявить и установить основные закономерности звуковых изменений — **фонетические законы**. При этом следует различать фонетические, или звуковые, законы и звуковые соответствия. Первые действуют в рамках одного языка, вторые устанавливаются между разными языками.

Понятие фонетического закона стало одним из основных в учении младограмматиков.

В иерархии причин звуковых изменений первое, главное место занимает фонетический (звуковой) закон, который может пересекаться с другим законом, затем следует аналогия и, наконец, заимствование.

Герман Пауль несколько отходит от «классических» младограмматиков, не интересовавшихся вопросами теории, старается найти объяснение, причину языковых изменений. Прежде всего он обращает внимание на противоречие между тем, что существует множество индивидуальных языков, и тем, что люди, несмотря на это, прекрасно понимают друг друга.

Весь механизм языковых процессов объясняется взаимодействием языкового узуса и индивидуальной речевой деятельности.

Пауль различает индивидуальное, или окказиональное, и узуальное значения. Узуальное значение — общее: оно известно всем говорящим; окказиональное значение — индивидуально. В узусе слово многозначно, в индивидуальном употреблении — однозначно. Окказиональное значение богаче узуального, а также более конкретно, нежели узуальное. Основой всех семантических изменений является отклонение окказионального значения от узуального. В качестве типов таких отклонений Пауль называет сужение и расширение значения, метафорические и метонимические изменения.

Паулю принадлежит разработка основ теоретического синтаксиса на психологической основе, что положило конец многовековому господству логической грамматики. Грамматическое предложение двучленно: оно обязательно должно содержать подлежащее и сказуемое, которые представляют собой языковые выражения психологических категорий — психологического субъекта и психологического предиката. Первый представляет

собой совокупность представлений, которая с самого начала имеется в сознании говорящего; второй — совокупность представлений, которая присоединяется к психологическому субъекту. При этом грамматические и психологические категории не обязательно совпадают. Психологический предикат в предложении обычно занимает позицию после психологического субъекта. При изменении порядка слов психологический предикат выделяется интонационно. Для иллюстрации Пауль приводит пример, ставший впоследствии хрестоматийным: *Карл едет завтра в Берлин*, которое можно произнести с «обычной», «нейтральной» интонацией, а можно и выделить тот или иной компонент предложения:

*Карл едет завтра в Берлин — Карл едет завтра
в Берлин — Карл едет завтра в Берлин —
Карл едет завтра в Берлин.*

Особую роль в изменениях значений слов, как и в языковых изменениях вообще, играет детская речь, точнее — процесс усвоения языка детьми: «Как в отношении фонетики и в отношении значений, придаваемых словам, так и в области новообразований по аналогии самые резкие отклонения от узуса наблюдаются в речи детей».

Говорит Пауль и об ассоциативных группах слов: «В нашей психике происходит взаимопритяжение отдельных слов, вследствие чего слова образуют в ней множество более или менее крупных групп. Это взаимное притяжение всегда основано на частичном совпадении звучания или значения отдельных слов, либо и звучания, и значения одновременно. Отдельные группы не существуют независимо друг от друга, на деле имеются более крупные группы, включающие в себя некоторое число более мелких групп, и все они взаимно перекрещиваются».

Отсюда уже, как говорится, рукой подать до понятия системности в языке: «Отдельное языковое явление можно исследовать только при постоянном учете всей совокупности языкового материала, только таким путем можно прийти к познанию причинной связи».

Концепцию Г. Пауля в целом можно охарактеризовать тем, что он, по словам Ж. Мунена, пытается разработать вторую после Шлейхера общелингвистическую теорию.

Московская лингвистическая школа формируется в 70—80-е гг. XIX в. при Московском университете. Основателем школы является Ф.Ф. Фортунатов. Его ученики и последователи — В.К. Поржезинский, Д.Н. Ушаков, М.М. Покровский, Б.М. Ляпунов, А.И. Томпсон, А.М. Пешковский, Г.Г. Ульянов, А.А. Шахматов и др. По своим общетеоретическим взглядам (психологическое понимание сущности языка и строгий учет фонетических законов) близки к Лейпцигской школе. Однако в отличие от представителей «классического» младограмматизма они проявляют интерес к общелингвистической проблематике; стремятся к формализации лингвистических процедур. Представители этой школы большое внимание уделяют изучению социального характера языка, а также становлению литературного языка. Хотя основная роль по-прежнему отводится диахроническому изучению языка, Фортунатов считает необходимым исследовать индоевропейские языки не только в отношении к их общему первоисточнику, но и рассматривать их в период самостоятельного развития.

Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914) — лингвист европейского масштаба, создатель теории грамматического формализма, специалист в области сравнительно-исторической грамматики и акцентологии индоевропейских, в особенности славянских и балтийских, языков. Окончил Московский университет, где основным его наставником был Ф.И. Буслаев. Побывал во Франции, Германии и Англии, где слушал лекции Лескина, Курциуса, Вебера, Эбеля, Бреаля и Бергена, изучал литовские, санскритские и ведические рукописи. В Литве исследовал литовские диалекты. Первым в России начал преподавать литовский язык, имеющий большое значение при сравнительном изучении

индоевропейских языков. Свои лингвистические воззрения выражал главным образом в лекциях: *Сравнительное языковедение* (1900 г.), *Сравнительная морфология* (1901 г.), *Сравнительная фонетика индоевропейских языков* (1902 г.) и др.

В области общего языкознания Фортунатова интересовали вопросы о связи языка и мышления, а также понятие грамматической формы.

По мнению Фортунатова, «не только язык зависит от мышления, но и мышление... зависит от языка». Язык представляет собою совокупность знаков для мысли и для выражения ее в речи.

Для появления языка требуется определенная степень развития способности произносить членораздельно звуки и духовной способности. Фортунатов связывает развитие языка с развитием того общества, которому он принадлежит. Дробление общества на части соответствует дроблению языка на отдельные наречия. Если исчезает связь между разъединившимися частями общества, образуются самостоятельные языки. Если же связи тесны, то происходит постепенное объединение наречий. Вопрос о связи языка и общества связан с учением Фортунатова о *внутренней и внешней истории языка*. Внутренняя история определяется отдельными индивидами, а внешняя — связью между языком и обществом.

По ряду лингвистических вопросов у Фортунатова были самостоятельные взгляды: вместо психологизма младограмматиков он пропагандирует *формализм*. Грамматику Фортунатов определяет как *учение о форме*. Учение о форме слова — морфология; учение о форме словосочетания — синтаксис.

Грамматическая форма рассматривается с морфологической точки зрения и понимается как членимость слова на основу и окончание. Формальные принадлежности (аффиксы) могут быть не только положительными, но и отрицательными (нулевыми). Слово может заключать в себе более одной формы. Могут быть слова, не имеющие формы.

У слов выделяются формы словообразования и словоизменения. В зависимости от наличия у слов форм словообразования и форм словоизменения выделяются грамматические классы слов.

Части речи рассматриваются Фортунатовым как разряды слов, сгруппированные по формальным признакам: падежные слова, родовые слова, личные слова, т.е. изменяющиеся по падежам, родам, числам.

В области синтаксиса Фортунатов занимает двоякую позицию. Во-первых, опирается на концепцию психологического синтаксиса Пауля и вслед за ним рассматривает предложение как психологическое суждение и говорит, что любая часть простого предложения может выражать психологическое сказуемое, если на нее падает логическое ударение. А во-вторых, учение о словосочетании строит, исходя из принципов формальной грамматики. Грамматическая форма словосочетания — это выражение формами языка отношения предмета мысли к другим предметам мысли. Словосочетание, имеющее грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое, является полным. Словосочетание, не включающее грамматическое подлежащее или сказуемое, является неполным. Незаконченные словосочетания — части законченных, представляющих собой грамматическое предложение.

Идеи Ф.Ф. Фортунатова в области синтаксиса получают дальнейшее развитие в трудах **Александра Матвеевича Пешковского** (1878—1933). А.М. Пешковский — ученик Фортунатова, но на формирование его взглядов большое влияние оказала также лингвистическая концепция Потебни. Основная работа: *Русский синтаксис в научном освещении* (1914 г.). Пешковский считает синтаксис основным разделом грамматики, в котором изучаются формы словосочетания. Задача синтаксиса — описание всех типов словосочетаний, установление происхождения типов словосочетаний и определение их основных функций. Словосочетание понимается им очень широко, поэтому предложение вторично по отношению к словосочетанию. Однако Пешковский полагает, что синтаксические значения нельзя рассматривать вне смысла и семантики. Пешковский опре-

деляет предложение на основе грамматических признаков, отражающих категории мысли. Главный грамматический признак — сказуемость (предикативность). «Сказуемость — это грамматическая категория, и притом важнейшая из категорий, так как в ней тесно сцепляются речь с мыслью». С изучением предложения связано и учение Пешковского об интонации. По его мнению, в контексте любое слово или словосочетание интонация способна превратить в предложение.

Его учение о частях речи строится с учетом не только формы, но и сочетаемости. Пешковский выделяет 4 основные части речи: существительное, прилагательное, глагол и наречие. Существительное является носителем предметности, глагол и прилагательное — признаковости. В глаголе признак — это деятельность предмета, в прилагательном — признак, заложенный в природе предмета. Наречие — признак признака. Причастие, деепричастие, герундий и подобные — смешанные категории. Не входят ни в основные, ни в смешанные категории местоимения, числительные, предлоги, союзы, междометия. Предлоги и союзы обнаруживают свое значение только в словосочетании. Числительные и местоимения не являются отдельными частями речи. Междометие тоже не является частью речи, так как выражает чувствования, а не представления.

Алексей Александрович Шахматов (1864—1920) — ученик Фортунатова. Занимался исследованием истории русского языка, диалектологией, состоянием современного русского литературного языка, лексикографией. Ему принадлежат работы по древнерусской литературе, фольклору, истории и этнографии. Его работы в области общего языкознания: *Синтаксис русского языка* (1914 г.), *Очерк современного русского литературного языка* (1913 г.).

В своей работе *Синтаксис русского языка* Шахматов отходит от формалистической концепции Фортунатова. В качестве основной единицы синтаксиса он выделяет простое предложение. Словосочетание является составной частью предложения. Поэтому учение о словосочетании и слове подчиняется учению о предложении. Предложение рассматривается как словесное выражение единицы мышления. «Язык в своих элементах зародился и развивался в составе предложения, ибо предложение является единственным способом обнаружения мысли в слове». За основу теории предложения Шахматов берет теорию коммуникации как особого акта мышления, который сообщает другим людям о состоявшемся в мышлении сочетании представлений. Простейшая коммуникация состоит из двух представлений, приведенных движением воли в предикативную связь. Среди представлений (членов коммуникации) выделяются главное и зависимое, которые оформляются в виде членов предложения. Несоответствие словесного высказывания сочетанию субъекта с предикативом восполняется за счет интонации. Шахматов четко разграничивает односоставное и двусоставное предложения.

Казанская лингвистическая школа. Основателем этой школы является Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845—1929) — ученый с мировым именем, по словам Я.В. Лоя, «гордость польской и русской лингвистической мысли и один из оригинальнейших умов в мировой науке о языке, ученый большой творческой силы, мастер тонкого лингвистического анализа, языковед-мыслитель и теоретик, который часто опережал западноевропейскую лингвистическую мысль (особенно теорией фонем), историк языка, историк языкознания, славист, полонист, индоевропеист, диалектолог, лексикограф, но особенно фонолог, основатель казанской, петербургской и польской школ языкознания». Учился в Праге, в Йене у Шлейхера, в Берлине у Вебера, в Петербурге у Срезневского. Работал в Казанском, Юрьевском, Краковском, Петербургском и Варшавском университетах. Член Краковской и Российской академий наук. Один из первых начал исследовать литовский язык и преподавать его в высшей школе. В мировую науку он ввел следующие понятия: *фонема*, *морфема*, *синтагма*, *лексема*, *графема*, *морфологизация* и др. Термин *фонема* был заимствован у Соссюра Крушевским, а затем его использовал и Бодуэн. Л.В. Щерба писал: «Он не был ничьим учеником, не принадлежал ни к какой школе, сам себя называл автодидактом... Всю свою жизнь по всем решительно вопросам он за-

нимал — и вовсе не старался занимать — собственную, нетрафаретную позицию... Нельзя сказать, науке какого народа принадлежит его деятельность. Он работал среди русских, поляков, немцев, писал по-польски, по-русски, по-словенски, по-чешски, по-немецки, по-французски, по-итальянски, по-литовски». Большое внимание уделял точному и тонкому наблюдению и исследованию языковых фактов, но не ради их простой констатации, а для решения теоретических проблем.

По поводу психологизма Бодуэна Л.В. Щерба замечает: «Сам Бодуэн подчеркивал, что он прибегает к психологической терминологии за невозможностью при современном состоянии науки дать другую... Психологизм Бодуэна легко вынуть из его лингвистических теорий — все в них останется на месте. Заслуги Бодуэна не в психологизме, а в гениальном анализе языковых явлений и не менее гениальной прозорливости».

Для объяснения языковых явлений Бодуэн использовал метод аналогии, в связи с чем его можно считать одним из предшественников младограмматизма. Задолго до Жильерона он читал лекции по лингвистической географии славянских и балтийских языков. Критикуя Шлейхера, отмечал, что язык — не живой организм: его нельзя рассматривать отдельно и независимо от человека. «Классических» младограмматиков упрекал в том, что язык они рассматривают только в историческом аспекте, считая, что статическое и историческое рассмотрение языка — это две взаимосвязанные стороны исследования. Как и Гумбольдт, он полагал, что каждая языковая система есть одновременно и средство общения, и момент в историческом развитии языка, поскольку в ней всегда имеются, с одной стороны, относительно устойчивые явления, а с другой — отмирающие пережитки прошлого, а также зачатки будущей системы, «Статика языка есть только частный случай его динамики, или скорее кинематики». По поводу отношения Бодуэна к фонетическим законам Л.В. Щерба пишет, что он «указывал на множественность, а зачастую Противоречивость факторов каждого данного языкового изменения, а "звуковые законы" считал лишь результатом скрещенного действия этих факторов, отказывая им поэтому в праве называться "законами"».

Язык Бодуэн понимал как систему: «Все элементы языкового мышления, как фонетические, так и морфологические и семасиологические, укладываются сами собою в группы и разряды». При этом он различал язык как потенциальный комплекс категорий и языковой деятельности как непрерывного процесса, причем именно в деятельности и только в ней существует язык. Пришел он также и к пониманию социальной дифференциации языка.

Однако главное в учении Бодуэна — это его теория фонемы, к которой он пришел при изучении фонетических альтернатив, установив факт несовпадения физических и функциональных свойств звуков речи, «роль звуков в механизме языка, их значение для чутя народа, не всегда совпадающее с соответственными категориями звуков по их физическому свойству и обусловленное, с одной стороны, физиологической природой, а с другой — происхождением, историей звуков; это разбор звуков с **морфологической**, словообразовательной точки зрения». «Фонема — единое представление, принадлежащее миру фонетики, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука — психический эквивалент звуков языка», или это звук, одинаковый в представлении, но различный внешне, акустически.

Николай Вячеславович Крушевский (1851 — 1929), ученик Бодуэна; специально приехал из Польши в Казань, чтобы учиться у него. Основные работы: *Очерки науки о языке* (1893 г.), *Очерки по языковедению* (1894 г.). По словам Бодуэна, «видел свою задачу и вообще задачу лингвистов высшего стиля только в обобщениях».

Считал, что «слово есть знак вещи», а «язык есть не что иное, как система знаков... Невзирая на все отклонения, язык является гармоническим целым». При этом языковую систему мы можем рассматривать как «в порядке сосуществования (статике), так и в порядке последовательности (динамике)».

Н.В. Крушевский выявляет основные закономерности языковой эволюции, кото-

рые заключаются в том, что язык изменяется благодаря сложности и неопределенности своих элементов; изменчивость обусловлена символическим характером слова; языковые элементы могут не только изменяться, но и исчезать. И в процессе переинтеграции материала постоянно происходит создание нового языка; развитие языка заключается в том, что он постоянно стремится к полному соответствию между миром слов и миром понятий; для понимания языковых явлений важны законы ассоциации.

Ф. де Соссюр отмечал, что Бодуэн де Куртенэ и Крушевский ближе других подошли к теоретическому осмыслению языка, не выходя за пределы лингвистики.

Василий Алексеевич Богородицкий (1857—1941), профессор Казанского университета, занимавшийся вопросами общего языкознания, сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, общей и экспериментальной фонетики. Был одним из первых фонетистов-экспериментаторов не только в России, но и в Европе. Основал первую в России лабораторию экспериментальной фонетики при Казанском университете. Основные работы: *Очерки по языковедению и русскому языку* (1901 г.); *Общий курс русской грамматики* (1904 г.); *Лекции по общему языкознанию* (1907 г.); *Сравнительная грамматика арио-европейских языков* (1914 г.); *Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных* (1930 г.) и др.

Богородицкий считал, что звуки речи нужно исследовать в системе «вместе с другими явлениями того же диалекта не только в современном состоянии, но и в историческом развитии», что изучать нужно живой разговорный язык и территориальные диалекты. Занимался вопросами языковых контактов и смешения языков, различая при этом столкновение родственных (русский и немецкий) и неродственных (русский и чувашский) языков, соприкосновение близкородственных (русский и польский, русский и чешский) языков и контакт наречий одного языка (переходные говоры от малоросского к великоросскому). Выдвигал идею «аналогического сравнения», т.е. сопоставительного изучения языков. Исследовал морфологические процессы в языке: переразложение, опрощение и т.п. Считал, что к проблеме частей речи следует подходить с нескольких точек зрения: морфологической, семантической, синтаксической и логической.

Уильям Дуайт Уитни (1827—1894), виднейший лингвист США, санскритолог, специалист по языкам индейцев и общему языкознанию. Учился в США, затем в Берлине и Тюбингене. С 1854 г. — профессор сравнительного языкознания и санскрита в университете Нью-Хейвена. Уитни основал Американское лингвистическое общество, президентом которого он оставался до конца своей жизни. Его главные работы по общему языкознанию: *Язык и изучение языка* (1867 г.) — изложение основ сравнительно-исторического метода; *Жизнь и рост языка* (1875 г.). Ф. де Соссюр считает, что его работы послужили толчком к движению младограмматиков. А. Лескин, Б. Дельбрюк и К. Бругман считали себя учениками Уитни. Как отмечает Ж. Мунен, Уитни выступал против всех основных направлений своего времени. Так, выступая против биологизма Шлейхера, он показывает, что язык не существует вне человека и представляет собой общественное явление. «Язык не имеет никакого иного существования, кроме как в умах и устах говорящих на нем людей» и не имеет ни жизни, ни роста, независимых от людей. При этом он указывал, что язык не является преднамеренным созданием ни отдельного человека, ни общества: «Мы не создаем ни нашего языка в целом, ни какой-либо отдельной его части».

Уитни четко разграничивает действие индивидуальных и социальных факторов в языке. Язык — это продукт общества, его средство и инструмент, он объединяет людей. Все, чем обладает человек в отличие от животных, возможно только благодаря языку. Языковые изменения, встречающиеся в речи отдельных индивидов, происходят не намеренно: «Человек производит изменения в языке, не осознавая этого... Каждый человек осознает свою неспособность повлиять на язык, произвольно или непроизвольно; и он знает, что то, чего не может сделать он, не может и никто другой». Однако

язык не допускает каких-либо произвольных изменений со стороны говорящих.

Выступая против «психологии народов» Штейнтала, Уитни отмечает, подтверждая это всей своей деятельностью, что считаться нужно больше с фактами языка, а не психологии. Лингвистика должна исследовать внутреннюю жизнь языка, его происхождение, этапы его развития, выявлять законы его изменения. Важно понять сущность языка как человеческого вклада в природу, отношение языка к мысли, влияние языка на развитие мышления отдельных людей и на рост совокупного знания в обществе. Уитни подчеркивает необходимость выявления взаимоотношений развития языка с историческим развитием народа, его культуры, его социальной организации. Основу же лингвистики, ее предмет, составляет знак, звучащий и воспринимаемый, при помощи которого в определенном обществе передается определенная сумма значений.

Язык представляет собой совокупность произвольных и условных знаков, получающих свое значение только при коллективном использовании. Однако это не просто совокупность, это система знаков, где каждый знак соотносится с определенной идеей. Слова представляют собой знаки вещей. Связь между содержанием и выражением имеет ассоциативный, конвенциональный и произвольный характер, что приводит к возможности независимого изменения как той, так и другой стороны знака. Общие закономерности, или общие тенденции в языке, — это всегда закономерности человеческой деятельности, обусловленные привычкой и обстоятельствами. То, что подразумевается под «гением языка», есть в действительности сумма, или результирующая коллективных предпочтений говорящих, определяемая существующим уже материалом и речевым узором.

Подход Уитни к знаковой теории языка и системным отношениям между единицами языка лег, по мнению ряда лингвистов, в основу лингвистической концепции Ф. де Соссюра.

Рассматривая проблему соотношения языка и мышления, Уитни показывает, что язык и мышление — не одно и то же. Мысль всегда предшествует ее выражению. Язык является орудием мыслительных операций. Каждый язык образует свою «внутреннюю форму», свою систему формирования мысли, которая образуется в каждом языке посредством присущих ему форм-значений. Внутренней формой индивид овладевает в процессе изучения родного языка. Она является продуктом внешнего воздействия для индивида, а не присуща ему изнутри.

Уитни подробно рассматривает процесс овладения языком в детском возрасте, который отражает систему становления мысли ребенка, причем все это происходит под воздействием окружающих. Детально описав этот процесс, он отмечает, что язык есть выражение зрелого и практического мышления и ребенок вступает в пользование языком, как только его природные способности и благоприятные обстоятельства позволяют ему это. Все группировки, классификации и характеристики в языке уже сделаны другими, и он лишь пожинает плоды их трудов.

Процесс овладения языком связан с выработкой одновременно и системы определенных ограничений, которых носитель языка не осознает. Первый язык, который человек изучил, является для него естественным способом не только говорить, но и думать, и он не представляет себе другого. В результате язык оказывает влияние на характер восприятия мира и мышления. Это влияние закрепляется еще и тем, что мы не создаем нового языка, а наследуем язык своих предшественников. При овладении вторым языком происходит адаптация человека к внутренней форме нового языка — индивид должен научиться мыслить в тех же понятиях, что и носители этого языка.

Важной характеристикой языка является то, что он постоянно и непрерывно меняется. Именно изменения определяют жизнь языка, являются ее показателем. Уитни одним из первых обратил внимание на явление аналогии как на важнейший фактор языковых изменений. Он указывал на системный характер языка и использовал понятие «структуры» для характеристики взаимосвязи и взаимозависимости его элементов.

Идеи Уитни оказали большое влияние на лингвистов того времени. В списке работ по общему языкознанию, рекомендуемом для чтения, Ф.Ф. Фортунатов в качестве первой работы указывает *Язык и изучение языка*. Бодуэн де Куртенэ отмечает, что влияние Уитни на языковедов обоих полушарий было не меньшим, чем влияние Штейнталя. Ф. де Соссюр, который цитирует очень немногих, неоднократно упоминает Уитни. Вообще влиянию идей Уитни на Соссюра посвящено большое число работ. Ж. Мунен считал, что Уитни в силу своего влияния хотя бы только на Соссюра и Блумфилда находится у истоков современной лингвистики — как европейской, так и американской. При этом возникает следующий парадокс: если, по мнению Соссюра, Уитни положил начало младограмматизму, то, с другой стороны, ряд идей, получивших развитие в работах самого Соссюра, знаменует конец младограмматизма.

Тема: А. Марти. Критика младограмматизма. Поиск новых путей. «Школа слов и вещей» Г. Шухарда. Эстетический идеализм К. Фосслера

По словам Ж. Мунена, в то время, когда историзм был доминирующим, только один голос поднялся в защиту описательной и синхронической лингвистики. Это был голос Марти. **Антон Марти** (1874—1914) возродил идею универсальной грамматики, по словам другого историка, в условиях «враждебного младограмматического окружения» — школы сравнительно-исторического языкознания. Он подчеркивал ценность «дескриптивного» подхода в лингвистических исследованиях, противопоставляя их «генетическим», и предпринял попытку создания всеобщей грамматики, основывающейся на заранее данных априорных схемах, выведенных логическим путем, предвосхищая этим идеи Л. Ельмслева. Такая грамматика, по мнению Марти, должна представить собой необходимое дополнение к учению о принципах истории языка.

Основная работа Марти — *Исследования к обоснованию всеобщей грамматики и философии языка* (1908). Под «философией языка» он понимал всеобщую семасиологию, все то, что может быть отнесено к всеобщим и нормативным явлениям. Он считал, что общие психологические основы функционирования языка обуславливают общность особенностей и элементов всех форм человеческой речи. Все языки характеризуются общностью содержания и общностью способов для его выражения. Он представлял универсалии языковой структуры как результат универсального человеческого опыта.

Важную роль Марти отводит психологии. Он согласен с Г. Паулем в том, что языкознание должно быть насквозь психологическим.

В языке Марти различал материю и форму. Под материей языка он понимал его содержательную сторону. В своей теории значения он учитывает отношение высказываемого как к говорящему, так и к слушающему. Он проводил четкое различие между тем, какой смысл имеет выражение само по себе, и способом структурирования этого смысла с помощью языковых средств, т.е. совокупностью связей между значением и выражением, которую он называл «внутренней формой» языка. Внешняя форма языка — это его звуковая сторона.

Марти различал **автосемантические** слова и выражения, представляющие полное выражение психических явлений, и **синсемантические**, которые сами по себе ничего не значат и приобретают смысл только в соединении с другими словами (выражениями).

В теоретической лингвистике Марти не имел прямых последователей, но он, несомненно, открыл путь для некоторых основных «современных» направлений. Считают, что немецкая традиция дескриптивной семантики во многом исходит из идей Марти.

Что касается младограмматизма, то задача, поставленная наиболее ортодоксальной частью направления, — исследование фонетических законов, была успешно выполнена. Был проведен анализ исторического изменения каждого отдельного звука. Тем не менее младограмматики, критиковавшие ранее своих предшественников, сами стали

объектом резкой критики. Основное внимание обращалось не на то, что было сделано, а на то, чего не удалось сделать, по мнению тех, кто выступал с критикой. Правда, не все мнения представляются бесспорными и окончательными. Дело в том, что критикующие, вероятно, не всегда утруждают себя внимательным прочтением того, что они критикуют. Причем это касается не только младограмматизма. На наш взгляд, в этом отношении больше всего «повезло» Фердинанду де Соссюру: трудно назвать лингвиста, который бы не преминул как-то «подправить» Соссюра, хотя зачастую поправки и уточнения вносил сам автор, несколькими строками (или абзацами) далее. Но это обычно оставалось за пределами внимания, поскольку «мавр»-критик уже сделал свое дело. Блестящим примером тщательного и глубокого прочтения работы Пауля является статья М.К. Сабанеевой, в которой снимаются многие возражения в адрес младограмматиков.

В качестве основных недостатков младограмматиков отмечались: 1) Внимание только к звуковой стороне языка и «пренебрежение» содержательной стороной. 2) «Атомизм» (рассмотрение отдельных фактов без какой-либо попытки выявить их системные отношения). Правда, по мнению С.Д. Кацнельсона, «атомизм» до сих пор еще не преодолен в науке о языке. 3) Историзм языковых явлений вне связи с историей общества.

В связи с этим начинается поиск новых путей развития лингвистических исследований. Появляется ряд новых имен.

Прежде всего следует назвать школу «слов и вещей», одно из первых, по словам Т.А. Амировой, течений, стремившихся полностью порвать с традициями младограмматизма. Основателем этой школы был **Гуго Шухардт** (1842—1927), ученик Шлейхера и Дица, австрийский лингвист, один из виднейших языковедов своего времени, сочетавший интерес к теоретическим проблемам с изучением разнообразных конкретных языков — он был специалистом по общему и романскому языкознанию, баскскому, мадьярскому, древнееврейскому, кавказским, славянским и финно-угорским языкам.

С 1909 г. начал выходить журнал «Слова и вещи», издаваемый **Рудольфом Мерингером** (1859—1931). В журнале обсуждалась идея о расходящихся в разные стороны «волнах культуры», состоящих из «языковых волн» и «волн вещей», и ставилась задача изучения истории слов, основанная на истории обозначаемых словами вещей. Если в центре внимания младограмматиков были фонетика и морфология, т.е. форма, то критики младограмматизма в первую очередь обращают внимание на содержательную сторону языка, на семантику. Все это нашло отражение в системе взглядов Шухардта.

Прежде всего Шухардт выступает против того, чтобы наука сводилась лишь к описанию фактов без каких бы то ни было теоретических обобщений. «Всякое частное языкознание переходит в общее, должно быть составной частью его... При самом тщательном исследовании частных вопросов мы обязаны не терять из виду общее, так сказать, самое общее... К подлинной науке нельзя подходить с излюбленным "*ne supra crepidam*", что в действительности применимо лишь к сапожнику».

Шухардт выступает против отнесения языкознания к филологии, считая, что даже языки разных семей, «как бы далеко они ни отстояли друг от друга, в научном смысле связаны между собой гораздо теснее, чем язык и литература, даже тогда, когда они принадлежат одному и тому же народу».

Хотя в своих работах Шухардт имеет дело с разными аспектами языка — фонетикой, грамматикой, лексикой, особое место он отводит семантике, закономерностям развития семантического строя языка, считая, что исследование вещей и исследование слов должны производиться одновременно. Вещь, под которой понимаются и предмет, и действие, и состояние, первична по отношению к слову. «Вещь существует целиком и полностью для себя; слово существует лишь в зависимости от вещи, в противном случае это пустой звук».

Вещь по отношению к слову — это нечто первичное и устойчивое, тогда как слово тяготеет к вещи и движется вокруг нее». При этом «между вещью и словом неизменно находится представление».

Изучение истории слова должно предполагать и изучение «истории говорящего»: рассматривая историю дома, лошади, виноградника, иглы, горшка и т.д., нужно «говорить об истории строительного искусства, приручения лошади, культуры виноградарства, кузнечного и гончарного производства, а еще правильнее — об истории того, кто строит, приручает животных, сажает лозу, кует и изготавливает гончарные изделия».

При изучении истории вещи и слова следует обязательно принимать во внимание историю **обозначения и значения**. В каждый момент исторического развития обозначение соответствует слову, а значение — вещи. В процессе же развития вещь может изменяться при сохранении обозначения и, наоборот, слово может изменяться при неизменности вещи.

Особое внимание Шухардт обращает на необходимость изучения словаря разных социальных групп, поскольку «подобно тому, как нет двух людей, обладающих словарем совершенно одинакового объема, так и между разными общественными группами, проживающими в пределах одной и той же территории, различия в объеме словаря исключительно велики».

Рассмотрение соотношений между вещью и словом приводит к идее группировки слов не по этимологическому, а по тематическому признаку, к идее создания тематических словарей: «Словарь, составленный по принципу однородных вещей, гораздо более поучителен, чем составленный в алфавитном порядке; в последнем эта поучительность отсутствует».

Рассматривая язык как «продукт социальной жизни», Шухардт резко выступал против абсолютного характера звуковых законов, считая учение о непреложности их действия тормозом для дальнейшего развития науки. «Фонетические законы и социальный характер языка несовместимы друг с другом». Не следует объяснять развитие языка действием лишь чисто внешних, механических причин. В развитии языка участвует не только физиологическая сторона, но и психическая. В языке все взаимосвязано: «в целом нужно уметь обнаруживать в языке единство». Понятие фонетического закона — чисто вспомогательное понятие: «Я признаю право на существование и полезность "фонетических законов", но лишь в качестве формул, разъясняющих сближение или совпадение различных процессов, а отнюдь не определяющих их».

Основной причиной развития языка Шухардт считал **смещение языков**: «Среди всех тех проблем, которыми занимается в настоящее время языковедение, нет, пожалуй, ни одной столь важной, как проблема языкового смещения». «Не существует ни одного языка, свободного от скрещений и чужих элементов». Именно смещение языков ведет к их изменению. При этом причины данного процесса всегда имеют социальный, а не физиологический характер. Понятие смещения языков привлекало внимание к явлению языковых контактов, к исследованиям в области билингвизма, диалектологии, лингвистической географии.

Развивая «теорию волн» Шмидта, Шухардт предлагает идею «лингвистической непрерывности», приводящую к отрицанию наличия строгих границ между говорами, диалектами и языками. «Локальные говоры, диалекты и языки — абсолютно условные понятия», «географические собирательные обозначения». Таким образом, вместо генеалогической классификации предлагается теория географической непрерывности, «географического выравнивания», т.е. непрерывных переходов одного языка в другой. Вследствие этого возникает идея родства **всех языков мира**: «Я признаю, что все языки мира родственны, однако они родственны не в силу своей родословной, но лишь потому, что это родство образовалось при ближайшем, весьма широком участии смещения и уподобления». В связи с этим Шухардт призывает к сравнительному изучению неродственных языков, т.е. к типологическим исследованиям.

Как отмечает Т.А. Амирова, «в истории языковедения Шухардт занимает особое место как критик старого и глашатай нового. В его трудах, написанных в конце XIX — начале XX в., как в зеркале, отразилось состояние современной ему науки о языке. Работы

Шухардта свидетельствуют о зарождении нового подхода к языку, выработке новых методов его описания».

Если Шухардт рассматривал содержательный аспект языка «с внешней стороны», со стороны предметов («вещей»), то на «внутренней стороне», на духе, строит свою концепцию **Карл Фосслер** (1872—1949), профессор романской филологии Мюнхенского университета, т.е. не только лингвист, но и литературовед. Взгляды Фосслера сформировались под большим влиянием идей итальянского философа **Бенедетто Кроче** (1866—1952).

Кроче, в строгом смысле, не был специалистом ни в области лингвистики, ни в области философии языка. Сильное влияние на большое число лингвистов оказала его *Философия духа* (1902—1917 гг.), которая получила значительный резонанс в ряде европейских стран. По словам Э. Сепира, «из современных видных авторов по вопросам духовной культуры Кроче, один из весьма немногих, постиг основное значение языка. Он указал на тесную связь языка с проблемой искусства».

Взгляды Кроче на язык, восходящие к идеям Гумбольдта и Гегеля, изложены в книге *Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика* (1920 г.). Кроче противопоставляет два вида человеческого познания — интуитивное и логическое. Первое дает познание индивидуальных вещей, второе — познание всеобщего, отношений между вещами; первое оперирует образами, второе — понятиями; первое находит свое выражение в искусстве, второе — в науке. Все человеческое знание «находится в движении между двумя полюсами, полюсом чистой интуиции, которым является поэзия или искусство, и полюсом чистого понятия, которым является философия». Важной частью философии является эстетика, изучающая **выражение**, т.е. каждое проявление интуиции, создание образа. Каждое проявление языка есть творческий акт, что сближает язык с искусством. Поскольку язык состоит из неповторимых выражений, языкознание должно исследовать их. Таким образом, «все научные проблемы лингвистики одни и те же у нее с эстетикой», и лингвистика, и эстетика составляют одну и ту же научную дисциплину.

Язык представляет реальность только как произведение искусства, поэтому любое абстрагирование, любая классификация оказываются внешними по отношению к языку. Лингвистика должна основываться не на логическом, а на интуитивном познании, следовательно, от понятий предложения и грамматической категории, как основанных на логических принципах, нужно отказаться.

Идеи Кроче о языке и лингвистике получили развитие в следующих работах Карла Фосслера: 1904 г. — *Позитивизм и идеализм в языкознании*, 1905 г. — *Избранные статьи по философии языка*, 1925 г. — *Дух и культура в языке*.

Как отмечает В.А. Звегинцев, уже в первой работе сам Фосслер всячески подчеркивает идеалистическую сущность своей концепции. Однако следует заметить, что «идеализм» в понимании Фосслера — это не только источник отрицательных коннотаций, связанных в отечественной философии с этим понятием, но и синоним того, что принято называть «диалектикой». «Под позитивизмом и идеализмом я понимаю не две различные философские системы или группы систем, а первоначально только два основных направления в наших методах познания».

В этом плане концепцию младограмматиков он характеризует как позитивистскую, противопоставляя ей свою — идеалистическую.

Младограмматики рассматривали язык как нечто данное и завершенное и механически расчленили его на элементы. «Живая речь разлагается на предложения, члены предложения, слова, слоги и звуки... Чрезвычайно распространенным и почти неискоренимым предрассудком является убеждение, что предложение представляет **естественную** единицу речи, член предложения — **естественную** часть предложения, а слово или слог — дальнейшее естественное подразделение». «Рассматривать язык с точки зрения установлений и правил — значит рассматривать его ненаучно. Следовательно, синтаксис вовсе не наука — в такой же степени, как и морфология и фонетика. Вся эта со-

вокупность грамматических дисциплин — безграничное кладбище, устроенное неутомимыми позитивистами, где совместно или поодиночке в гробницах роскошно покоятся всякого рода мертвые куски языка, а гробницы снабжены надписями и перенумерованы».

Фосслер считал, что язык представляет собой единое и взаимосвязанное целое и именно таким он представлен в стилистике, которая и должна быть основной лингвистической дисциплиной. «Все явления, относящиеся к дисциплинам низшего разряда — фонетике, морфологии, словообразованию и синтаксису, будучи зафиксированы и описаны, должны находить свое конечное, единственное и истинное толкование в высшей дисциплине — стилистике». Именно стилистика включает в себя всю лингвистику. «Стилистика была и остается альфой и бетой филологии».

В связи с этим вполне естественно, что основной функцией языка Фосслер считает экспрессивную функцию, функцию выражения. По его мнению, новая система языкознания должна обеспечить чисто эстетическое и эстетико-историческое рассмотрение языка, поскольку история развития языка аналогична истории развития искусства. Грамматика как таковая не имеет права на самостоятельное существование. Подразделение языка на фонетику, морфологию и синтаксис есть результат придуманного грамматистами механического членения. «Так называемые грамматики должны полностью раствориться в эстетическом рассмотрении языка».

Исходя из примата стилистики, анализ языка должен начинаться с синтаксиса, а затем спускаться к морфологии и фонетике. «Дух, живущий в речи, конструирует предложение, члены предложения, слова и звуки — все вместе. Но он не только их конструирует, он **производит** их».

Язык не должен быть подвергнут логическому рассмотрению. В основе всех языковых категорий лежит интуиция, внутренняя деятельность, которая и является сущностью языка.

Единственной реальностью и основным объектом изучения лингвиста должна быть речь индивида, которая представляет собой духовное творчество личности, служащее средством выражения ее интуиции и фантазии. «По своей сущности любое языковое выражение является индивидуальным духовным творчеством. Для выражения внутренней интуиции всегда существует только одна-единственная форма. Сколько индивидуумов, столько и стилей».

Основу языкового развития составляет творческий акт индивида, индивидуальное языковое творчество, в результате которого появляется языковое выражение. Последнее получает распространение лишь в том случае, если другие индивиды примут его — пассивно или творчески. Однако далеко не каждый индивид может быть творцом языка. Точно так же, как шедевры искусства создаются отдельными одаренными людьми, языковые ценности творят избранные личности — поэты, творцы, наделенные интуитивной силой. Эти языковые ценности и становятся затем общим достоянием народа.

Общая языковая деятельность оказывается возможной лишь благодаря общей духовной предрасположенности говорящих. «Если люди в состоянии посредством языка общаться друг с другом, то происходит это не в результате общности языковых установлений, или языкового материала, или строя языка, а благодаря общности **языковой одаренности**. Языковой общности диалектов и т.п. в действительности вообще не существует». Эти понятия возникли в результате произвольной классификации.

Распространение языковых инноваций зависит от того, насколько они соответствуют духу языка. Последний, по мнению Фосслера, проявляется в ударении, в акценте. Именно акцент играет главную роль во всех фонетических изменениях. «Акцент — это связующее звено между стилистикой, или эстетикой, и фонетикой; исходя из него следует объяснять все фонетические изменения».

Как уже отмечалось, Фосслер в понимании языка опирается на Гумбольдта. Однако Гумбольдт представляет язык диалектически, как систему антиномий, что его по-

следователи часто упускают из вида. Это касается и Фосслера, который из антиномии «деятельность — продукт деятельности» все внимание уделяет лишь первому члену противопоставления, полностью игнорируя второй.

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского